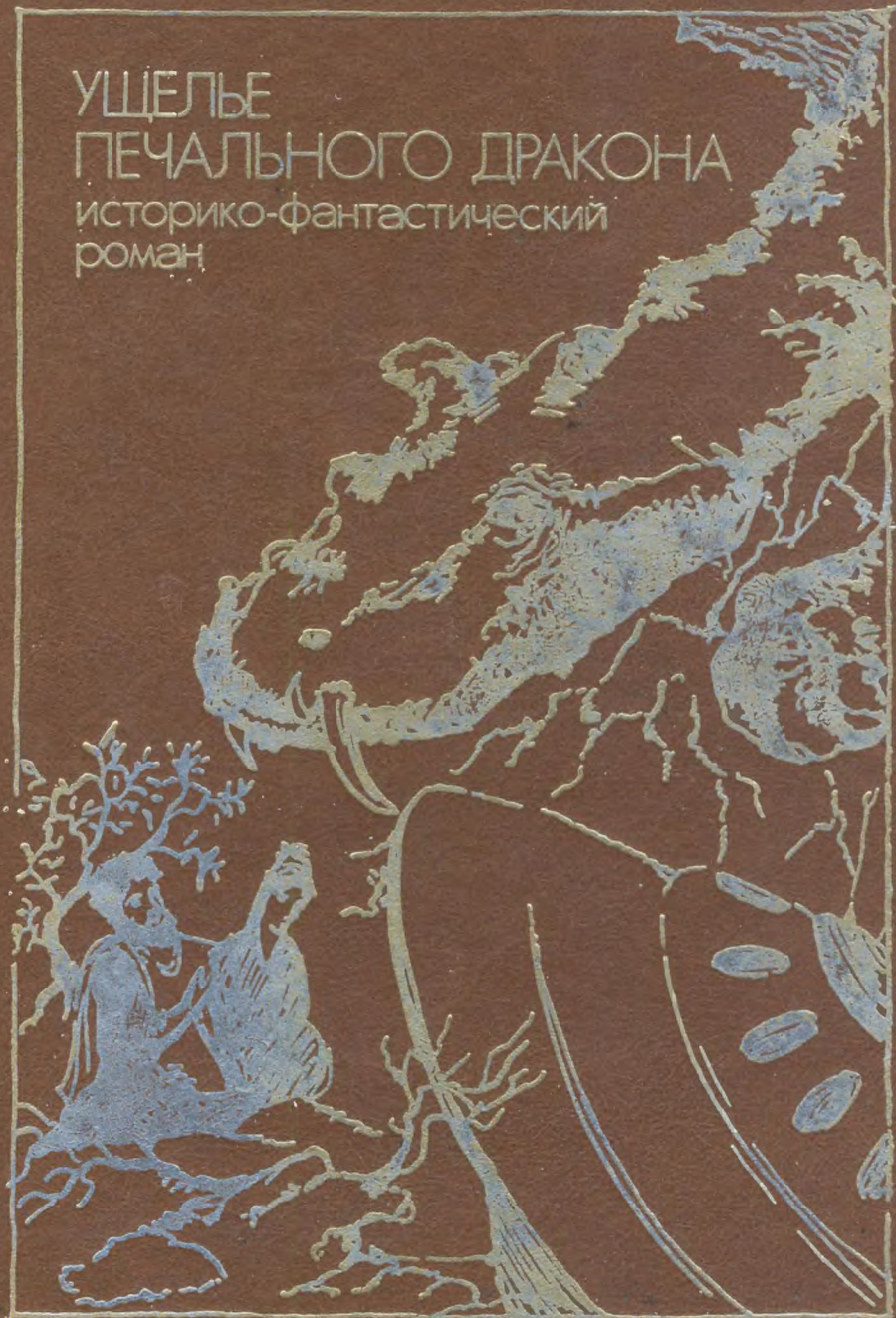

Валерий Дёмин

УЩЕЛЬЕ
ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА
историко-фантастический
роман

Валерий Дёмин

✱

УЩЕЛЬЕ ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА

*Научная фантастика:
роман, рассказ, повесть*

✱

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОМЕТЕЙ»
МГПИ им. В. И. ЛЕНИНА
МОСКВА 1989

ББК 84Р7—4
Д30

Издание осуществлено
за счет средств автора

Демин В. Н. Ущелье Печального дракона. Научно-фантастические роман, повесть, рассказ. М., Прометей, 1989.— 188 с., ил.

В сборник включены научно-фантастические произведения. Основной лейтмотив романа, рассказа и повести — ответственность человека перед историей и за свою судьбу.

Д $\frac{4702010201-89}{183(2)-89}$ без объявл.

© Дёмин Валерий Никитич, 1989 г.

УЩЕЛЬЕ
ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА
историко-фантастический
роман

ЧАСТЬ I

Глава I

РЕБУС СО ДНА КОЛОДЦА

Кран клюнул крюком за высокий борт вагона и, натужно вытянув обшарпанный контейнер, безучастно поставил его в кузов грузовика. Надо же — потерять целый день на товарной станции ради этого добра, накопленного приазовской экспедицией. А ведь требовалось еще доставить груз в институт, оприходовать его по всей форме. Какие только дыры мною уже не затыкали! Подумаешь, провалилась памирская экспедиция — с любым на моем месте случилось бы то же самое. Что же теперь превращать научного работника в завхоза?

«Тут тебя спрашивал какой-то и адресок записал», — сообщил дежурный вахтер, когда я наконец избавился от вороха накладных и ящика с черепками. «Какой-то» ждал меня дома на лестничной площадке, прислонясь к перилам. В руках пожилого мужчины была та самая злополучная газета, согнутая так, что заметка о памирском происшествии красовалась на видном месте.

— Про вас написано? — спросил незнакомец без тени смущения, как будто в порядке вещей — приходить в гости без приглашения чуть ли не под полночь. — Прошу извинить великодушно за вторжение — мне крайне необходимо переговорить с вами. Керн. Моя фамилия Керн, — под конец представился он.

Написано было и впрямь про меня...

* * *

Когда четыре года назад в труднодоступном ущелье центрального Памира геологи наткнулись на пещеру, никто и не предполагал, что впоследствии находка принесет столько не-

приятностей. Пухлый слой паносов и отложений обнадеживал с первого взгляда. Попробовали копнуть у задней стены — и сейчас же между спрессованных комков песка показали каменные ножи и скребла. На большее времени не хватало, да и археология — не забота геологов. Оставили все как есть, ничего не тронув, а о находке сообщили в Москву.

Главным специалистом по древнейшей истории в институте был Боярский. Три года он вынашивал идею исследовать доисторическое поселение на Памире и с энтузиазмом доказывал на каждом углу заманчивость и перспективность предполагаемых раскопок. Наконец экспедицию одобрили. Зато охотников забираться на все лето в безлюдные и неприступные горы, кроме самого инициатора, не нашлось. Я ни на какие раскопки не собирался — готовился с этнографической экспедицией в Монголию. Но однажды к концу рабочего дня Боярский примчался к нам в секцию и с отчаянием предложил:

— Хочешь на Памир?

Мы были дружны — не мешала разница ни в возрасте, ни в положении. Я интересовался археологией, так сказать, на досуге. Он же, профессиональный археолог, избрал этнографию, мою специальность, в качестве хобби и отдавал ей не меньше свободного времени, чем родной науке. На том мы и сошлись.

— А отпустят? Меня ведь уже оформили, — помнится, все-таки поинтересовался я, хотя и знал наперед, что если хлопотать возьмется Боярский, отпустят хоть кого и куда угодно.

— Переоформят, — досадливо отмахнулся он и устроил все в два счета.

Памирская экспедиция соблазняла не только сроками: начиналась позже, кончалась раньше других, — но, откровенно говоря, и малолюдностью: шумным разношерстным компаниям я всегда предпочитал немногочисленные группы. А на Памир мы отправлялись вдвоем.

Трое рабочих ждали нас в Оше, а проводники с вьючными лошадьми — в исходной точке на памирском тракте, откуда через перевал путь лежал в дикие горы. Два дня пробирался караван на запад. Бездорожье и обвалы, нестаявшие снега, насквозь пронизывающие ветры, kloкочущие переправы, которые едва не стоили нам поклажи и лошадей, — так встретил нас хмурый Памир, еще не до конца расшевеленный поздней высокогорной весной.

Сгрузив у пещеры снаряжение и продовольствие, проводники покинули экспедицию. Назад предполагалось вернуться налегке и не ранее, чем через месяц. Возвращаться, однако, пришлось намного раньше, бросив на произвол судьбы и лопаты, и продукты, и горючее.

Экспедиция, считай, что провалилась. Копать было нечего. Наносные отложения, которые внешне выглядели пышным многослойным пирогом, внушительным и аппетитным, на самом

деле лишь припорошивали непробиваемый монолит горбатого пола. И только у задней стены, там, где под низкими сводами геологи отрыли ножи и скребла, удалось расчистить четыре ступени, бессмысленно уводившие под стену.

В конце концов все прояснилось, когда в центре пещеры под тонким пластом сухой песчаной почвы отыскивали выдолбленное углубление, почерненное от копоти и сажи.

— Поздравляю,— угрюмо сострил Боярский,— можно посыпать голову пеплом из костра огнепоклонников.— И помусолив потным пальцем о закопченный очаг, он посадил мне жирное угольное пятно на кончик носа.

Действительно, мы наткнулись на остатки зороастрийского храма, если можно назвать храмом надолб для костра, да четыре никуда не ведущие ступени, чье назначение знали, пожалуй, только служители культа. Больше откапывать было нечего. Ситуация — глупей не придумаешь. Конечно, открыть зороастрийское святилище среди ледников, чуть ли не в центре Памира — факт не из второстепенных, но Боярский чувствовал себя уязвленным в самое сердце: мало того, что рухнули светлые надежды,— была затронута его репутация ученого.

Оставалось лишь до конца выполнить научный долг: излупить и обмерить пещеру вдоль и поперек, наскребая материал на статейку или доклад. Пропали деньги, пропало драгоценное лето. Приходилось бросать ящики с консервами и крупой — не тащить же обратно. Перед уходом Боярский дал рабочим два выходных, а я отпросился в горы, намереваясь подняться выше по ущелью.

Я выглядел в собственных глазах первооткрывателем, когда на следующее утро — едва над рекой засерело — вылез из палатки и налегке, захватив одни бутерброды, отправился вверх по течению, предполагая идти целый день и возвратиться на завтра к вечеру.

Правда, этак часов через шесть нетрудного, но однообразного подъема пыл во мне заметно поубавился. Я засомневался, стоит ли растягивать прогулку на целых два дня. Впереди — все тот же унылый пейзаж: голые камни, серые скалы, мутная река и сверкающие громады пиков, а ночевать в горах одному — хоть и не страшно, но и не очень приятно.

Я не слишком верил в рассказы о снежном человеке, хотя, если послушать проводника, волосатые люди-оборотни прячутся тут чуть ли не за каждой горушкой. Однако не возможность столкнуться с одним из них волновала меня. Гораздо сквернее, что впереди наверняка нет ни хворостинки топлива для костра. А спать без огня на стылых камнях в одной телогрейке — разве это дело?

Одним словом, еще немного, и я готов был повернуть назад, чтобы засветло поспеть в лагерь, но тут, обогнув утес — он нависал над рекой и заслонял собой половину ущелья,— уви-

дел впереди водопад. Вода низвергалась с огромной высоты, но издали походила на тонкий блестящий шнур, свешенный с пропиленного гребня.

Там, у подножия черной отвесной стены, пробираясь к обрыву, где в вихре ледяных брызг дрожала призрачная полоска радуги, я наткнулся на ровную, точно срезанную, площадку, испещренную причудливыми треугольными знаками. Высеченные добротнo и не наспех, изъеденные временем и ветрами, треугольники свернулись под ногами в три витка идеальной спирали. В центре выделялся правильный, равносторонний треугольник; от него расползались в различных положениях и скалились, как зубы в пасти, треугольники поменьше: прямоугольные, равносторонние, равнобедренные.

Робинзон, увидав на мокром песке след человеческой ступни, пришел в неопиcуемый ужас. Но лучше уж оказаться на месте Робинзона или даже безоружному столкнуться со снежным человеком, чем наступить на эту нн на что не похожую надпись на дне глубокой пропасти, в местах, где заведомо никогда не бывало и не могло быть никаких людей. Сердце Памира, сотни километров безлюдья, полная изолированность в течение долгой зимы — кому и когда потребовалось вырубать тут непонятную спираль? Словно дэвы, сказочные чудища гор, в насмешку рассыпали по камню диковинные треугольники.

Несомненно передо мной была надпись, но ни в коем случае не клинописная. Шумерийская, вавилонская, урартская или древнеперсидская клинопись, как бы ни стилизовались знаки, всегда образуется посредством сочетаний вертикальных и горизонтальных клиньев. А спираль состояла из геометрически правильных треугольников. В самой по себе спиралевидности надписи не было ничего необычного: давно известен фетский диск, найденный на Крите и до сих пор не расшифрованный, попадались отдельные этрусские и рунические надписи, выполненные в виде спирали. Но ни критяне, ни этруски, ни древние германцы никогда не употребляли треугольного письма.

Если бы рядом находились какие-то развалины или еще что-либо, хотя-бы намекавшее на происхождение надписи, а то ведь одна спираль на ровной площадке в нескольких шагах от ревущего водопада — и все. Дальше пути нет. Водопад преграждал проход по ущелью, оно уходило влево и постепенно поднималось к ледникам. Справа подавляла молчаливой неприступностью каменная стена. С противоположной стороны вертикальный склон подступал совсем близко к реке, низко нависая над водой, отчего вокруг было сумрачно и тесно, точно в колоде.

Спуститься с площадки вниз к реке, где свирепо клочкотал и пенился водоворот, без веревки было невозможно. Я облазил всюду, где смог удержаться, перевернул для пущей убедительности с десяток камней — все напрасно. Фотоаппарата не было,

спираль пришлось срисовать на обрывки бумаги. Напрасно я взглядывался в беспорядок пляшущих треугольников, стараясь отыскать хоть какую-нибудь закономерность. Единственно, что удалось выявить, это группу из пяти знаков, которая повторялась трижды.

Я терялся в догадках, пытаюсь провести параллель между пещерным храмом, где мы только что закончили раскопки, и моей странной находкой, но тщетно. Одно не вызывало сомнения: надпись сделана давно, очень давно. Загадочная спираль невольно наталкивала на мысль о судьбе Памира, обледенелой горной твердыни, стоявшей на перекрестке великих цивилизаций древности: сзади, за Гиндукушем — Индия, справа — Китай, на западе и южнее — Персия, Шумер, Вавилон, Финикия, Египет, Греция, Крит, а в центре — Памир, великая снежная страна, неприступной крепостью вставшая на рубеже согдийской и бактрийской державы.

Солище склонялось за горы. Снеговые пики сгрудились и приблизились на закате, подступив к ущелью, будто собираясь напиться из бурной реки. В скользящих отблесках вечерней зари вершины гор светились неестественным цветом театральных декораций. Несколько черных туч, как вороны, кружили меж ближних хребтов и, цепляясь за гребни, то прикрывали ущелье лохматыми краями, то наглухо заволакивали ледники.

Я переночевал невдалеке от водопада, до утра проерзав на жестком каменном ложе, содрогаясь от холода и ветра. неподвижные колючие звезды, похожие на застывший рой светляков, согнанных в ущелье, мерцали прямо перед глазами. Казалось, не они светят сверху, а будто бы я повис вниз головой над звездной рекой, зажатой и застывшей в ущелье.

Чернильные очертания вершин свободно парили в бледном свете луны. Меня бил озноб. Внизу недовольно бормотала река, и сквозь однообразное ворчание воды чудилось, как вдали скачивались по крутому склону тяжелые валуны. Коричневые тени плавали перед глазами — не знаю, во сне или наяву. Несколько раз я забывался в полудреме и тут же просыпался от отрывочных неприятных снов. Под утро ледяной дождь поднимал меня на ноги. Сначала пятиминутный ливень как из ведра окатил ущелье, а потом нудно моросило, пока не взошло солнце.

Продрогший и промокший до нитки, я все же не мог не сбегать еще раз к водопаду. Дождь перестал. Переполненная река катила ржавые мутные воды. Непросохшая каменная стена тянулась вслед за низко летящими облаками и блестела, как мокрый асфальт. Площадка со спиральной надписью искрилась на солнце причудливыми треугольниками, заполненными дождевой водой. Я бросил последний взгляд на таинственные письмена и поспешил обратно в лагерь.

Боярский не без удивления выслушал мое сбивчивое повествование. Правда, для него человеческая история явно заканчивалась с исчезновением последнего кроманьонца. Добродушно проворчав: «Уж лучше бы тебе попался кусок челюсти неандертальца», — он долго пытался над рваными обрывками газеты, куда я срисовал спираль, поворачивая замасленную бумагу так и сяк, однако под конец откровенно развел руками.

О том, чтобы задержаться на пару дней и сфотографировать площадку у водопада, не могло быть и речи. Да и какой смысл терять столько времени ради любительского снимка, сделанного без приспособлений. Для сообщения или описания хватало и моих скверных набросков. На следующий день, разбудив сонные громады гор выстрелом из карабина, наш отряд покинул злополучную пещеру и двинулся назад к памирскому тракту.

* * *

Мысль о возможной дешифровке таинственной спиральной надписи пришла совершенно неожиданно на обратном пути в Москву. В самолете уснуть не удалось, несмотря на бессонную ночь в аэропорту. Мысленно я вновь и вновь возвращался к загадочным треугольникам.

Неизвестный язык. Непонятная система письма. Имелась только одна небольшая зацепка — начальная группа из пяти треугольников. Она трижды повторялась в надписи: впереди два повернутых друг к другу прямоугольных треугольника установились, как носороги, за ними — еще один прямоугольный падает между перевернутыми равнобедренными. Не иначе — что-то имя. Надпись не слишком длинная — какому еще слову из пяти букв повторяться здесь столько раз? В ней едва набирается два десятка треугольников различных видов и положений. Значит, письмо алфавитное, а не иероглифическое и не слоговое.

Итак, имя. Прочитать бы его — и появилась бы возможность расшифровать всю надпись. Во-первых, стало бы понятным значение четырех букв (два треугольника повторялись). Во-вторых, само имя подсказало бы почти наверняка, на каком языке сделана надпись. Ну а дальше, коль скоро угаданы несколько букв, можно распутать всю спираль до конца: постепенно выявить смысл остальных знаков, подбирая такие слова, где попадались бы уже известные треугольники. Каждое правильно узнанное слово автоматически раскрывало бы значение всех составляющих его букв, и я непременно бы размотал спиральный клубок непонятных знаков, следуя проторенным путем Шерлока Холмса в «Пляшущих человечках», Вильяма Леграна из «Золотого жука» и других знаменитых дешифровщиков.

Это теоретически. Практически же отгадать незнакомое имя на незнакомом языке просто невысказуемо. Разве что повезет каким-то совершенно невероятным образом. Мои воспаленные глаза рассеянно блуждали по немым треугольникам. Будь под руками журнал с кроссвордом — я не колеблясь бы отложил в сторону эту спиральную головоломку. От шума моторов, дыма, жары и качки я окончательно очумел и обессилел. В голове кружилось какое-то невообразимое месиво из спиралей и треугольников.

Садилось солнце. Я смотрел на синие-алые облака и вспоминал фиолетовые тона на полотнах Гогена. Я перебрал в памяти других художников, которые особенно любили фиолетовые тона, и задержался на Врубеле. Мысль скользнула к «Демону поверженному», а затем как-то незаметно переклучилась на «Демона» Лермонтова, и спустя секунду в ватном мозгу уже кружились поэтические строки.

Я прочел про себя начальные строфы, но почти сейчас же заплутал. В памяти всплыл новый отрывок, но и тот быстро иссяк. «Все позабыл, — сокрушенно вздохнул я. — Нет, вот еще — это уж каждый знает:

«Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит,
Я тот, кого никто не любит...»

Дальше опять провал в памяти. Вместо стихов перед глазами поплыли фиолетовые треугольники. Черт бы их побрал и того, кто их вырубил или, по крайней мере, приказал вырубить этот ребус. Кто же он и чье это имя? Или не имя? А почему не имя?

«Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии...» Нет, это — бехистунская надпись Дария. Причем здесь треугольники? «Я тот, которому внимала...» Но какое отношение Лермонтов имеет к Дарию или к треугольникам? Никакого. О господи, так и с ума можно сойти... Так при чем же здесь Демон? Ах, да — фиолетовые облака. Сейчас они темнотопольные.

Но почему все-таки не имя?.. И тут меня точно током ударило: «я тот, которому...», «я тот, который...» — вот что может означать пятерка треугольников! В голове тотчас прояснилось. Мысль заработала быстро и четко. А что если здесь подойдет одна гипотеза об общем происхождении языков? Но чтобы все стало ясным, придется отвлечься еще больше — к самым истокам моего стародавнего увлечения сравнительным языковедением.

Я вырос в многонациональном совхозе на юге Киргизии, где с ранних пор вращался в разноязыком кругу сверстников и взрослых. Помимо киргизов и русских, в совхозе жили таджики, казахи, корейцы, немцы и даже несколько греков-политэмигрантов. Так что у меня с детства страсть к чужим языкам. Тогда-то и придумал я себе игру — совсем несложную: просто узнать, как звучит то или иное слово на разных языках. Моя бабушка знала немного по-польски, грек-механик бывал в Албании, подслеповатый сторож-уйгур полжизни провел в Синьцзяне и бойко изъяснялся по-китайски, а седобородый узбек, самый старый житель села, читал Коран и понимал по-арабски.

Игра-игрой, но потихоньку я научился заглядывать в словари, а когда лет в пятнадцать прослышал, что многие, даже совсем разные языки имеют общее происхождение и когда-то очень давно выделились из единого праязыка, — стал рваться в словари с утроенным энтузиазмом, сравнивая теперь уже не из простого любопытства, а настойчиво стараясь отыскать общее. До сих пор испытываю необъяснимую, по-детски непринужденную радость всякий раз, когда сквозь непохожесть произнесения, сквозь замысловатую восточную вязь санскрита или персидского вдруг улыбнется тебе знакомое русское слово. Копание в словарях и грамматиках не пропало бесследно. С годами я овладел дюжиной различных языков. Однако языковедом не сделался, увлечение историей и жизнью народов Азии толкнуло меня на стезю этнографии.

Вопрос о прошлом единстве языков мира привлекал меня по-прежнему. Давно установлено и доказано общее происхождение языков, объединенных в большие и малые языковые семьи. Скажем, такие разные и непохожие с виду языки, как индийские и славянские, персидский и немецкий, греческий и английский, французский и армянский объединены в общую индо-европейскую семью и в далеком прошлом выделились из единого праязыка. Правда, до сих пор остается открытой проблема связи между тремя десятками языковых семей. Возникли ли все языки мира без исключения из общего источника или нет — на сей счет не существует пока твердо установившейся точки зрения.

Для доказательства теории единого происхождения человеческих языков приводились веские аргументы, зато и против выдвигались не менее серьезные возражения. Многие вообще относятся к щекотливой проблеме с чрезмерной осторожностью, стараясь по возможности никак не высказывать своего отношения: слишком уж обширен океан языков, и в недостижимой глубине теряется его дно.

Ну а мне терять нечего — я не языковед и не специалист. Языки — мое увлечение, моя болезнь. В вопросах теории я — сторонник самых радикальных решений. Во всяком случае я непоколебимо убежден, что все языки земли возникли из единого

источника, и считаю, что в современных языках до сих пор сохранились в скрытом виде слова древнейшего праязыка, того самого примитивного и несовершенного языка неандертальцев, который насчитывал не больше сотни-другой слов и который явился когда-то одним из решающих факторов превращения обезьяны в человека.

Какие слова потребовались людям раньше всего? Несомненно, одними из самых первых в человеческом языке появились слова указательные, связанные с жестами, что не требовало особых усилий со стороны слабо развитого мышления. Вместе с тем давно установлено, что личные местоимения («я», «ты», «он», «мы», «вы», «они») во всех языках произошли от указательных слов, вроде «этот», «тот», «сей», «онный», «там», «тут», «здесь». Синантропу или неандертальцу при ограниченном словарном запасе вполне хватало двух-трех выкриков для обозначения и *себя самого*, и *своих сородичей*, и *того мамонта*, убитого *там*, за лесом, *чья шкура здесь* на земляном полу пещеры напоминает о *той* удачной охоте. Спустя долгие тысячелетия немногие указательные слова расщеплялись в языке умнеющего человечества на десятки новых слов, постепенно превратив нечленораздельные крики получеловека в нынешние привычные понятия «я», «ты», «мы», «они».

К тому времени человеческое общество распалось на множество племен и народов и расселилось по всей планете. Языки стремительно развивались, становились все менее похожими. Люди, которые говорили на разных языках, переставали понимать друг друга. Следы былой общности языков стирались и исчезали. Лишь на небольшом островке консервативных указательных слов и личных местоимений, затерянном посреди языковой пучины, сохранились нетронутыми остатки древних основ. Здесь процессы изменения совершались во много раз медленней, хотя и нельзя сказать, что развитие совсем топталось на месте: одни слова отмирали, на их место заступали новые, другие — приобретали иной смысл и звучание или трансформировались до неузнаваемости.

Самыми древними основами личных местоимений, перекочевавшими туда из указательных слов, являются элементы «м» и «н». В русских словах «мы», «нас», «меня», «он» — их можно встретить как по отдельности, так и в различных сочетаниях. Другой вариант: отсутствуя в сравнительно молодом слове «я», они ясно прослеживаются при склонении: *меня — мне — мной*. То же в других языках. Латыш скажет: *эс (я) и мана (меня)*; монгол — *би (я) и мин (меня)*; эвенк — *би (я) и мину (меня)*.

Впрочем, во многих языках древнейшие элементы «м» и «н» сохранились и в исходных формах. *Мэ* — скажет шотландец на севере Европы (*я*); *мэ* — повторит грузин в преддверии Азии; *ами* — чуть слышно произнесет бенгалец в Индии;

еми — заметит йоруба в Нигерии; *мем* — присоединится низкорослый бушмен на юге африканского материка; *гым* — перебьет чукча на другом конце земли; *мэн* — в один голос заявят узбек, киргиз и казах; *мина* — отзовется зулус из южной Африки; *мина* — как эхо повторил бы с острова к югу от Австралии последний из тасманийцев; а из глубины тысячелетий донесется шумерийское — *энэ*; *нане* — вострепнется кореец; *ана* — задумчиво промолвит араб; *ана* — удивленно переспросит островитянин-микронезиец с тихоокеанского архипелага; *ни* — кратко отчеканит пирейский баск; *ни*, *на* — подхватят индейцы майду и кароки в Северной Америке; *но* — поддержит индеец хопи в Центральной Америке; *нока* — закончат индейцы кечуа в верховьях Амазонки. Из двух других ископаемых основ — «с» и «т» — каждая прослеживается в различных языках примерно с такой же закономерностью.

* * *

Но вернемся снова к таинственной спирали. Предположив, что группа из пяти повторяющихся треугольников в памирской надписи может соответствовать фразе «я тот, который...» или чему-нибудь в этом роде, — я начал рассуждать дальше следующим образом. Личные местоимения и указательные слова звучат одинаково на самых различных языках. Вполне вероятно, что слово «я» (или «мы») звучит на неизвестном языке спиральной надписи так же, как звучит оно во многих других языках. Узнать хотя бы две буквы треугольного письма, и будет сделан первый шаг к разгадке.

Правда, одно дело предположить, а другое — применить на практике. Кроме того, идея, которая пришла мне в голову, (я это отлично понимал, несмотря на все воодушевление) была не слишком надежная. Пять треугольников могли означать что угодно, а зашифрованные слова могли звучать совершенно иначе, чем представлялось на первый взгляд. Но тут уж во мне проснулся настоящий охотничий азарт. Подумаешь, что особенного, даже если я абсолютно заблуждаюсь. Что это — диссертация? Обычный кроссворд, да и только А с кроссворда — какой спрос: сиди и подставляй в клеточки все, что придет на ум. Я так и сделал: стал прикидывать из всех знакомых языков наудачу. Не скажу, чтобы вообще не получалось, однако в любом случае обязательно что-нибудь да не укладывалось.

Самолет пошел на посадку. Я рассудил, что по памяти с такой задачей все равно не справиться, и отложил решение до следующего дня. А дома, заглянув в несколько словарей, я быстро сообразил, что передо мной глухая непреодолимая стена. У меня хватило здравого смысла во-время остановиться и оставить в покое сомнительную затею. Не получилось — и лад-

но: на нет суда нет. Но спрашивается, кто дернул потом меня за язык рассказать обо всем соседу-студенту.

Как оказалось, тот проходил практику в молодежной газете. «Знаешь,— сказал он тогда,— у нас четвертая полоса — скупище неопишемое. Не будешь против, если я попробую что-нибудь состряпать и покажу завтра главному? Вдруг пойдет». Возражать особых причин не было, и спустя несколько дней в газете появилась заметка под броским заголовком «Тайна Памира».

Конечно, я не был против печатного сообщения о памирской находке. Но, бог ты мой, что же там оказалось! Ловкий практикант ухитрился начинить небольшую статейку такой невероятной отсебятиной, что и во сне не приснится. Беззаботный автор не преминул даже отметить сходство между спиральной надписью и спиральной формой отдельных галактик, недвусмысленно намекнув на внеземное происхождение памирских треугольников. Но, видимо, развивать подобную мысль впечатлительному журналисту показалось слишком рискованным, поэтому он не отважился оторваться от Земли и направил полет своей фантазии в прошлое.

«Как знать,— риторически вопрошала статья,— не запрятан ли где-нибудь на Памире ключ к дешифровке критомикенской письменности?» (Самое печальное, что я сам натолкнул его на эту нелепую мысль, напомнив о спирали на фестском диске). Но в особое уныние повергли меня заключительные фразы заметки, где говорилось, что молодой ученый, обнаруживший таинственные письмена, близок к завершению их расшифровки. Вот так. Не больше — не меньше. А ведь па первый взгляд не глупый парень.

Долго потом еще институтские остроусловы упражнялись в сведении почти каждого разговора к «Тайне Памира». Боярский при встречах принялся, было, даже величать меня Шамполионом, но, когда я в ответ напомнил ему о памирских неандертальцах, оставил меня в покое. Конечно, в душе я злился и долго не мог найти покоя, но постепенно неприятный случай начал забываться. Прошло уже три недели со дня опубликования газетной заметки, когда появился Керн.

Глава II

ГОСТЬ — И БОЛЬШЕ НИЧЕГО

Смущенный неожиданным визитом, я повел гостя длинным темным коридором, предупреждая через плечо об углах и поворотах. В комнате царил холостяцкий беспорядок. Незнакомец задержался на пороге, с цепким любопытством обвел взглядом стол, заваленный книгами и рукописями, недопитую бутылку

молока на полу возле кресла, забытые книгами шкафы, портрет Достоевского и застекленный офорт Гойи на стене, свободной от стеллажей.

Наконец гость шагнул в комнату и устало опустился на диван. Саквояж очутился у него на коленях. Керн щелкнул замками и протянул мне непонятный металлический предмет.

— Вы знаете, что здесь написано? — спросил он напрямик.

Я машинально взял увесистый бронзовый сосуд, похожий на светильник, и чуть не уронил от неожиданности: на дне сквозь стертую чеканку узоров четко проступала спираль треугольников. Надпись повторяла памирскую, но была вдвое короче. Пятерка знакомых треугольников встречалась только однажды, в самом начале.

Светильник напоминал, скорее, кусок, отколотый от пузатого бронзового кувшина. На дне, точно выдавленные ногтем по мягкому воску, извивались треугольные вмятины. Пальцы у меня задрожали. Чтобы унять волнение, я щелкнул по краю чаши. Металл звякнул глухо, без звона.

— Значит, вам известно, что здесь написано? — настойчиво повторил Керн.

Я отрицательно покачал головой.

— А это? — он протянул знакомую газету, согнутую как раз на месте злополучной заметки.

— Большая фантазия репортера.

— Как — все? — искренне удивился Керн.

— Все, — отрезал я и покраснел от собственной бестактности.

Ответ, казалось, озадачил его. Он еще раз пристально поглядел мне в глаза, но тут же успокоительно усмехнулся и перевел взгляд на бронзовый светильник.

Наступила моя очередь спрашивать.

— Откуда это? — кивнул я на тяжелую плоску, которую продолжал держать на ладони.

В глазах Керна заиграли веселые блески, и он, хитро прищурившись, ответил:

— А если сказать, что из могилы, — не будет слишком зловеще? Нет, не раскопки, — опередил он предположение, промелькнувшее у меня в голове.

О возрасте гостя судить было трудно: лет сорок или пятьдесят. Волосы — поседевшие, редкие — упрямо торчали над высоким лбом и блестящими залысинами. Лицо худощавое и точно обветренное. Сухие сжатые губы едва размыкались при разговоре. Крепкое приземистое тело и жилистые мускулистые руки, обтянутые клетчатой фланелевой рубашкой, свидетельствовали о незаурядной силе.

Внезапно Керн, осознав, очевидно, двусмысленность своего положения, рассмеялся громко и заразительно. Я ответил на-

тянутой улыбкой. Тогда мой гость, все еще продолжая смеяться, проговорил как бы примирительно:

— Итак, все по порядку...

Случилось это давно, много лет тому назад, ранней весной сорок пятого года. Шли тяжелые кровопролитные бои за Восточную Пруссию. После смелой и внезапной атаки по вздутому льду неширокой лесной речки советская часть прорвала оборону немцев. Противник беспорядочно отступил в направлении Кенигсберга. Однако отступление приостановилось: мост немцы успели взорвать, а пухлый, избитый снарядами лед, готовый вскрыться со дня на день, еле выдерживал тяжесть человека. Чтобы переправить машины, танки и артиллерию, приходилось спешно восстанавливать поврежденный мост.

Пока саперы устанавливали в бурых полынях опоры, солдаты валили в лесу сосны и стаскивали на берег по обе стороны реки для починки моста. Там-то в лесу и натолкнулся кто-то на полуразрушенную часовню. В спешке никому не было дела до развалин. Солдаты спешили управиться засветло. Но когда четверо случайно приблизились к часовне, из черного правала двери вдруг застрочил пулемет. Трех убило наповал, одного смертельно ранило.

Неизвестно, на что рассчитывали немцы. Обнаруженные и окруженные, двое смертников продолжали ожесточенно отстреливаться до тех пор, пока под прикрытием плотного ружейного огня часовню не забросали гранатами. Мост чинили до утра. Машины оставались на противоположном берегу, у костров грязь от растаявшего снега, а по лесу носился студеный порывистый ветер.

Посреди ночи сменялись посты. Под бугром, на котором притаилась часовня, притоптывали обледелыми валенками солдаты-дозорные. Начальник караула поднялся к часовне, посмотреть, не видно ли сверху костров. Сплошная тьма — руины и то едва различались во мгле. Вдруг между камней мелькнул желтый огонек и сейчас же исчез. Офицер схватился за пистолет и замер возле узкой расщелины, прислонясь к шершавой стене. Трещина чувствовалась только на ощупь. За воем ветра внутри не улавливалось ни звука.

Офицер прокрался к пролому в стене и затаился. Черный проем дышал ледяным сквозняком. Начальник караула дождал несколько минут, напряженно взглядываясь во мрак, — наверное почудилось. Но не успел он решить, стоит или нет спускаться к часовому за фонарем, как внезапно прямо перед ним вспыхнул огонь. Внутри часовни у самого входа к земле склонилась фигура человека в немецкой форме. Одной рукой немец держал пистолет и зажигалку, другой — что-то искал в куче щебня. И вдруг неожиданно поднял голову и, не меняя положения, вскинул пистолет. Они выстрелили одновременно. Немец промахнулся, а русский, стреляя на свет, увидел, как

враг мешком повалился на пол, придавливая телом зажигалку. Офицер выстрелил вторично, прежде чем погас огонек, потом еще раз в темноту.

На этой фразе Керн прервал рассказ. Он встал с дивана, прошелся взад-вперед вдоль стеллажей, на ходу просматривая названия книг, иногда бережно прикасаясь кончиками пальцев к старым истертым переплетам. Наконец, освоившись вроде бы с моей библиотекой, он отошел к открытому окну и остался стоять там спиной ко мне. Пауза явно затягивалась и перерастала в тягостное молчание. Пришлось нахлянуть и напомнить о себе.

— Итак, немец упал,— сказал я полувопросительно.

Керн обернулся и печально произнес:

— Дело в том, что этим немцем был я.

Он снова смолк на какое-то мгновение, желая, видимо, чтобы я осмыслил сказанное, потом повторил твердо и спокойно:

— Да, этим немцем был я. Мой родной город — Кенигсберг, то есть Калининград. Там я родился и прожил до конца войны. В сорок втором был призван в армию и около двух лет проучился в разведшколе. Как известно в планы германского командования входило завоевание не одной только Европы и России. Гитлер отнюдь не собирался уступать японцам всю Азию, и, алчно взирая на Восток, мечтал о захвате Индии. Поэтому неудивительно, что до конца войны я просидел в Кенигсберге, изучая хинди и урду.

— Именно поэтому вы так свободно говорите по-русски? — не выдержал я.

— Точно так же я владею и десятком других языков,— отпарировал Керн и невозмутимо продолжал.— Да, время моей юности совпало не с лучшими временами германской истории. К счастью, в моей семье никогда не изменяли великому наследию немецкой и мировой культуры. Мой отец, крупный ориенталист, с детства привил мне любовь к всемирной истории, в особенности — к истории Востока.

Однако в сорок втором году знания и стремления семнадцатилетнего юноши никого не интересовали. Только в разведшколе, куда мне помогли поступить близкие, можно было хоть как-то заниматься любимым делом. В сорок пятом Германия больше уже не помышляла о завоевании Индии. Когда Советская Армия вступила на территорию Восточной Пруссии, всех поголовно отправили на фронт. Я входил в состав отряда особого назначения, одного из тех, которые уничтожали по мере отступления немецких войск все важные военные и промышленные объекты.

В ту памятную мартовскую ночь, когда мы взорвали один из мостов в районе сосредоточения советских войск, русские перешли в наступление, и все, кто не успел унести ноги, оказались в тылу у продвигавшихся частей. В хаосе и панике от-

ступления наш отряд был рассеян. Я вспомнил, что поблизости расположена секретная база военной разведки, и, зная ее местонахождение, решил до поры отсидеться в подземном бункере.

Неподалеку от излучины реки, где еще утром проходила линия фронта, на пригорке в глубине леса стояла полуразрушенная часовня. Она служила своеобразным ориентиром подземной базы: совсем рядом начинался овраг, по которому вела тропа. За часовней давно не присматривали. Крыша прохудилась. Сквозь выбитые двери виднелось надгробие, на нем еще проступала латинская надпись. Никто толком не знал, кто и когда здесь похоронен.

Не обращая внимания на частые артиллерийские разрывы и на то, что немецкие части, окончившиеся на берегу, вот-вот будут опрокинуты,— я пробрался к часовне. Разрушенная постройка превратилась в руины. Один угол был полностью снесен снарядом, в двух уцелевших стенах зияла пробоина. Потолок провис и держался каким-то чудом. На месте развороченного осколком надгробия возвышалась бесформенная куча камней, щебня и прелых щепок. Среди битого кирпича я нечаянно заметил книгу, старую-престарую книгу в истлевшем кожаном переплете, тронутом плесенью и сыростью. «Библия»,— подумал я и подобрал совершенно машинально.

В моем распоряжении оставались считанные секунды. В лесу уже показались русские солдаты, преследовавшие немцев. Я схватил книгу подмышку, скакнул через пролом в стене и, утопая в рыхлом тяжелом снегу, побежал вниз к зарослям мелкого сосновника. Не без труда удалось мне проникнуть в законсервированный подземный бункер, который, к счастью, не успели взорвать. Здесь был настоящий склад, где под многометровым слоем земли и бетона хранилось оружие, боеприпасы и продовольствие, которого на многие недели хватило бы не одному десятку людей.

Я намеревался пробыть в убежище до тех пор, пока наступающие советские войска не продвинулись далеко вперед, для чего, впрочем, не требовалось слишком много времени. Возвращаться в Кенигсберг не имело смысла. Как и другие тогда в Германии я прекрасно понимал, что война кончится через несколько месяцев, а падение Восточной Пруссии — дело ближайших недель.

Вот почему я решил пробиваться на побережье к Либаве, где в курляндском котле упорно сопротивлялись отборные немецкие силы. Полагаясь на знание литовского и русского языков, я рассчитывал пробраться в гражданской одежде по тылам и в удобном месте перейти линию окружения курляндской группировки. Ну, а в Либаве надеялся с помощью друзей, денег и хитрости бежать морем в нейтральную Швецию или перебраться в Германию. Однако судьба распорядилась иначе.

Сквозь толстые бетонированные стены убежища до меня доносился приглушенный шум боя: сухо трещали пулеметы, сердито ухали пушки, потолок поминутно сотрясало дальними и ближними разрывами.

Мне оставалось только одно — ждать. Я обошел комнаты и кладовые моего временного убежища, где прежде был лишь однажды, разыскал аккумуляторы и включил свет. В бункере имелось все, что угодно, за исключением книг. Предчувствуя долгие томительные часы ожидания и безделья, я принялся рассматривать старинную книгу, подобранную среди развалин часовни.

Книга, похожая на инкунабулу оказалась вовсе не библией. На ветхих, изъеденных временем листах пергамента, прошитых толстой провощенной ниткой и вставленных в самодельный кожаный футляр, — была описана жизнь некоего Альбрехта Роха, монаха францисканского ордена, дипломата и крестоносца, собственноручно составившего сей удивительный труд, когда на склоне лет, разочарованный и надломленный, он удалился в тевтонские земли замаливать грехи долгой и необычной жизни.

Несомненно, он умер как и подобает отшельнику: почувствовав приближение смерти, лег в заранее приготовленный гроб, положил рядом рукопись — подробный реестр действительных и мнимых грехов, который намеревался вручить пред райскими вратами не иначе как самому апостолу Петру, — накрыл гроб крышкой и тихо скончался, если только прежде не задохнулся. Много позже — лет через сто, а то и двести — над могилой затворника, ставшей к тому времени местом поклонения, возвели часовню, которая и простояла до наших дней.

Латинская рукопись захватила меня с первой же страницы. Перелистывая древние пожелтевшие листы, я, позабыв про все на свете, погрузился в мир легендарного средневековья. Из дали времен нелюдимый монах-аскет поведал доселе неведомую никому историю настолько невероятную, что его поразительное повествование на много часов заслонило ужасы еще не оконченной войны.

Не нужно было быть ни ученым, ни историком, чтобы попасть под обаяние средневековой хроники. Одно лишь не давало покоя: в заключение исповеди францисканский монах написал, что, отбывая в райские кущи, он берет с собой не только подробное описание жизни, полной удивительных приключений, но и какой-то таинственный светильник, испещренный дьявольскими письменами, — напоминание о самом страшном из совершенных грехов.

Страх исследователя проснулась во мне и взяла верх над благоразумием. Я решил под покровом ночи снова пробраться к развалинам часовни и попробовать разыскать загадочный бронзовый светильник среди остатков развороченного склепа.

Оставив рукопись в бункере, я выбрался на поверхность и, соблюдая всяческую предосторожность, направился в сторону развалин. В настороженной темноте леса синеватым отливом мерцал снег. Лишь прогретые за день и стаявшие до земли прогалины сливались с непроницаемой чернотой ночи и дырявили мирную синеву снегов волчьими ямами. У реки царило оживление, саперы восстанавливали взорванный мост.

Я быстро взбежал на пригорок и скрылся в развалинах часовни. Беспреданно щелкая гаснувшей на ветру зажигалкой и спотыкаясь о груды битого кирпича, я метр за метром обшаривал темные закоулки, роясь обломком доски в кучах мерзлой трухи. Наконец я увидел то, что искал: припорошенный песком и снегом, плоский светильник валялся возле пролома в стене. В тот же миг я вздрогнул, но не от тусклого, мертво-черного блеска бронзы — где-то совсем рядом внизу вдруг раздались приглушенные человеческие голоса, и почудилось, что кто-то поднимается к развалинам.

Я замер, держа наготове пистолет и с чувством безысходного страха ожидал, что вот сейчас вспыхнет фонарь, и меня, как зайца под фарами, предательски ослепит снопом света. Но голоса внизу вскоре стихли и вблизи развалин не раздавалось больше никаких подозрительных звуков. Я выждал несколько минут, прежде чем вновь решился сдвинуться с места. Сделав в темноте три осторожных шага, я наощупь подобрал светильник и сунул его в карман.

И вот тут-то попутал меня нечистый: чтобы убедиться, нет ли под ногами еще каких-либо реликвий, я рискнул снова осветить зажигалкой. Чиркнула искра, колыхнулся на сквозняке язычок пламени, и сейчас же в пяти шагах от себя я увидел советского офицера в дубленом полушубке. Мы выстрелили одновременно, пуля пробила мне грудь, и я, потеряв сознание, ничком повалился на землю...

Вот так закончилась для меня война. А дальше — больничная койка, советские врачи, три года в плену и, наконец, счастливый финал — возвращение на родину. Новой Германии пригодились мои знания: вот уже более двадцати лет я преподаю в Иенском университете. Все эти годы бронзовый светильник хранился у меня, как память о той мартовской ночи, которая едва не стала последней в моей жизни.

А рукопись Альбрехта Роха осталась там, в бункере. Вспоминал ли я об удивительной хронике францисканского монаха? Еще бы! Такое не забывается — слишком уж поразительный документ довелось держать мне в руках. И, может быть, слишком фантастический, чтобы всему поверить. Вы ведь знаете, каким подчас необузданным воображением отличались средневековые монахи: видения и галлюцинации, рожденные затворничеством и ночными бдениями, нередко становились главными источниками самых невероятных открытий и исповедей.

Бывают сны, которые помнишь всю жизнь... Неизгладимый след, оставленный чем-то нереальным,— примерно такое же впечатление сохранилось у меня от писания средневекового отшельника. Конечно, многие детали вообще стерлись, да и немало, пожалуй, примыслил я сам, пытаюсь разгадать, где было, а где сказка. Но теперь и вам придется поверить в сказку, если хотите что-нибудь понять. Если, впрочем, в этой истории можно что-либо понять. Нужны реальные основания, а у меня больше двадцати лет не было в руках иных доказательств правдивости рассказа францисканского монаха, кроме светильника со спиралью. Даже в реальности существования обнаруженной вами второй спирали я не был до последнего времени абсолютно уверен и уже, конечно, не знал ее точного местонахождения. Ах, как хотелось бы видеть эту памирскую площадку у водопада.

— Но там ничего нет, ущелье поднимается к ледникам,— прервал я монолог Керн.

Он посмотрел на меня, точно впервые увидел.

— Нужно подняться к водопаду,— сказал он просто, словно речь шла о том, чтобы подняться на следующий этаж.

— Да вы что? — изумился я.— Там ведь неприступная стена.

— А если все-таки — на стену.

— Ну, что вы,— с досадой отмахнулся я, как будто объясняя докучливому ребенку.— Это невозможно!

— Но он-то был,— усмехнулся Керн.

— Кто — он? — опешил я.

— Альбрехт Рох — францисканский монах, посланник французского короля.

Я окончательно смешался. А Керн, поняв, видимо, что мне трудно продолжать разговор, оставаясь в неведении, опустил в кресло и после минутной паузы начал рассказ.

— Все это трудно передать словами. Нужно самому увидеть рукопись и главное — прочувствовать исповедь Альбрехта Роха, полную и безысходного отчаяния и мучительных сомнений, но одновременно со скрупулезностью средневековой хроники фиксирующую и малейшие подробности удивительного жизнеописания.

Глава III

ЗАВЕЩАНИЕ КРЕСТОНОСЦА

Необычайные приключения монаха-путешественника неотделимы от тех исторических событий, которые во многом определили его собственную жизнь. Помните ли вы легенду о пресвитере Иоанне? В реальность этого мифического священника,

таинственного властителя восточной христианской державы впечатлительное средневековое верило на протяжении четырехсот лет столь непоколебимо, как сегодня верят в существование внеземных цивилизаций.

В середине XII века поползли по городам Византии, Италии, Германии, Франции упорные слухи о том, что из далеких и неведомых глубин Азии движется на запад несметное войско царя-священника Иоанна, самого богатого и могущественного из всех земных царей. Вот-вот бесчисленные армии великого азийского государя выйдут к границам мусульманского мира, сметут с лица земли державу ненавистного халифа и помогут славному крестоносному рыцарству навсегда освободить от неверных святой Иерусалим и гроб господен.

В преддверии второго крестового похода глаза Европы с надеждой обратились к нежданному и спасительному союзнику. Крестоносцы, которые на собственной шкуре почувствовали разящую сталь дамасских клинков, теперь как никогда понимали, что совсем не просто одолеть в одиночку и без союзников неуязвимых арабских конников. Французские и немецкие рыцари, кичливые на ирихх и турнирах, но не слишком удачливые в многочисленных битвах с сарацинами, непрочь были поживиться за счет чужой победы и с нетерпением ждали скорых вестей от царя-священника.

Наконец дошло до дворцов князей и императоров удручающее известие: пешие и конные армии пресвитера Иоанна подошли к берегам Тигра, но, не найдя судов и паромов для переправы, двинулись на север, где, по слухам, река замерзала зимой. Но там необычайно теплая погода опрокинула планы царя сказочной Индии, и, напрасно прождав зимних морозов, чтобы по льду провести войско на запад, царь Иоанн вынужден был вернуться на родину. Крестоносцам пришлось начать поход без союзника. Одним пришлось и расплачиваться. Однако бесславный конец второго крестового похода лишь усилил упования на помощь мифического азиатского властителя.

Между тем новое событие подлило масла в огонь. Около 1170 года папа Александр III получил загадочное письмо от имени пресвитера Иоанна. Послания аналогичного содержания пришли вскоре византийскому императору Мануилу Комнину и противнику папы, германскому императору Фридриху Барбароссе. Письма заворожили весь христианский мир. Из уст в уста передавались подробности о сказочных богатствах великого царя, о невиданных зверях и птицах, которые водились в далеких землях, о сатирах, пигмеях, циклопах и кентаврах, населявших заморскую страну. Не было ни одного — ни во дворцах, ни в городских и сельских жилищах, — кого бы оставила равнодушным умело состряпанная мистификация.

Тицеславный Фридрих Барбаросса усмотрел в чужеземном властителе соперника и оставил письмо без ответа. Но хитрый

и дальновидный папа Александр рассуждал иначе. Над шатким, раздираемым междоусобицами Иерусалимским королевством с прокаженным мальчиком на престоле, как неотвратимый рок, навис меч султана Саладдина — грозы крестоносцев. Новый крестовый поход может постичь печальная участь предыдущих. Вряд ли стоит полагаться и на непрочный мир с императором Фридрихом. И папа в поисках надежного союзника вновь обращает взор к владыке таинственной Индии. Он спешит с ответом, предлагая союз, и направляет с посланием к царю Иоанну личного врача. Посол отправился искать призрака и бесследно исчез навсегда.

Шли годы. Легенда о сказочной стране на дальнем востоке не старела. На грязных узких улицах европейских городов время от времени появлялись люди в фантастических одеждах. Не моргнув глазом, они смело выдавали себя за посланцев пресвитера Иоанна и требовали провести их в княжеские замки. Проходимцев хватало, подолгу пытали на дыбе, вырывая признание, и после разоблачения казнили на плахе. Но вера в царя-священника от этого нисколько не страдала.

Наконец наступил черный год, когда в смертельном страхе поскакали с восточных границ халифата испуганные гонцы, возвещая сынам Аллаха о неотвратимой беде: неумолимым смерчем двигаются с востока полчища неведомого врага. Крестоносцы, чьи завоевания в Палестине и Малой Азии давно свел на нет неустрашимый султан Саладдин, вновь воспрянули духом. Но радость оказалась преждевременной. Не светлое воинство царя Иоанна спешило на выручку бездарным рыцарям, а дикие орды Чингисхана грозовой тучей надвигались на Европу, как щепки сметая на пути великие империи и карликовые княжества.

Удар казался неминуемым. Подобно обреченной лягушке ждала Европа последнего броска монгольского змея. Но произошло чудо: дойдя до Средиземного моря, монголы неожиданно остановились, обратив жадные взоры к городам и селам Руси. Целое десятилетие ожидала Европа, готовая разделить участь полоненной Руси. Но обескровленные орды пухлой империи великого хана, раздираемой соперничеством удельных князьков, уже не имели сил для львиного прыжка.

Постепенно христианский запад привык со страшным соседством, научился подстраиваться под самодурство монгольских сатрапов и даже начал подумывать, не вовлечь ли в союз против египетского султана тугодумных наследников Чингисхана, чтобы с помощью дикой силы раздавить потомков непобедимого Саладдина. В ставку великого хана зачастили послы властителей христианских государств. И всякий раз, когда в орду отправлялось очередное посольство, верные люди получали тайный наказ: любой ценой разведать дорогу к владениям потомков царя-священника Иоанна. В правителях ми-

фической империи видели теперь не только союзников против магометан, но и защитников от монгольского аркана.

Чем глубже проникали посланцы королей и пап — а вслед за ними купцы и миссионеры — в заповедные уголки азиатского материка, тем дальше и дальше на восток улетало на крыльях легенды фантастическое царство Иоанна. Венецианец Марко Поло надеялся обнаружить подданных царя за границами Китая. Принц Генрих Мореплаватель, отправляя каравеллы во все концы света, давал капитанам подробные инструкции, что именно следует передать владыке христиан на востоке. В эпоху великих географических открытий владения наследников Иоанна искали сначала в Африке, а потом — в Америке.

Легенда прожила до XVI века, и в течение четырех столетий не раз поступали самые что ни на есть достоверные сведения о местонахождении земель пресвитера Иоанна. В 1248 году Генрих Лузиньян, король Кипра, получил от армянского канцлера Синибальда известие, что земли, откуда пришли в Вифлеем три волхва, чтобы поклониться младенцу Иисусу, следует искать в стране Кашгар. А от тех волхвов и ведут свое начало пресвитер Иоанн и его поданные. О письме армянского канцлера правитель Кипра доверительно сообщил французскому королю Людовику IX.

Тем временем король Франции Людовик спешно искал союзников для нового крестового похода. Возлекая мечту навеки обессмертить свое имя, прозорливый государь прекрасно понимал, что без серьезной поддержки раздавить султанский Египет будет невозможно, и тщательно подготовляемый седьмой крестовый поход постигнет неудача предыдущих шести. Скрепя сердце, гордый король решил обратиться за помощью к монголам. Новый крестовый поход уже начался, а в улус великого хана заспешило посольство во главе с доминиканцем Андре Лонжюмо. Почти три года потребовалось посланцу короля, чтобы добраться до ставки великого хана и, получив оскорбительный ответ, полуживому вернуться назад.

А весной 1250 года свершилось неслыханное: Людовик Святой был захвачен султаном в плен и только через год за немислимый выкуп отпущен на свободу. Опозоренный, но не сломленный король вернулся к войскам. Крестовый поход продолжался. Над крестоносцами нависла угроза поражения. Из орды прибыли худые вести. На помощь со стороны монгол рассчитывать не приходилось. Тогда-то вождь крестоносцев и вспомнил о письме армянского канцлера. Мысль о союзе с владыками могучей империи Иоанна накрепко засела в голове впечатлительного монарха.

На сей раз посольство готовилось втайне. Требовалось, усыпив бдительность монголов, проехать по их обширным владениям, направляясь якобы в резиденцию великого хана, на пути свернуть с дороги и в обход монгольским заставам про-

никнуть в неведомый Кашгар, где, по сведениям, раскинулись земли преемников легендарного христианского царя. Для выполнения тайного и опасного поручения короля Франции вполне хватало одного верного человека. Выбор пал на францисканского монаха Альбрехта Роха.

* * *

Немало пережил Альбрехт Рох за пятьдесят лет трудной жизни. Сын богатого немецкого купца, осевшего в Лангедоке, он осиротел в тринадцатилетнем возрасте после альбигойской резни в Провансе. На его глазах озверелые каратели растерзали мать, отца и старших сестер. Чудом уцелев при разграблении дома и лавки, он стал бродягой.

В тот год прошел по Европе умело пущенный слух, что немислимо добиться освобождения святой земли с помощью огня и меча. Лишь безгрешные дети, чьи сердца не исполнены корысти и жажды наживы, могут отвоевать у неверных священную реликвию — господен гроб. Стоит только безоружным христианским отрокам собраться вместе, как само море разверзнется перед малолетними крестоносцами и поглотит в гневной пучине нечестивых басурман, вновь захвативших Иерусалим. По всем городам и селам скликались на небывалый крестовый поход толпы голодных детей. Вскоре тридцатитысячная армия оборвышей во главе с отъявленными авантюристами устремилась на юг Франции, устилая обочины дорог погибшими от голода, болезней и ножа.

Альбрехт Рох одним из первых оказался в Марселе и вместе с тысячами других стал жертвой гнусного обмана. Ничего не подозревавших подростков без воды и пищи погрузили на корабли, но вместо святой земли отправили в Египет, где обезумевших и полумертвых детей прямо из трюмов доставили на пеньковничий рынок и за бесценок продали в рабство.

Сыну немецкого купца повезло больше остальных. Смывленный, умеющий читать и писать мальчик привлек внимание знатного вельможи, который купил его. Семилетнее рабство оказалось не слишком тягостным. Альбрехт Рох быстро овладел арабским языком и сделался подручным у толмача. В круг забот и обязанностей возмужавшего юноши входил разбор и перевод бумаг, захваченных у франков и допрос пленных. Он постиг тайны ислама, познал сокровенную премудрость суфиев и проникся интересом к еретическому учению отступника Аверроэса. Но ярмо раба не давало ему покоя.

Когда папский легат Пелагий осадил Дамнетту, Альбрехт Рох дождался темной безлунной ночи, спустился по веревке с крепостной стены и бежал в лагерь крестоносцев. Наутро беглец предстал перед кардиналом. Главнокомандующий в су-

тане по достоинству оценил отважный поступок юноши, не отступившего от родины и веры. С первым же кораблем Альбрехт Рох отбыл во Францию, где рекомендательное письмо весильного кардинала открывало перед ним двери Сорбонны.

Его удивила схоластическая пустота европейской науки. Ему ли, читавшему на арабском языке Ибн Сину и Ибн Рушда, было не знать, насколько витиеватая восточная мудрость превосходит дохлые догмы европейских педантов. Альбрехт Рох открыто заявил об этом коллегам и учителям и вскоре добился, что на него стали смотреть косо и враждебно. Он прослыл вольнодумцем и аверроистом. К счастью ему не грозил костер. Инквизицию учредили спустя несколько лет.

Бороться — вряд ли имело смысл, а сомнения в собственной правоте вскоре возымели действие. Что-то перевернулось в душе молодого философа, он раскаялся и письменно обратился к самому папе с мольбой об отпущении грехов. Получив прощение, Альбрехт Рох вступил в нищенствующий монашеский орден францисканцев.

Аскетизм, фанатичная вера, неистовые проповеди на площадях и улицах дали ему больше, чем сомнения и скептицизм. Имя Альбрехта Роха прославилось по всей стране. Боголюбивый король Людовик, покровитель францисканцев, не раз встречался с ученым монахом, знал о его удивительной судьбе и, сам не чуждый в молодости заблуждений, полностью доверял тому, кто пришел к вере через сомнения. Когда встал вопрос о посланце в далекое царство пресвитера Иоанна, король, колеблясь, остановил выбор на Альбрехте Рохе.

* * *

Серебряная дощечка, выданная монгольским наместником, открывала беспрепятственный проезд на восток через лоскутную империю великого хана. Путь Альбрехта Роха лежал по землям истерзанной и поруганной Персии. Сожженная, но непокоренная страна продолжала сражаться с жестокими поработителями. Молниеносные всадники вихрем налетали из засады на монгольские посты и отряды. После смертной сечи они, беспощадно истребив всех от мала до велика и прирезав раненых, рассыпались и исчезали в неприступных горах.

Серебряный монгольский пропуск, испещренный замысловатым уйгурским письмом, чуть не погубил королевского посланца. Альбрехту Роху оставалось несколько дней до Каспия, когда на узкой горной тропе его остановили персидские повстанцы. Охранная грамота, выданная монголами, была равнозначна смертному приговору. Монаха не спасал ни статус посла, ни европейское происхождение. Но он остался жив: его выручило то, что он заговорил по-арабски и прочитал несколько строк из Корана.

Пленника, связанного по рукам и ногам, перекинутого через круп лошади, доставили в горную крепость и бросили в гнилое вонючее подземелье. Зачем понадобилась иранским мстителям бесполезная добыча — сказать трудно. Возможно, хотели выведать, не снюхиваются ли франки с монголами и не сулит ли это новых бед многострадальной Персии. А может, решили поддержать заложника до лучших времен, чтобы получить выкуп. Но как только за королевским послом захлопнулись двери темницы, о его существовании словно забыли. Лишь однорукий тюремщик два раза в день приносил воду и черствые заплесневелые лепешки.

В тюрьме узник оказался не один. В темном углу на прелой соломе, прикованный цепью к стене сидел седоволосый старик в истлевших лохмотьях. У ног его горел светильник, и чуть живой язычок пламени слабо освещал пустые глазницы на изуродованном восковом лице. Альбрехт Рох пробовал заговорить со слепым, но тот упорно молчал: то ли был глух, то ли не понимал по-арабски. Тусклое пламя светильника горело день и ночь. Каждый раз тюремщик, приносивший в подвал хлеб и воду, почтительно наполнял светильник маслом из медного кувшина.

От сторожа Рох узнал, что слепой старец, — язычник, поклоняющийся огню. Житель далекой горной страны и глава какой-то тайной секты, он был обманом захвачен и доставлен сюда, в замок. Пять лет шейх, хозяин замка, подвергал старика ужасным пыткам, стараясь выведать у него древнюю языческую тайну, какую — никто не знает. Пять лет молчал старик. Ему выкололи глаза, хотели сжечь живьем на медленном огне, но в конце концов бросили заживо гнить в подземелье замка. Если у старца отобрать светильник или не подлить туда масла, слепой отказывается от еды и питья.

За много месяцев, проведенных вместе в сырой темнице, Рох не услышал от слепого ни единого звука. Однажды снаружи раздался необычный шум. Целый день пленникам не приносили еды. А ночью стены и своды начали сотрясаться от мерных глухих ударов, словно кто-то бил с размаху по земле гигантским тяжелым молотом. Той ночью монголы, уже неделю осаждавшие замок — последний оплот разгромленных повстанцев, — начали забрасывать крепость огромными камнями из метательных орудий и долбить кованые ворота стенобитными машинами. Под утро после отчаянного штурма замок пал.

Когда трое воюющих, опьяненных и забрызганных кровью монголов, готовых зубами разорвать на пути все живое, ворвались в подвал, где томились изнуренные узники, — имелась только одна сила, способная укротить дикую необузданную ярость кочевников и сберечь жизнь двум заключенным. Спасение больше года хранилось завернутым в тряпицу на груди у монаха Альбрехта Роха. Серебряная дощечка, выданная коро-

левскому послу для проезда по бескрайним владениям потомков Чингисхана, возымела магическое действие. Послов к великому хану запрещалось трогать под страхом смерти, им полагалось оказывать помощь и обеспечивать защиту.

«А этот?» — спросил через араба-толмача приведенный тысяцкий, указывая плетью на слепого огнепоклонника.

Что-то екнуло в сердце королевского посла.

«Это — великий прорицатель и маг, о мудрый и добросердечный господин, — отвечал монах. — Его необходимо целым и невредимым доставить в ставку великого хана».

Дремучее суеверие испокон веков соседствовало в душе монгольских завоевателей с ненасытной алчностью и тупым чванством. С опасливой учтивостью со старца, который безучастно продолжал сидеть в углу перед светильником, сбили цепь, и Альбрехт Рох за руку вывел слепого из темницы.

Монголы покидали крепость, усеянную бездыханными телами защитников. Над замком занимался пожар. В долине, насколько хватало глаз, полыхали костры торжествующих победителей. Юркий чиновник с китайской бородкой, путаясь в широких полах шелкового халата, стянутого с чужого плеча, вручил Альбрехту Роху и его спутнику новую охранную грамоту и приказал выдать из обоза двух шелудивых мулов. Когда крепостные стены остались далеко позади, а ветер, дувший в спину, больше не доносил запаха гари, — старик, который умело сидя в седле, послушно следовал за Рохом, неожиданно заговорил на чистом арабском языке.

«Где ты собираешься бросить меня? — спросил он. — И что тебе нужно у монгольского хана?»

В первое мгновение монах оторопел, но, быстро смекнув, что многознание старца может пригодиться, рассказал всю правду: что в орду он ехать не собирается, что ищет дорогу в Кашгар, где, по сведениям французского короля, находится могучее христианское государство. Старец долго молчал, обдумывая услышанное.

«Я могу показать тебе дорогу в Кашгар, — наконец сказал он, — враги лишили меня глаз, но не могли лишить разума. Кашгарское царство расположено дальше тех мест, где живу я. Проводи меня домой, и я дам тебе проводника до Кашгара».

Так они порешили ехать вместе.

* * *

Безлюдные опустошенные селенья ждали их на долгом пути к Памиру. Лишь в стороне от проезжих ущелий и заброшенных караванных троп, там, куда не смогли проникнуть ханские отряды, уцелели люди. Распрашивая о дороге редких встречных, старик и монах пробирались к долине Пянджа, откуда начи-

налась великая горная страна, недостижимая для монгольской конницы.

Чем выше становились снежные вершины гор, тем чаще попадались путникам стада овец, и старец, не слезая с мула, затевал длинные неторопливые беседы с пастухами. Раздувая поздри, он вдыхал прохладу ущелий и окрепшим голосом певуче и плавно говорил на неизвестном наречии, точно читал проповедь. Пастухи слушали почтительно, кормили слепого и его спутника, приглашали разделить ночлег у костра, а поутру давали на дорогу овечий сыр, сушеные фрукты да лепешки, и иногда провожали до висячего моста или брода.

Много недель пролетело, прежде чем привел их последний проводник в дальний горный кишлак. В сумерках постучали железным кольцом в глухие ворота, и, как из глиняного горшка, откликнулся на стук голос. Старик что-то громко сказал и сейчас же по ту сторону раздался истонченный вопль. Ворота распахнулись и к ногам слепого упал человек с факелом в руках. Из дома с криком выбегали другие, тоже падая ниц. По всему кишлаку замигали огни, закричали люди, залаяли собаки. Вскоре у дома собралась коленопреклоненная толпа. Старец произнес несколько слов и прошел в дом. Там, устало опустившись на ковер, он обратился к Альбрехту Роху:

«Я обещал найти проводника до Кашгара. Дорога на Кашгар осталась в стороне. Ты получишь проводника. Но тебе нечего делать в Кашгаре. Ты говорил, что едешь послом в страну христианского царя Иоанна. Так знай: до самого океана, где восходит солнце, нет и никогда не было такой страны. Можешь смело возвращаться назад и сообщить это своему государю. Ты спас мне жизнь и помог вернуться на родину. Ты делил со мною гнилое подземелье и пил тухлую воду из одного ковша. Мне хочется отблагодарить тебя. Завтра чуть свет я отправляюсь дальше в горы и хочу, чтобы ты ехал со мной. Я покажу тебе то, что не видел ни один непосвященный. Я повезу тебя к тайной пещере, куда мечтали, но не смогли добраться собаки Хуршаха. За это они выкололи мне глаза. Ты узнаешь то, о чем знают немногие. Если хочешь ехать в Кашгар, я не стану тебя удерживать и дам проводника. Через год, если останешься жив, ты ни с чем вернешься обратно. Но меня уже больше не встретишь. Выбирай!»

Альбрехт Рох колебался недолго.

* * *

Поутру караван маленьких длинношерстных быков неторопливо потащился по ветрыным ущельям и перевалам Памира. Молчаливая, хорошо вооруженная свита сопровождала старца. Но никто больше не попадался им на каменистом пути. Только круторогие архары мелькали на заснеженных краях,

да горные орлы зловеще парили высоко над ущельем. Много дней двигался караван, пока невидимая тропа ни уткнулась в пустую пещеру. Здесь осталась свита. Только двоим, не считая Альбрехта Роха, было позволено проводить слепого старца дальше. Равнодушные яки снова не спеша зашагали по голым камням. Но путешествие приближалось к концу. Под вечер низкорослые быки подошли к водопаду, который преграждал путь по ущелью.

Высокая неприступная стена нависала над маленьким караваном. Грохот ниспадавшей воды пугал животных. Старцу помогли спешиться и под руки подвели к потоку. Альбрехт Рох заметил, что слепой остановился на ровной, почти круглой площадке, на которой явственно проступала свернутая змеей надпись из треугольных знаков. Один из провожатых отвязал от седла фыркавшего быка завернутый в холстину шест, развернул полотно и высоко вознес над головой длинную причудливую трубу. Медный протяжный звук разнесся по ущелью, звонким мелодичным призывом прорвался сквозь рыхлый шум воды. Монах не понимал смысла странного обряда. Слепой стоял с непроницаемым лицом, в пустых глазницах, как слезы, блестели брызги воды.

Вдруг над гребнем стены появились две человеческие головы и тотчас исчезли. Зато вниз легко заскользила громадная корзина. В мгновение ока она мягко опустилась рядом с площадкой. Двое провожатых подхватили старца и посадили в корзину, тот жестом дал понять, чтобы подвели Роха. Монах приблизился. Старик указал на место возле себя: в корзине, сплетенной из широких сыромятных ремней, могло уместиться двое или трое.

Погонщики помогли Альбрехту Роху перелезть через высокий борт, и, как только он ступил на зыбкое дно, ремешки короб, плавно покачиваясь на двух толстых канатах, поползли вверх. От высоты и близости kloкочущей воды кружилась голова. Королевский посол беспомощно вцепился в тонкий борт плетенки, не решаясь взглянуть ни вниз, ни вверх.

У края пропасти корзина остановилась. Канаты, привязанные к металлическим кольцам, тянулись по желобам, густо смазанным жиром, к массивному деревянному барабану, наглухо насаженному на бревно в два обхвата. Нехитрый, но громоздкий механизм приводили в движение четыре яка, понуро стоявшие здесь же. Несколько косматых чернобородых людей в одежде из вывернутых наизнанку шкур вытянули старца за руки и пали перед ним ниц. Альбрехт Рох выкарабкался сам.

«Караван будет ждать тебя внизу три дня,— сказал слепой старик.— А теперь идем».

И он легко зашагал вперед, положив руку на плечо одного из бородачей. Путь оказался неблизким. Унылый однообразный склон поднимался почти незаметно. Неожиданно он обор-

вался на плоском, точно обрубленном гребне, покрытом бурым лишайником и жалкими клочками выжженной на солнце травы. Гребень плавно переходил в отлогий спуск, а внизу в котловине пепельно-тусклым блеском запыленного зеркала заиграла вода.

Процессия вышла к берегу озера, поросшего пышным кустарником и густой травой. В воздухе кружили птицы. Слева, далеко отступив от воды, поднимались скалы, в вышине они незаметно переходили в обледенелый кряж, который уползал по границе озера и на той, невидимой стороне смыкался с белым оскалом дальних хребтов.

Широкий зеленый луг разделял подножье горы, усеянное крупными обломками камней, и оловянную гладь озера, которое на фоне слепящей зелени травяного ковра выглядело легким серым покрывалом, накинутым на долину. Буйные небывалые травы подступали прямо к кромке воды и обрывались возле застывшей глади, точно отрезанные ножом.

У подножья горы копошились человеческие фигуры, бродили яки, козы, овцы, с веселым лаем носились собаки. Нигде никаких построек. Но над всем мирным пейзажем разверзлась чудовищная пасть громадной пещеры. Она словно готовилась проглотить и загадочно-угрюмые воды, и пышную растительность, и людей. Исполинским глазом циклопа светился у входа в пещеру огонь большого костра, горящего странным синеватым пламенем.

Здесь, в недостижимой высокогорной долине, на берегах Теплого озера жили последние огнепоклонники, немногие из уцелевших приверженцев учения Зороастра, легендарного пророка, основателя древней религии персов и всех среднеазиатских народов. Сама религия давно рухнула, не выдержав сопротивления с исламом, когда во времена страшного мусульманского нашествия под копытами арабских лошадей пали растоптанными и прошлая гордая слава Персии и святилища зороастрийцев. Но и после арабского завоевания понадобились еще многие столетия, прежде чем время смогло вытравить из сознания людей вдохновенные пророчества Зороастра.

Сотни раз огнепоклонники поднимались на священную войну против арабских поработителей, и каждый раз побежденные, отступали все дальше и дальше в безлюдные пустыни и горы, пока ущелья Памира не стали их последним оплотом. Тут, в глубоких тайниках пещер схоронили они и сберегли священную книгу зороастрийцев — Авесту. Слепой старец был верховным жрецом последних зороастрийцев, один из немногих, кто имел доступ к сокровенным подземным тайникам и знал проход по пещерному лабиринту к месту, где хранился драгоценный список легендарной Авесты.

Суровые нелюдимые огнепоклонники, загнанные в ущелья и ледники Памира, не выродились, как это обычно бывает, в

фанатичную секту юродствующих кликуш. Религиозные традиции довели над общиной, но не настолько, чтобы убить в людях все человеческое. Смысл своей жизни горные отшельники видели не в бездумном соблюдении формальных предписаний ритуала, а в сохранении для потомков священной книги знаний.

Никто, кроме главного жреца, не имел права покидать тайного убежища. Раз в три года он спускался в ущелье, объезжал по заброшенным горным селениям немногих сторонников зороастрийцев, чтобы отобрать детей, предназначенных для воспитания в общине хранителей Авесты, дабы впоследствии стать стражами негасимого священного огня на берегу Теплого озера. Преданные последователи огнепоклонников каждое лето приводили караваны с припасами и намеченными жертвами к водопаду, и плетеная корзина бесшумно уносила плачущих младенцев в неприступную высь.

Однажды шейх исмаилитов Хуршах проведал, что верховный жрец богоотступных зороастрийцев вновь спустился с высоких гор в долину Пянджа. Слуги Хуршаха устроили засаду на безлюдной тропе, перебили охрану, схватили памирского старца и доставили в замок шейха. Но напрасно вероломный Хуршах пытался склонить жреца-огнепоклонника на свою сторону и выведать тайну священной пещеры — ни посулы и угрозы, ни изощренные восточные пытки не возымели действия. Ослепленный, изуверенный старец хранил молчание и был обречен заживо гнить в глубоком подземелье горного дворца...

«Вы, франки, — сказал слепой жрец оробевшему монаху перед входом в пещеру, где жутким синим пламенем, без дров и угля, гудело пламя гигантского костра, — вы больше других кичитесь мудростью, которой у вас нет. Вы, как дети, зная немного, полагаете, что знаете все, и, как базарные нищие довольствуетесь жалкими крохами, доставшимися от знаний неведомых вам народов. Не на пытливый разум, а на безрассудную глупость опираетесь вы, вот уже более тысячи лет слепо доверяя одной старой иудейской книге, именуемой Библия. Я покажу тебе книгу в тысячу раз более великую, где собраны и записаны все сокровенные знания людей, многое из которых давно растеряло неразумное человечество».

Уверенно ступая в полной темноте, старик повел испуганного монаха путанными, извилистыми ходами. Шли долго, непрестанно сворачивая то влево, то вправо. Проход подчас сужался так, что локти задевали стены. Наконец Альбрехт Рох почувствовал, что дышать стало свободней. Давящая теснота исчезла. Слепой жрец чиркнул огнивом и безошибочно зажег факел, укрепленный в стене.

Под невидимыми сводами на высоких полированных ступенях глазам изумленного францисканца представились сотни кожаных свитков величиной с небольшой бочонок. Это была

легендарная Авеста. Не те жалкие искалеченные обрывки, найденные спустя полтысячелетия у индийских парсов, а полный список, считавшийся навсегда утраченным после того, как Александр Македонский приказал публично сжечь древнюю книгу зороастрийцев на площади разрушенного Персеполя.

В подземной пещере, запрятанной под ледниками Памира, последний зороастрийский маг поведал посланцу французского короля о великих тайнах авестийского предания. В исповеди, унесенной в могилу, Альбрехт Рох сообщает, что увиденное и услышанное подобно молнии, внезапно озарившей темную келью, пронзило его душу, поразило и ослепило разум. Но при всей незаурядности и необычной судьбе Альбрехт Рох оставался сыном своего времени. Разве мог он, ревностный служитель христианского бога и верный подданный французского короля променять дремучие идеалы на все тайны земли и блага мира вместе взятые.

Возвращаясь в Европу по вытоптанным оазисам Хорезма, проезжая мимо спаленных городов и мертвых сел Руси, он окончательно решил, что не иначе как сам сатана в облики мудрого зороастрийца завлек его в дьявольскую ловушку и ослепил огнем ада, чтобы принудить забыть бога, спасение и королевский наказ...

Альбрехт Рох окончил жизнь в прусских лесах. Полуживой от ежедневных постов и изнурительных молитв, он добрался до владений тевтонского ордера, отшельником поселился в уединенном месте и остаток дней провел в полном одиночестве, избегая людей и замаливая вину перед небом и королем. Как каинову печать хранил он бронзовый светильник с дьявольскими письменами, подаренный на прощанье монаху зороастрийским жрецом: тот самый светильник, который слабым огоньком согревал их, слепого и зрячего, в сыром подземелье исмаилитской крепости.

Глава IV

ТАЙНА СЛЕПОГО МАГА

История! История в самом широком смысле — история человека, народов, общества, история языка, мысли, культуры, нравов, обычаев. Она была для меня всем. Нет, не причудливые видения минувшего привлекали меня, не призрачный мир теней искал и находил я в глубинах веков. История означает жизнь в ее полноте и беспрестанном становлении. Настоящее — всего лишь результат, заключительный аккорд долгого и трудного пути истории, но этот последний аккорд не исчерпывает симфонии жизни. От фундамента прошлого зависит прочность

здания настоящего. Прошлое — пазидание и предостережение: если люди не умеют учить уроки вчерашнего, им нелегко придется сегодня и завтра.

Прошло совсем немного времени с момента появления нежданного гостя, а я уже успел проникнуться доверием и уважением к пожилому невозмутимому немцу, о чьем существовании недавно даже не подозревал. Мне нравилась его манера вести беседу — размеренно, неторопливо, но образно и убежденно. Мысли ладно прилепали друг к другу, рисуя столь красочно и правдоподобно картины далекого прошлого, как будто рассказчик был очевидцем событий. В нем не было ни тени позерства, ни нотки пренебрежения, никакого желания подавить собеседника мнимым превосходством и потоком книжной информации — что так присуще эрудированным болтунам.

Теперь мне открылось многое, я знал все, что было известно Керну. Нет, совсем не список легендарной Авесты, надежно упрятанный под ледниками Памира являлся главным в поведанной мне истории, хотя это тоже — потрясающее известие. По своему значению и литературным достоинствам она не уступает таким старинным религиозным книгам, как Веды, Библия и Коран. Когда-то полный свод Авесты насчитывал два миллиона стихов, написанных несмываемой золотой краской на двенадцати тысячах дубленых коровьих кож особой, тонкой выделки. Тяжелые свитки хранились в главном зороастрийском храме столицы персидских царей.

Когда Александр Македонский разбил Дария и разграбил Персеполь, он приказал стереть с лица земли главное святилище огнепоклонников, на его развалинах сжечь Авесту, а пепел развеять по ветру. Спустя много лет жрецы-маги задумали по памяти воссоздать заново сожженную книгу. Утраченный текст восстановили лишь ценой невозвратимых потерь: новая Авеста оказалась вчетверо короче первоначальной. Однако и этот вариант не сохранился. Жрецы не раз дополняли и переделывали текст, уродовали древние стихи до неузнаваемости. Живое и поэтичное безжалостно выбрасывалось. Мертвое, наносное канонизировалось и насильственно насаждалось. Наивные вдохновенные верования древних иранцев в руках церковников превращались в сухую безжизненную догму.

В конце седьмого века на Персию и Среднюю Азию обрушились арабы. Все, что противоречило Корану и противилось новому порядку, беспощадно сжигалось и уничтожалось — люди, храмы, книги. Арабское нашествие положило конец древней религии Зороастра. На смену поклонения огню, свету и правде пришла слепая вера Мухаммеда. Не удалось ордам завоевателей вытоптать огонь зороастрийского учения. Пламя пророчеств Зороастра и учения Авесты не в силах были задуть ни македонцы, ни арабы, ни монголы. Тлеющие искры веры в светлое и доброе, неизбежно побеждающее зло и тьму, вспыхивали

вдруг в самых неожиданных местах. Античная Греция и Рим не избежали влияния зороастрийских идей. Авестийское учение оплодотворило мистику некоторых иудейских и христианских сект. В средние века воинствующие еретики — несториане и павликиане, богомилы и альбигойцы, — поднимая под религиозными лозунгами народные массы на антифеодальную борьбу, черпали из манихейства, сами того не зная, крамольные мысли языческого бунтаря Зороастра.

Религиозные общины зороастрийцев, чахлые и вырождающиеся, также сумели выстоять кое-где под натиском времени. Вплоть до начала двадцатого века в Баку действовал храм огня. Поныне малочисленные группы огнепоклонников живут в Индии и Иране. Именно через парсов, индийских зороастрийцев, бежавших из Персии после кровавой резни, учиненной мусульманскими фанатиками, и поселившихся в окрестностях Бомбея, — попали в Европу XVIII века списки Авесты, вернее жалкие и куцые остатки, которые чудом уцелели и дожили до наших дней, по сути — одна из тысячи двухсот навсегда утраченных глав. Но даже и в таком виде пламенные гимны Зороастра и суровая мудрость безымянных авторов вошли в сокровищницу человеческой мысли и мировой поэзии. Находка даже одного неизвестного отрывка священной книги зороастризма могла бы стать событием огромной важности в истории, филологии, философии. А тут намек на целый неповрежденный список. Шутка сказать — полный свод Авесты! Сенсация в науке XX века!

И все же не это было главным. Керн оказался прав: в рукописи монаха-францисканца, найденной много лет назад и оставленной в подземном бункере где-то в прибалтийских лесах, содержались такие сведения, которые не укладывались в обыденные представления. Мало того, сведения требовали внимательного изучения, уточнения сопоставления, чтобы убедиться в их правильности, для чего нужна была рукопись. Я понимал это не хуже Керна. Поэтому его предложение ехать в Прибалтику явилось естественным заключением удивительного рассказа и представлялось само собой разумеющимся, хотя ни один из нас не был уверен, сохранилась ли в лесном подzemье исповедь Альбрехта Роха. Да и уцелел ли сам подземный бункер — эта старая язва войны?

Впрочем, тем, кому случалось бывать в районе Калининграда, на территории бывшей Восточной Пруссии, хорошо известно, сколько тайн недавнего военного прошлого хранит эта земля. На разветвленную сеть секретных подземных баз, заводов, складов, аэродромов неподалеку от границ Советского Союза во времена второй мировой войны делалась особая ставка. Многое было уничтожено в ходе боев, взорвано отступающими войсками, обнаружено и ликвидировано после войны. Однако немало еще неизвестных тайных убежищ и хранилищ скрыто в

тенистых лесах, на безлюдном побережье и посреди тонких болот.

Так или иначе, приходилось ехать. Весьма кстати подвернулись и два выходных дня и автомобиль Керна, на котором он и прибыл в нашу страну. Разговор продолжался всю ночь. Керн согласился остаться у меня до отъезда. Он достал из саквояжа целый набор чайных принадлежностей: маленький фарфоровый чайник с замысловатым японским узором, несколько миниатюрных пиал и круглую жестяную банку с душистой заваркой. Едва был допит крепкий ароматный чай, как за окном посветлело: занималось ранее июльское утро.

* * *

Мы вышли, когда на небе таяли последние звезды. День обещал быть ясным и жарким. У подъезда стояла машина незнакомой мне иностранной марки — старая, облупленная, забрызганная давнишней грязью и с помятым левым крылом.

— Мой дом на колесах, — отрекомендовал Керн.

Я бросил на заднее сидение тощий затасканный рюкзак, внизу положил лопату, а сам сел рядом с водителем. Мотор жалобно фыркнул, и машина нервным рывком тронулась с места. За время пути я многое узнал о Керне, о его жизни, семье, увлечениях. Но жизнь в обычном смысле слова, когда не нарушают ее плавное течение чрезвычайные события, представляет довольно-таки однообразную картину. Работа, повседневные заботы, устойчивые привычки и неизменный круг друзей — все это хорошо знакомо каждому. Гораздо больший интерес представляет характер человека, его взгляды, образ мыслей и убеждения, накладывающие, впрочем, индивидуальный отпечаток на любое событие личной жизни.

С Керном было легко, как с давним знакомым. Однако за те полдня, что мы провели рядом на пути к Калининграду, выявлялась не только общность взглядов и интересов, но и определенные различия в жизненных позициях и понимании ряда вопросов. Незаурядность этого человека чувствовалась буквально во всем, но вместе с тем его отдельные высказывания вызвали справедливые возражения. Я не отмалчивался, охотно ввязывался в спор, а иногда даже нарочно старался распалить и подзадорить Керна, если замечал, что он заходит слишком далеко, и тем самым в известной степени оспорить, добиваясь, чтобы он провел мысль до конца, логически свел ее к абсурду и, значит, опроверг самого себя.

Правда, подобная тактика не всегда приводила к желанному результату, ибо нередко я сам оказывался в какой-нибудь логической или софистической ловушке. Когда я, замечая несуразность каких-либо суждений Керна, пытался опровергнуть их четкими аргументами или загнать в логический тупик, он

всегда угадывал, куда клонится разговор, и либо уходил в сторону, либо отделялся шуткой, либо же, наконец, разделялся с моими доводами моим же оружием. Вне всякого сомнения, он был гораздо более опытный и искусный спорщик. В споре он никогда не выжидал, не оборонялся, а почти всегда наступал.

Все это однако не мешало нам понимать друг друга. Мы быстро и безошибочно нащупали правильную нить, и наши отношения вскоре приобрели тот особый оттенок, который подчас наблюдается при сближении людей, совершенно различных по характеру, взглядам или возрасту, но испытывающих симпатию и стремящихся к развитию товарищеских уз: Керн шутливо покровительствовал мне, я же, не тяготясь подобной опекой, не оставался в долгу и не упускал случая или подковырнуть его, или беззлобно уязвить. Не сговариваясь, мы взяли за основу наших отношений простую житейскую заповедь: посещенья непринужденность — пожнешь дружелюбие и взаимопонимание.

Раз два в высказываниях Керна проскальзывали скептические нотки в оценке человека.

— Человек рожден быть богом, — впервые услышал я в машине, — а между тем люди растрачивают жизнь на пустые, малозначительные мелочи. Большинство до сих пор не научилось видеть, развивать и извлекать многие из сокрытых возможностей, которыми их не скупясь одарила природа.

Мысль показалась мне несколько туманной. Он пояснил:

— Каждый рождается с задатками гения, но лишь считанные единицы ими становятся. В каждом от рождения заложено самой природой активное начало. Но как и огонь, активная деятельность человека может разгореться все сильнее и сильнее, может поддерживаться на одном уровне и, наконец, может — запущенная или заброшенная — угасать совсем.

Только активность первого рода, непрерывно разгорающаяся, есть действительная активность, которая отвечает истинному назначению человека. Природа никого не обделяет семьями гениальности, за исключением психически или умственно неполноценных людей. Взрастить эти семена доступно каждому. Нужно лишь, чтобы неутолимая жажда знаний, беспрестанное стремление к деятельному исканию никогда не угасали, а, напротив, разгорались все сильнее и постоянно бушевали в людских сердцах. И тем сильнее, чем больше люди познают и знают. Если человек успокаивается на достигнутом, он теряет жизненный импульс, его активность затормаживается, познавательная способность утрачивает набранную силу, человек останавливается или топчется на месте.

Подавляющее большинство предпочитает именно такой путь: какое-то время они разгораются, затем долго коптят ровным пламенем, а потом — медленно и неумолимо затухают и

гибнут. Человек сгорает бесследно, как стеариновая свечка, и бледный свет, которым он недолго освещал пятачок земли, исчезает вместе с ним. На место одного заступают другие, и все повторяется сначала. Иным удастся взмыть над землей ракетой, осветить большую площадь и увидеть дальше остальных. Они сообщают другим об увиденном и сгорают.

— Но о каком человеке идет речь? — возразил я. — О человеке абстрактном? О человеке вне общества? Ведь существуют конкретные люди, живущие в конкретных общественных условиях и в конкретные исторические эпохи. Разве возможно вообще какое-либо развитие человека, если он не связан с теми знаниями и материально зримыми результатами, которые достигаются и добываются на каждом конкретном уровне исторического развития?

— Вы не учитываете, — немедленно отреагировал Керн, — что человеческое общество в процессе материальной деятельности и производства впитывает и переваривает идеи, поставляемые гениями, великими людьми и просто выдающимися личностями. На любой ступени развития общество переваривает только то, что может, и ровно столько, сколько может. XVI век оказался неспособным использовать почти ни одной идеи Леонардо да Винчи, XVIII веку вполне хватило одного Ньютона.

А что бы произошло — живи и твори в то же самое время полсотни, сотня, тысяча человек, равных по гениальности Ньютону? Да, ничего особенного. Все шло бы своим чередом и прежними темпами. Десять тысяч гениальных идей ни на один оборот не ускорили бы ход истории, и большинство из них постигла бы участь блестящих догадок Леонардо. Общество было бы не в состоянии освоить сразу столько идей и применить их на практике.

Вот почему человечество в силу собственных объективных возможностей тормозит развитие гениальных личностей. Точнее, оно создает и признает их ровно столько, сколько требуется в каждый конкретно-исторический отрезок времени. А происходит это потому, что люди предпочитают пребывать в пассивности. Большинству просто удобнее думать не самим, а чтобы за них думали другие.

Ах, если бы человечество с самого начала состояло из одних гениев, равных по необъятному разуму, искательскому пылу, чуждых низменных страстей и пошлых влечений, — тогда бы в мире господствовали иные законы. общество было бы совершенно другим, а его развитие осуществлялось бы в тысячи раз быстрее. Однако этого не произошло. да и не могло произойти.

— Но это несомненно будет! — перебил я.

— Будет... Кто может предсказать, когда это будет? Мы живем в настоящем, которое далеко не идеально. А будущее — оно пока впереди.

Автомобиль свернул влево на просеку.

— Теперь потрясет,— улыбнулся Керн.— Машину придется оставить,— прибавил он через минуту,— к реке пойдем напрямик.

Мы остановились в редком орешнике, отъехав от запущенной просеки, насколько позволял лес.

— Здесь недалеко,— объяснил Керн, доставая из багажника топор и подвесной фонарь.

Он зашагал легкой походкой в низину, поросшую ольхой, а я, захватив на всякий случай лопату, бросился вслед за ним. Миновав тенистый ольшанник, мы пошли оврагом, по топкому дну которого бежал грязный ручей, похожий на сточную канаву. Приходилось то и дело перескакивать через русло, выбирая место посуше. Овраг становился все глубже, а откосы — все круче. Впереди, в узкой горловине чуть ли не до самого дна свисали гнилые бревна с ржавыми колючками болтов — остатки не то мостика, не то блиндажа.

Неожиданно просветлело. Овраг вывел к неширокой реке. Чуть наискось от места, где мы вышли из леса, из воды вздыбились вверх искореженные опоры моста.

— Ну, вот и пришли,— с облегчением сказал Керн.

Обойдя берегом лощину, мы снова углубились в лес. Сотни три шагов — и вот в окружении могучих сосен я увидел пригорок, по форме похожий на курган, а на вершине — бесформенные очертания руин. Часовня совсем развалилась. Остатки каменных стен замшели и заросли, даже в сухой солнечный день от них пахло подвальной сыростью и застоявшимся болотом.

Ничем не примечательные развалины, неприметное нагромождение грубо отесанных камней, поросшее кустами и засыпанное землей. Но именно эти камни — в трещинах и лишайнике, похожие на черствые заплесневелые хлебы, тысячами невидимых нитей были связаны с далеким, призрачным прошлым, с безвестным монахом-крестоносцем, его удивительной и драматической судьбой.

И сейчас, здесь, как бы заново рождалось прошлое: казалось, навсегда утраченный миг далекой истории вдруг оживал и соприкасался с сегодняшним днем. Вот почему так напряженно всматривался я чуть ли не в каждую травинку, упрямо пробивающуюся сквозь зазоры между камней, подмечая и муравьиные ходы, размытые ливнем, и разбросанные повсюду измятые птичьи перья — следы недавнего пиршества лисицы или совы.

Почтив глубоким молчанием останки седой старины, мы спустились с вершины холма и побрели дальше. Бор чуть слышно шелестел пушистыми макушками сосен. Ноги легко,

как на лыжах, скользили по мягкой хвойной подстилке, изредка задевая за кустики черники или папоротника. Казалось, можно без конца блуждать между прямых, как мачты, стволов, не встречая ни людей, ни тропинок. Все дышало лесным покоем и не предвещало никаких неожиданностей. Керн шел впереди. На одной из прогалин он остановился и начал внимательно осматривать землю.

— Глядите,— подозвал он меня.

Сквозь прорехи ковра из прелых сосновых игл проглядывал грязно-желтый песок, местами изрезанный высохшими желобками — следы мелких дождевых ручейков. Не ясно только куда они стекали: маленькие канальца сходились радиально и пропадали под землей в двух-трех точках. Керн ковырнул лопатой. Тонкий слой подался и съехал, как кожа со спелого персика, обнажая ржавую клепку железных дверных створок, неплотно прижатых к земле.

— А ну, взяли,— весело скомандовал мой спутник и, вогнав лопату в щель, всем телом навалился на ручку, как на рычаг.

Дверь скрипнула, приподнялась. Я ухватился обеими руками за черный скользкий угол и потянул что есть силы. Пыхтя и сопя, мы до тех пор толкали тяжелую, точно налитую, крышку, пока она наконец не встала дыбом и не опрокинулась с храпом, открывая квадратную дыру затхлого погреба. Вниз вело несколько высоких ступеней. На дне черной ямы предательским блеском отсвечивала вода.

— Мда,— только и нашлось у меня.

— Там еще одна дверь,— пояснил Керн и, наладив фонарь осторожно начал спускаться.

Вода внизу оказалась грязной вонючей жижей, размазанной по полу. Керн вытянул фонарь, и я увидел в глубине подвала железную дверь, в центре которой, как на банковских сейфах, торчала металлическая баранка. Без особых усилий Керн повернул три раза массивный руль. Раздался резкий щелчок, и тяжелая, в две ладони толщиной, дверь с пронзительным визгом отошла на петлях.

Керн махнул мне, приглашая присоединиться и скрылся в глубине. Я бросился вслед. На голову упало несколько капель, посыпался песок, и я, чуть не поскользнувшись в грязи, шагнул через порог за Керном. Мы очутились в полутемном просторном помещении. Желтое световое пятно фонаря блуждало по высоким бетонным сводам, в подтеках и трещинах, и отражалось на стенах, выкрашенных когда-то желтой масляной краской, теперь вздутой и облупившейся.

Посреди зала располагался массивный деревянный стол, вокруг него — беспорядочно раздвинутые табуретки, а вдоль стен — не то узкие нары, не то широкие скамьи, и стояло несколько сундуков. Пол чистый, незамусоренный, но покрытый какими-то отвратительными пятнами и лишаями плесени. Тя-

желый запах — смесь гнили и сырости — усиливал гнетущее впечатление от этого давно брошенного и закупоренного помещения.

— Вот она! — торжествующе воскликнул Керн и, потрясая фонарем, устремился к столу.

На столе среди тряпья, жестяных банок и опрокинутых бутылок — лежала толстая книга энциклопедического формата, обтянутая кожей, с грубыми самодельными завязками вместо застежек и большим латинским крестом, вырезанным поверх переплета. Мы с Керном — голова к голове — склонились над фолиантом. Книга была сработана ладно, со знанием дела. Пергаментные листы аккуратно подобраны и ловко подшиты к корешку, но от долгого лежания и сырости страницы сморщились, покоробились, отчего вся рукопись распухла и раздалась. Текст тоже немного пострадал, особенно вначале: кое-где смыло и стерло чернила, кое-где строчки закрывали бурые разводы.

— А там что? — покосился я на огромную, похожую на ворота, дверь в глубине комнаты.

— Пойдем взглянем, — Керн немного повозился с засовом и распахнул дверь.

Свет от фонаря скользнул по нагромождению сундуков, ящиков, мешков, больших коробок, жестяных и деревянных бочек, баков и стеклянных бутылей. В тусклом свете не было видно конца хаотическому складу вещей. Он начинал тянуться прямо от двери и терялся далеко в глубине, сливаясь с неясными очертаниями плотно наставленных друг на друга до самого потолка громоздких деревянных ящиков, между которыми вел узкий темный проход.

У входа, где мы остановились, было чуть посвободней. Под ногами хрустел сухой песок, битое стекло и рассыпанная крупа. Кое-где виднелись раскрытые коробки. Отчетливо различались наклейки и немецкие надписи на фанере и картоне. У ближней стены лежали аккуратно уложенные тюки, похожие на свернутые парашюты, стояли в козлах густо смазанные автоматы, винтовки, карабины, а из-за высокого, обитого железными полосами сундука одноглазо уставился ствол крупнокалиберного пулемета.

— Все как тогда, — невесело усмехнулся Керн. — Старый хлам — кому он теперь нужен. Давайте-ка лучше выйдем на свежий воздух: тут нечем дышать, да и нечего делать.

Он взял рукопись подмышку и потянул меня к выходу. Наверху терпкий запах хвои и аромат лесных трав ударил в нос, как шампанское. Керн выбрал негустую тень и распластался на земле под сосной. Я расположился рядом.

— Вы знаете латинский? — спросил он, щурясь от яркого света.

— Плохо, — сконфузился я.

— Жаль.

— Но разбираюсь,— скорее поправился я, раскрыл книгу и пробежал глазами несколько страниц.— Немного понятно.

То не была сухая и казенная латынь. И хотя средневековый хронист не смог избежать многократного цитирования и ссылок на Библию, утомительных описаний малосущественных подробностей и прямолинейных назиданий,— все же в неторопливом повествовании сразу же бросалась в глаза отточенная афористичность выражений, меткость наблюдений, точность сравнений, трезвость выводов, а местами — тонкий, неподдельный лиризм. Впрочем, поверхностное знание языка мешало мне в полной мере оценить литературные достоинства рукописи.

— Э, не увлекайтесь,— напомнил о себе Керн.

Ему самому не терпелось завладеть сокровищем. Он открыл книгу с середины и начал быстро, но бережно перелистывать страницы. Сидя рядом на корточках, я то и дело заглядывал к нему через плечо, но ничего не успевал схватывать — перед глазами мелькали только обрывки бессвязных фраз.

Наконец Керн нашел, что искал.

— Вот, здесь,— отчеркнул он пальцем поперх абзаца,— слушайте.

И начал читать, переводя прямо на русский.

* * *

«Помни создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!», — сказал царь Екклесиаст. «Тогда рассудительность будет оберегать тебя, разум будет охранять тебя, дабы спасти тебя от пути злого, от человека говорящего ложь», — гласит «Книга притчей Соломоновых».

Но в тот день и час я забыл о тебе, господи, не внял твоему предостережению, когда перед тем, как совершить мне роковой шаг и сойти в дьявольскую пещеру, ты повелел большому камню сорваться с выси скал и скатиться вниз. Почему же не увидел я в этом божественного знамения? Почему ослушался тебя? И почему за то не обрушил на мою голову справедливый гнев? Или ты хотел испытать меня?

О, сколько дано мне было пережить по воле твоей, господин вселенной! Я познал и промозглый холод глубоких темниц, и обжигающее прикосновение железных лат, раскаленных под африканским солнцем. Я видел сотни раздетых трупов со вздутыми животами, ограбленные сарацинами и брошенные посреди пустыни. Я слышал стоны девственниц, терзаемых крестоносцами, и вопли еретиков, сжигаемых живьем на кострах.

Мои глаза научились не видеть, уши не слышать, а сердце сделалось каменным. Но последнее, самое ужасное испытание

оказалось выше человеческих сил. О, зачем поддался я злему наваждению сатаны и двинулся вслед за слепым магом в разверзнутую бездну земли?»

Так дословно писал Альбрехт Рох...

Седобородый волхв уверенно вступил в непроглядную черноту пещеры, а монах, положив руку на его высохшее плечо, сам, словно слепец, послушно побрел за молчащим поводырем, подчиняясь бесовским чарам и чувствуя, как огненные иглы изнутри прожигают тело. Их охватила мгла. Первое мгновение францисканцу чудилось, будто он проваливается в преисподнюю, но немного спустя монах вновь обрел силы и ощутил под ногами твердую почву.

Шли долго, и Альбрехт Рох потерял счет минутам. Внезапно проводник остановился и, чиркнув огнивом, зажег светильник. Маленький язычок пламени беспомощно лизнул окружающий мрак. В стене зияла черная нора, напоминающая вход в гробницу. Вниз уводило несколько ступеней. Пламя светильника задергалось — слепой старец осторожно спустился вниз и, подождав спутника, задул огонь.

Коридор вел чуть под уклон, плавно сворачивал то в одну, то в другую сторону. Покатый пол, казалось, сам толкал вперед. Почти физически ощущалась гнетущая теснота каменного мешка. Но вот за поворотом что-то засерело, и в ледящей мгле подземелья вдруг дохнуло теплой влагой. Стало просторно. Потолок ушел в полутемную вышину и исчез. Коридор вывел к естественному разлому, вытянутому в узкую пустоту пещеры, по которой, точно по руслу реки, свободно мчался поток чистого теплого воздуха. Сверху слабо струился рассеянный дневной свет, с трудом пробивавшийся сюда сквозь щели, затерянные где-нибудь на склоне горы.

Королевский посол и его вожатый прошли по длинному, точно ущелье, разлому, легко двигаясь по каменистой тропе, и неожиданно очутились на берегу подземного озера, охваченного куполом громадной пещеры. Само озеро было невелико. От воды поднимался легкий пар, и над неподвижной гладью, точно причал в торговом порту, возвышалась ровная каменная терраса. Она шла по-над берегом, местами нависая над водой, местами распадаясь на широкие ступени, которые уходили прямо вглубь озера.

Повсюду на террасе ровными рядами были разложены сотни и сотни огромных плотных свитков, издали напоминавших небольшие бочонки с вином или китайским порохом. Впервые с начала сошествия в прибежище князя тьмы, слепой жрец нарушил молчание:

«Ты видпшь перед собой, франк, рукопись священной Авесты — самой великой и древней книги на земле. Ни беспощадное время, ни жестокосердные деспоты, ни ненасытные завоеватели не властны над истиной, поведенной великими богами.

То были прекрасные и жизнедарящие боги — не чета той нелепой, безликой силе, которой ты молишься денно и ночью».

«Напрасно смеешься, язычник,— побледнев, ответил монах,— напрасно глумишься над тем, во что верую свято и преклонно».

Но безглазый огнепоклонник, казалось, не слушал:

«Что значит вера в сравнении со знанием? Черная безлунная ночь, затмившая ослепительный свет ясного солнца; вонючая грязь болота, пожирающая хрустальные струи горного ручья. Но вы предпочитаете тьму свету, придумываете несуществующих властителей поднебесной и от рождения до смерти молитесь пустым, никому не принадлежащим именам.

Козлобородые иудеи изобрели бога Яхве, ледяной Тибет и жаркий Цейлон поклоняются бестелесному Будде, индусы — многоликому Шиве, горбоносые арабы и высокоумные персы избрали поводирем невежественного, больного падучей Мухаммеда, а вы, франки, не нашли ничего лучшего, как поклоняться двум палкам, сложенным в виде креста, на котором, по преданию, римляне распяли когда-то бродячего плотника Иисуса».

«Не ровняй моего бога со своими! — воскликнул Альбрехт Рох. — Ты поклоняешься огню, на котором и будешь гореть после страшного суда».

«Огонь изгоняет мрак и с ним — темные силы, — спокойно отвечал старец. — Не я берегу огонь, а он хранит меня от искушения уподобиться людям, вроде тебя. Ты видишь перед собой священные свитки. Я призван охранять знания, которые не предназначены нынешнему веку, знания, которые не способен вместить ни ты, ни я и вообще никто из живущих.

Когда-то, более тысячи лет тому назад нищий пастух Зороастр познал несколько крупиц того знания, которое сокрыто в священной Авесте, но не смог постичь в совершенстве ни единой истины, доверенной ему Ахура-Маздой. Самое большее, чего смог достичь Зороастр, — это стать пророком и поэтом.

Мирнады людей, как стадо баранов, устремились за новым явленным учителем. Но поумнело ли человечество с появлением очередного мессии? Люди до тех пор будут пребывать в клоаке скотских инстинктов, пока не откроют наконец подлинный смысл собственного существования. Вот ты, франк, знаешь ли, в чем смысл твоей жизни?»

«Знаю!» — убежденно заявил монах.

«В чем же?»

«В том, чтобы праведной и богоугодной жизнью заслужить потустороннее блаженство и бессмертие!»

«Ты глуп, франк, — беззлобно засмеялся огнепоклонник, — но еще глупее то, о чем помышляешь ты и миллионы других столь же наивных невежд, которые просто не ведают, какие неисчислимые беды может принести то, о чем вы мечтаете. Люди, как заклятием, обременены незнанием, что бессмертие

есть величайшее зло для живого. И как хорошо, что безумцы, подобные тебе, могут только грезить о бессмертии, не владея его тайной».

«Я заслужу бессмертие там!» — Альбрехт Рох указал перстом на прозрачные солнечные лучи, струившиеся из-под свода пещеры.

«Ты мог бы получить его здесь, но навеки проклял бы тот день и час, когда согласился бы стать бессмертным. Сойди вниз до последней ступени», — вдруг повелительным тоном приказал маг.

Еще не зная, что он замысливает, монах послушно спустился к самой воде. В лицо пахнуло теплотой парного молока и ароматом первых весенних листьев. На последней ступени, широкой, как палуба боевой галеры, возвышался огромный золотой сосуд, по форме напоминающий церковную купель и разукрашенный узором из треугольников. На дне драгоценного сосуда прозрачно-зеленым изумрудным отливом блестела густая непонятная жидкость.

«Спустился?» — раздался сверху властный голос жреца.

«Да», — с беспокойством ответил королевский посол.

«А теперь глать, что станется с тем, кто пожелает быть бессмертным», — торжествующе и зловеще проговорил слепой маг, почти невидимый в темноте, и неожиданно крикнул что-то на неизвестном гортанном языке.

И тут же вода в озере забурилась, заклокотала, всплеснулась дрожащей волной и из облака пены, пузырей и брызг возник ужасающий лик сатаны.

Омерзительная змеиная морда, покрытая отвратительной чешуей, которая местами отставала от кожи и топорщилась, как у дохлой рыбы. Чудовищная безгубая пасть с мертвенным оскалом. Меж редких истертых зубов проглядывал черный слюнявый язык. Немигающие, налитые кровью глаза смотрели жадно и недобро. Глубокие, близко посаженные ноздри на конце тупой морды хлюпали и шипели, расширяясь при вдохе и сужаясь при выдохе. От низко надвинутого лба шел, исчезая в воде, гребень из наростов, острых шипов и бородавок. Морда тяжело вздохнула, потом жалобно всхлипнула и вдруг, открыв во всю ширину бездонную зубастую пасть, нечленораздельно и сдавленно рявкнула, распространяя смрадное холодное дыхание. Это было последнее, что увидел и запомнил Альбрехт Рох. Голова пошла кругом, ноги подкосились, и он, потеряв сознание, рухнул на каменные плиты.

Неизвестно сколько времени провел он в беспамятстве. Когда очнулся — вокруг не было ни подземной пещеры, ни слепого мага, ни устрашающей морды дьявола. Альбрехт Рох лежал у подножья черной стены вблизи ревущего водопада. Над ним склонились угрюмые бородатые лица потонщиков яков, а вверх, к далекому краю пропасти уплывала пустая плетеная корзина.

Глава V

КОННЫЙ ОТРЯД

Керн прервал чтение и захлопнул древнюю книгу так, что хрустнул переплет и пахнуло кислым запахом отсыревшей кожи.

— Вот так,— заключил он.— Что скажете?

— Удивительно,— прошептал я, с трудом возвращаясь к реальности.

Бесхитростный, неторопливый рассказ средневекового монаха захватил и увлек меня с первых же слов. Я настолько зримо представлял каждый шаг францисканца, что казалось, будто меня самого увлекли в таинственные недра гор и долго водили по неведомому лабиринту. Волшебные сказки, старинные саги и фантастические повествования может по-настоящему любить лишь тот, кто умеет хотя бы на мгновение поверить в реальность происходящего. Я видел, слышал, чувствовал, осязал — и гнетущую тесноту подземных коридоров, и бесшумные движения слепого жреца, и высокие своды пещер, и парное дыхание Теплого озера, и даже дьявольский лик сатаны глянул на меня так пронзительно и кровожадно, точно перед глазами ожила вдруг икона или церковная фреска.

— Удивительно,— повторил я, отгоняя прочь наваждения.

— Это еще не самое удивительное. Главное — впереди,— сказал Керн и протянул мне увесистую рукопись.— Попробуйте-ка почитать дальше. Справитесь?

Я знал, что Главное — еще впереди и поборол нерешительность.

— Давайте. Попытаюсь прочесть. Смогу, наверное, по слогам — как Варлаам у Пушкина. А вы?

— Схожу к машине. Принесу поесть.

Когда Керн углубился в лес и быстро исчез за стволами сосен, я принялся осторожно перелистывать толстые пергаментные страницы самодельной книги. Поначалу я с трудом разбирал текст. Латинские слова кое-где были выписаны четко, почти с каллиграфической виртуозностью (видно, что монах тщательно обдумывал здесь каждую фразу). Но в большей части побуревшие от времени страницы были сплошь исписаны мало разборчивым почерком. Буквы торопились, набегали друг на друга, точно не поспевая за мыслью автора. Неровные строчки заползали то вверх, то вниз.

Постепенно я освоился со скорописью Альбрехта Роха, и полностью переключил внимание на осмысливание содержания. Продолжение повествования быстро захватило меня. Мысль, почти не испытывая неудобства из-за несовершенного знания языка, вновь перенеслась в далекий XIII век, и над моей головой нависли глухие стены памирского ущелья...

Измученные, обессиленные без свежего корма, яки еле представляли ноги. Караван тащился медленно и скорбно, как похоронная процессия. Временами движение почти замирало: караван растягивался на сотни локтей, и тогда быки вообще отказывались идти вперед. Лишь после долгих понуканий и побоев погонщикам вновь удавалось сомкнуть строптивых яков в послушную и маневренную цепочку. Но не надолго. Проходил час-другой, и все повторялось заново.

Альбрехт Рох, подпрыгивая и покачиваясь в войлочном седле, ехал в хвосте каравана. Монах, казалось, не замечал ни гортанных криков погонщиков, ни крутых спусков и резких толчков, от которых его почти бросало на острые, как вилы, рога яка, ни частых остановок.

Монах ехал, отпустив поводья и чуть слышно шепча слова молитвы. Глаза были закрыты, а когда он приподнимал тяжелые усталые веки, то видел только два длинных, слегка изогнутых рога, грозно торчащих из темной шерсти. Рога — зловещий аксессуар дьявола. Может быть, и жесткая волосатая спина под седлом принадлежит хозяину преисподней, а вовсе не диковинному горному животному? Но пусть даже и не черт несет его сейчас неведомо куда. Все равно — кто как не сатана завлек несчастного королевского посла в мертвые ледяные горы, чтобы завладеть его душой и лишить разума?

С того самого мгновения, когда из жутких глубин подземного озера возникла чудовищная оскаленная морда, Альбрехт Рох впал в глубокое забытие и перестал различать сон и явь. Его не просто сразило страшное видение — он ясно чувствовал, как что-то оборвалось, перевернулось, остановилось у него внутри. И теперь монах пребывал в абсолютном безразличии. Ему было безразлично, куда его везут и что произойдет дальше. Воля, выдержка, целеустремленность, аскетизм и фанатичная вера, по крупицам накопленные в долгой и многотрудной жизни, — все враз куда-то исчезло. Не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, ни думать. Только обветренные распухшие губы по привычке повторяли одну и ту же молитву.

И когда над ухом обжигало звонко, как оборванная струна лютни, пропела стрела, он не вздрогнул, не испугался и даже сделал усилие, чтобы открыть слезящиеся глаза, а то, что увидел, показалось ему картинами сна. Впереди все смешалось. Караван, перегородив ущелье, сбился в кучу, и сквозь мычащее стадо пробивался отряд вооруженных конников. Несколько косоглазых безбородых всадников в лисьих малахаях и полосатых халатах вырывались прямо на монаха. Пронзительный разбойничий гик заглушил беспокойный рев яков, и прежде чем Альбрехт Рох наконец осознал, что все это не сон, — тугой монгольский аркан сдавил ему горло. Инстинк-

тивно монах ухватился обеими руками за тонкий натянутый ремень и, теряя дыхание, вылетел из седла головой на камни...

Он не скоро пришел в себя, а когда открыл глаза, подумал, что ослеп. Рот запекся, лицо саднило и глазницы были точно засыпаны толченым стеклом. Он видел перед собой одну черноту — ни звезд, ни ночного неба, ни потолка, ни стен. Он пошевелился и понял, что не связан. Тогда осторожно, чтобы не спугнуть последнюю надежду, он поводил рукой перед глазами. Мелькнула неясная тень, и в горле монаха хрипло булькнул радостный вскрик: он видел, значит — не ослеп!

«Снова темница», — скользнула первая мысль. Однако за два года, проведенные в подвалах исмаилитской крепости он хорошо изучил гнилой подвальный запах тюрьмы. А здесь дышалось легко. И только один посторонний запах примешивался к свежей прохладе и соблазнительно щекотал ноздри. Это был ни с чем не сравнимый аромат жареного мяса. Монах вспомнил, что не ел два или три дня и окончательно пришел в себя.

Приподняв голову, он заметил неправильный овал входа, обозначенного красноватыми блестками, и догадался, что находится в пещере. Альбрехт Рох пополз на свет и, когда выбрался из пещеры, увидел звездное небо, окаймленное рельефным очертанием гор. Повсюду светились огни походных жаровен, вокруг которых, негромко переговариваясь, пировали монголы. Удивляли порядок и спокойствие, столь необычные для необузданных кочевников, без меры буйных и шумливых — особенно в минуты пиршества и дикого веселья.

Монголы, чинно рассевшись вокруг жаровен, без криков и гогота поедали жареное мясо, поочередно прикладываясь к большой деревянной миске, которую то и дело наполняли из бурдюка. В стороне у реки топтался почти невидимый табун стреноженных лошадей, и свободно разгуливали яки. Откуда взялся в безлюдном памирском ущелье монгольский отряд, ведал, должно быть, один только бог. Альбрехт Рох нащупал на груди серебряную пластинку — охранную посольскую грамотку, сорвал ее и смело шагнул к ближайшей жаровне. Он знал всего лишь несколько фраз по-монгольски, но решительный вид странного человека в изодранном длиннополом рубище и его крикливый петушиный голос подействовал на пирующих воинов так же, как действует лай внезапно вылетевшей из подворотни шавки на опешившего быка. Один из монголов опасливо взял протянутую пайцу и угодливо передал десятнику. Тот недоверчиво повертел посольский пропуск перед углями, хмуро поглядел на монаха, что-то скомандовал и исчез в темноте.

Не долго думая, Альбрехт Рох примостился к огню, схватил с решетки большой кусок конины и принялся жадно рвать зубами твердое, но сочное мясо. Остальные монголы перестали жевать и с удивлением наблюдали за монахом. Один из воинов

протянул ему миску с густым прохладным кумысом. Но не успел Альбрехт Рох, который постепенно начинал входить в роль королевского посла, допить и доест, как перед ним вынырнул запыхавшийся десятник и схватил монаха за ворот. Монгол что-то крикнул, подчиненные разом повскакали с мест, ринулись к жертве, подхватили под руки и, осыпая ударами и пинками, потащили вслед за бегущим вприпрыжку начальником.

Наконец побои прекратились, галдеж смолк, и Альбрехт Рох почувствовал, что его больше не держат. Перед ним ярко пылала небольшая жаровенка, от которой пахло не дымом и горелым мясом, а какими-то душистыми травами и благовониями, которые напомнили монаху знакомый с детства запах ладана. Подле жаровни па ворохе тюфяков, одеял и ковров восседал старый тучный монгол с толстой короткой шеей, редкой седой бородой, волосы на которой можно было пересчитать по пальцам, и глубоким давнишним шрамом через все лицо — след тангутской секиры или хорезмского клинка.

Судя по богатой одежде, отягченной дорогими мехами, судя по властному неподвижному взгляду и по презрительно оттопыренной нижней губе, судя по тому, как угодливо притихли жавшиеся в стороне монголы, — старый военачальник был важной персоной. Однако кем бы ни был этот самодовольный вельможа — Альбрехт Рох, избрав дерзкую наступательную тактику, решил действовать безбоязненно и нахально.

«Я — посланец французского короля, еду в ставку великого хана», — выпалил он две хорошо заученные монгольские фразы, сопровождая сказанное отчаянной жестикულიцией.

Вельможа даже не шевельнулся, только метнул на монаха недобрый колючий взгляд и прорычал в сторону несколько неразборчивых слов. И тотчас же из-за его плеча появился маленький щуплый человек в синем атласном халате. У него было желтое скуластое лицо и раскосые глаза, которые поминутно сужались в тонкие, едва заметные щелчки. Но это был не монгол.

Внешний облик монгола не спутать ни с чем: темное лицо, лоснящееся от жира и копоты, немывтое тело, от которого постоянно исходит запах прокисшей грязи и пота. Эту вонь не в силах заглушить никакая парча или меха, надеваемые поверх вшивого нижнего белья, которое менялось не раньше, чем само расплзется от жирного пота. Вот что являла собой основная масса непобедимого воинства Чингисхана, Батыя, Чагатая, Угедея и их преемников — нынешних, люто враждовавших ханов.

Не таков был маленький человек, который появился из-за спины монгольского сановника и теперь вплотную подошел к Альбрехту Рогу. Опрятное одеяние. Чисто вымытое лицо — свежее и здоровое; желтый цвет кожи скорее напоминал желтизну спелого налитого яблока. Жидкая, но тщательно расчесан-

ная борода. Жесткие и черные как смоль волосы аккуратно сплетены на затылке в тугую косичку.

Альбрехт Рох сразу решил, что человек с косичкой — китаец, один из многочисленных грамотных чиновников, которых, как пыль в поры, впитало разжиревшее тело монгольской империи, которая как и всякое государство не могла существовать без административного аппарата. Китаец — он был на голову ниже Альбрехта Роха — внимательно оглядел монаха и что-то спросил по-монгольски. Альбрехт Рох не понял ни слова. Тогда китаец повторил, по-видимому, тот же вопрос по-персидски. Снова произошла заминка. Стремясь не потерять контакта, монах быстро заговорил в ответ по-арабски, скороговоркой повторив, что он, дескать, посол, едет с поручением французского короля и просит не чинить ему препятствий. К удивлению пленника, китаец удовлетворенно кивнул головой и, хитро сощурив глаза, спросил на ломаном арабском языке:

«Не скажет ли королевский посол, что делает он так далеко от проезжих дорог без спутников и монгольской охраны?»

Альбрехт Рох, моментально смекнув, что теперь ему так просто не отделаться, и не таясь, но опуская, впрочем, самое главное, рассказал все как было: что почти два года провел в плену у персидских повстанцев и что после освобождения помог одному слепому старику добраться до дому, для чего ему и пришлось свернуть в сторону и заехать в эти безлюдные горы. Китаец довольно, точно кот от яркого солнца, зажмурил глаза, причмокнул губами так, что дрогнули кончики отвислых усов, похожих на вялые стрелки лука, и тихим вкрадчивым голосом промурлыкал:

«Не хочет ли королевский посол сказать, что он был гостем язычников, поклоняющихся огню, и, быть может, даже поднимался вверх по черной стене?»

«Да», — невозмутимо ответил Альбрехт Рох, не чувствуя подвоха и даже не задумываясь, откуда китайцу известно о черной стене и об убежище зороастрийцев.

Тут позади китайца раздалось грозное ворчание, он тотчас вернулся к монгольскому сановнику и присел возле постели. Они долго совещались — видимо, китаец излагал суровому военачальнику рассказ монаха. Хотя Альбрехт Рох мысленно уже окрестил китайского чиновника переводчиком, все же взаимоотношения монгола и толмача мало напоминали отношения хозяина и слуги. Китаец держался с хмурым сановником чуть ли не на равных, выказывая лишь минимальное почтение.

«Кто этот блистательный вельможа?» — обратился Альбрехт Рох к переводчику, когда тот окончил переговоры.

«Это заслуженный воин Бэйшэр, — с глубокомысленным выражением ответил китаец, — начальник личной сотни и доверенное лицо великой царицы Эргэнэ, — мы все ее подданные».

Имя Эргэнэ ничего не сказало монаху, а титул сотника откровенно разочаровал: старый монгол представлялся ему — если не темником, то наверняка тысяцким.

«Невелика птица, а какова спесь!» — подумал Альбрехт Рох и все же не поскупился на глубокий поклон.

Лицо сотника оставалось неподвижным, как маска бодисатвы, а китайский чиновник продолжил допрос:

«Не расскажет ли королевский посол более подробно, что видел он в пещере нечестивых огнепоклонников, которые отказываются подчиниться воле великого хана».

На сей раз от монаха не ускользнуло, что китайцу известно гораздо больше, чем следовало бы, поскольку сам Альбрехт Рох ни словом пока не обмолвился о пещере. И хотя он совершенно не понимал, какой целью руководствуются монголы, было очевидно, что конный отряд появился здесь, в безымянном горном ущелье неслучайно и неспроста. Впрочем, и скрывать Альбрехту Роху тоже было нечего.

«Не желал бы я тебе, мой господин, — ответил он со смирением, достойным члена ордена францисканцев, — увидеть то же, что и я».

«Нельзя ли без загадок», — поморщился китаец.

«Зато я говорю от чистого сердца, — обиделся монах, — ибо в крошечных глубинах земли я видел дьявола».

Китаец с сомнением поглядел на королевского посла и озадаченно почесал за ухом. От этого произвольного движения у него на груди распахнулся халат. И тут Альбрехт Рох похолодел от ужаса: на груди у китайца в серебряном отливе шитья скалилась омерзительная змеиная морда с угрожающе раздутыми ноздрями и кривыми, как серпы, зубами — точная копия лика сатаны, привидевшегося королевскому послу в водах подземного озера. Монах закрыл лицо руками, потом часто закрестился и забормотал: «Сгинь, сгинь, нечистая сила!» Он хотел бежать, но стоящие позади воины тотчас крепко схватили его за локти.

Никто не понимал, что произошло с долговязым послом, в которого точно вселился бес. Он визжал, брыкался и отбивался головой, как разъяренный бык, силясь освободиться от железной хватки стражников. Кончилось это тем, что сотник коротко рявкнул, отдавая распоряжение, и монаха так стукнули обухом боевого топорика, что он, даже не охнув, повалился на землю и очнулся спустя час или два, лежа лицом вниз на мокрой овечьей кошме со связанными за спиной руками.

Спутанная и вонючая шерсть лезла в рот, ноздри, глаза, но бедному посланцу французского короля было дурно и без этого смрадного животного запаха. Его сознание вновь затуманилось, и все смешалось — день, ночь, сон, явь. Перед глазами полыхало кроваво-красное пламя ада, а из обжигающих языков пламени появлялась то рогатая морда дьявола, то его тело,

точно латами покрытое серебряной чешуей, то извивающийся волосатый хвост.

В ушах стоял звон колоколов, хохот сатаны и богатырский храп спящих монголов. Всю ночь Альбрехт Рох падал в бездонную огненную пропасть, а его преследовало ужасное чудовище с разверзнутой пастью, в которой сверкали кривые и острые, как кинжалы, зубы. Монаха бросало в дрожь от жара и холода, пока он, наконец, не забылся в глубоком сне...

Утром его разбудили ударом сапога. Караван был готов к пути: кони оседланы, яки навьючены, воины в полном вооружении разбились на десятки. Мимо провели под уздцы приземистого лохмоногого коня, по-княжески украшенного дорогой расшитой попоной. Один монгол встал на четвереньки подле лошади, а двое других бережно подсадили в седло грузного сотника.

Старый воин грел руки в теплой муфте и внимательно следил, как неподалеку китайский чиновник суетится вокруг большого непонятного ящика, прикрытого грубой холстиной. С помощью двух солдат он продел сквозь кольцо на крышке ящика длинный бамбуковый шест и закрепили его веревками. Мешковина спала, и Альбрехт Рох с удивлением обнаружил, что ящик — это большая деревянная клетка, в которой прикованный короткой цепочкой сидел огромный темнобурый орел-бскрут. С достоинством, подобающим царю птиц, он, гордо вскинув голову, смотрел на людей немигающими желтыми глазами и слегка балансировал крыльями, когда бамбуковую жердь прикручивали к седлам двух, стоявших друг за другом лошадей.

Когда с клеткой было покончено, китаец подал знак, и сейчас же к нему поднесли небольшой, аккуратно завязанный сверток. В свертке что-то шевелилось и попискивало. Изумление Альбрехта Роха достигло предела, когда он сообразил, что это ребенок. Китайский чиновник склонился над свертком — довольная улыбка пробежала по его лицу. За спинами и халатами Альбрехт Рох не видел, что делает китаец с младенцем. И он никак не мог взять в толк, какое отношение может иметь грудное дитя к этой сотне грубых бессердечных конников.

Китаец собственными руками поместил живой сверток в заплочный мешок, обшитый мехом, за спиной у одного из воинов и только затем позволил, чтобы ему помогли сесть на коня. Раздалась отрывистая команда, и сотня вскочила на лошадей. Знакомый десятник ткнул Альбрехта Роха в бок и указал на оседланного яка, а, чтобы монах двигался побыстрей, изо всех сил огрел его плетью по спине и злобно выругался.

«Господин! — кинулся Альбрехт Рох к китайцу. — Прикажи, чтобы со мной обращались как подобает».

Но тот уже тронул коня и проехал вперед. Монгол, которого, по-видимому, приставили к монаху, поймал его за полы рясы и отшвырнул назад. Осыпаемый бранью и болезненными

тычками, Альбрехт Рох, более не прекословя и не сопротивляясь, вскарабкался в седло. За головным десятком потянулся весь караван. Впереди, растянувшись длинной цепью, двигалась основная часть воинов, обремененных на судьбу, которая загнала их в эти холодные горы, в эту предательскую теснину, где каждую минуту на голову готовы сорваться камни, где трудно дышать лошадям и людям и где глаза, привыкшие к необозримым просторам степей, наталкивались только на глухие отвесные стены да снеговые пики, недоступные, как облака.

Где-то в середине отряда ехали надменный сотник и китайский чиновник. Их коней, как и лошадей с клеткой, поочередно вели на поводу спешившиеся солдаты. Альбрехт Рох снова оказался в хвосте. Обоз из вьючных яков и лошадей, подгоняемый арьергардным десятком, тащил съестные припасы, мешки с древесным углем, бурдюки с кумысом, постели и корм для коней.

Менее всего Альбрехт Рох думал, куда и зачем его везут. Он размышлял совсем о другом. Видения и беды двух последних дней представлялись ему малыми звеньями одного общего испытания, ниспосланного небесным вседержителем. Поэтому монах сомневался, хватит ли его слабых сил выдержать до конца.

В непрерывной цепи невзгод и лишений, которые преследовали монаха с самого детства, он всегда искал утешение в мысли о своей избранности: испытания посылаются тому, о ком помнят и в кого верят. Исходя из такой позиции, было совершенно естественно предположить, что это вовсе не он, Альбрехт Рох, случайно оказался на пути карательного отряда, который рыскал по Памиру, а, напротив, сотня монгольских всадников специально примчалась в глухое горное ущелье с единственной целью — дополнить и усугубить испытания, выпавшие на долю монаха.

Весь вопрос — кем ниспосланы теперешние испытания. Еще совсем недавно он бы ни на минуту не усомнился в том, что за всем происшедшим скрывается воля божественного провидения. И тогда даже в самую страшную минуту он всегда бы сумел успокоить себя простой и абсурдной мыслью, которую бы подсказала нехитрая логика средневекового человека: коли бог послал испытание, так бог и не оставит в беде. Но события двух истекших дней поселили в душе Альбрехта Роха ужасные сомнения и поколебали его фанатичный оптимизм, ибо за внешней мишурой совершившегося он теперь отчетливо различал не скрытый божественный промысел, а злоеющие козни дьявола...

Караван уткнулся в водопад и стал, далеко растянувшись по ущелью ломаной пунктирной линией. Монголы спешились и, подавленные видом черной стены и грохотом ниспадающей

воды, нехотя поплелись к головному отряду. Предоставленный самому себе, Альбрехт Рох с недоумением наблюдал за монголами, совершенно не догадываясь, что же они замышляют. Сотня выстроилась вдоль глухой стены и замерла, точно на смотре. Только несколько человек во главе с китайцем суетились возле клетки с орлом.

Огромная птица, напуганная шумом, беспокойно вертела головой и поминутно открывала хищный клюв, но крика не было слышно. Подручные китайца бережно, словно стеклянный сосуд, поставили клетку на землю и откинули переднюю стенку. Один из воинов уверенно потянулся к орлу, и дрессированная птица тотчас скакнула на руку ловчего. Монгол с трудом выпрямился и попробовал подбросить орла, но тот крепко, точно в насест, вцепился когтями в руку воина и, выгнув шею, клацнул клювом.

Тогда несколько солдат бросились на помощь ловчему, они принялись махать руками, хлопать в ладоши и колотить оружием по латам. Орел метнулся от людей, взмахнул крыльями и плавно взлетел над головами, а вслед за птицей потянулась тонкая веревка, по всей длине усыпанная частыми бородавчатыми узлами.

Ритмично взмахивая крыльями, красавец-беркут все выше и выше взмывал над ущельем. Ему было трудно: веревка, привязанная к ноге мешала лететь и не давала отклониться в сторону. Вдруг птица дернулась — веревка, нижний конец которой был привязан к седлу лошади, натянулась, как тетива. Орел отчаянно замахал крыльями, но потом распластал их, плавно спарировал за гребень стены неподалеку от водопада и пропал из виду.

Теперь все взгляды обратились к китайцу. Он подошел к веревке, которая уползала вверх по стене, попробовал ее руками и взял у стоящего рядом монгола загадочный сверток с ребенком. Осторожно, словно ласковая мать, китаец распеленал меховое покрывало, и Альбрехт Рох с ужасом перекрестился, увидев уродливое нечеловеческое лицо. Монах совсем уже готов был принять искаженную гримасой рожу за очередное наваждение сатаны, но тут он, наконец, сообразил, что перед ним совсем не грудное дитя. Из мехового одеяла вылезла маленькая хвостатая обезьяна с подвижной смышленной мордочкой.

Обезьянка, дрожа от холода и страха, испуганно вцепилась всеми четырьмя лапками в одежду китайца, а тот гладил ее серую короткую шерстку, почесывал горлышко и совал в рот какие-то лакомства. Накормив маленькое существо, чье присутствие так не вязалось со снежными зубцами пиков и промозглым сквозняком ущелья, — китаец поднес обезьянку к веревке. Быстро перебирая лапками, по бугорчатым узлам, она полезла вверх, а за ней, как за орлом, потянулся тонкий, едва приметный шнур, привязанный к ошейнику.

Альбрехт Рох, как замороженный, следил за каждым движением животного, стараясь разгадать коварный замысел монголов. Обезьянка благополучно добралась до края пропасти и уселась там, как на карнизе. И тут все прояснилось. Устроившись на карнизе, обезьяна ловкими заученными движениями стала тянуть тонкий шелковый шнур, за конец которого была прицеплена легкая веревочная лестница. Это казалось почти невероятным, но лесенка, точно змея, ползла и ползла к вершине пропасти. Как только первая ступенька очутилась в лапах обезьяны, та сразу исчезла из виду.

Все замерли в ожидании. Наконец по прошествии нескольких минут китаец осторожно тронул лестницу — ступеньки не поддались. Он потянул сильнее — результат тот же. Тогда китаец махнул рукой, и один из воинов ухватился обеими руками за веревки, дернул что было мочи и, удостоверившись, что опасаться нечего, поднялся на несколько ступеней.

Путь наверх был открыт. Никто не помешал вероломному трюку, и теперь монголы по одному карабкались к вершине черной стены. Как только трое добрались до цели, в ход был пущен подъемный механизм, и плетевая корзина безостановочно засновала то вверх, то вниз. Китаец поднялся одним из первых. Когда на дне ущелья остался с десятков воинов, к корзине под руки подвели грузного сотника. Старый монгол оглянулся и плетью указал на Альбрехта Роха. Не дожидаясь пинка, монах молча повиновался и перелез через борт корзины. Ременный короб напрягся, качнулся и медленно оторвался от земли.

Монголы наверху, как стадо баранов, сбились в огромную кучу и ждали дальнейших распоряжений. Поодаль на обломке гранита величественно и гордо, точно с осознанием своей заслуги, сидел неподвижный орел. У подъемного колеса, под ногами у равнодушных яков корчилась и верещала замерзшая обезьяна, которая ухитрилась зацепить лестницу за металлический крюк на подъемном механизме. Животные сделали свое удивительное дело — более в них не нуждались.

Бородатых огнепоклонников нигде не было видно. Мрачный предводитель монголов недобро взглянул на монаха и что-то сказал китайцу. Низенький толмач подошел к Альбрехту Роху и с хитрой усмешкой сказал:

«Непобедимый Бэйшэр просил передать королевскому послу, что он мог бы велеть своим воинам постепенно отрезать у тебя куски мяса и до тех пор скормливать их голодному орлу, пока ты не пожелаешь показать нам путь. Но, к сожалению, отряд не располагает временем для такого развлечения, поэтому искренне надеюсь, что ты по доброй воле скажешь, куда нужно идти».

Монаху поневоле пришлось сыграть роль предателя. Получив приказ, монголы гурьбой бросились вперед. Непривыкшие

к пешей ходьбе, они продвигались не слишком быстро. В хвосте, поддерживаемый слугами, ковылял их жестокий начальник. Альбрехт Рох держался поближе к китайцу и с отвращением думал, что произойдет, когда эта свора безжалостных убийц достигнет пещеры.

Да, монах слишком хорошо знал, что представляли собой эти жадные, коварные и неслышанно жестокие варвары, жалкие и трусливые в одиночку, но ужасные и беспощадные, когда, собранные в орду, они налетали на избранную жертву, все вытаптывая и выжигая на своем кровавом пути. Ни одна из поверженных стран — Корея и Китай, Персия и Хорезм, Армения и Русь — не знала в своей истории более страшных завоевателей.

Конечно, насилие — главный закон войны. В бою пет добрых солдат, и победитель редко бывает великодушным. Альбрехт Рох не мог назвать таких войн, где бы не было крови, грабежей и надругательств. Жгли, убивали, насиловали все — гунны и мавры, персы и арабы, франки и германцы. Но ни разу еще ни Запад, ни Восток не видели столько напрасных смертей, напрасных мук и страданий, напрасных слез и напрасного горя, как во времена монгольского ига.

Последний рывок — и монгольский отряд вышел на берег озера. Воины приготовили луки, на ходу выстраиваясь полумесяцем. Сейчас начнется привычная работа: засыпят все стрелами, оставшихся в живых добьют топорами и кривыми татарскими саблями. Но возле циклопической пещеры не было ни души — только сноп голубого огня, да на склонах гор — овцы и яки. Монголы замедлили бег. Китаец и сотник, отойдя в сторону, о чем-то совещались. Наконец грозный военачальник, подозвав десятников, отдал распоряжение. Сотня разделилась, большая часть ее направилась к пещере, остальные расположились у входа. Маленький китаец и хмурый сатрап остались на склоне, с возвышения наблюдая за действиями солдат. Альбрехт Рох тоже не стал приближаться к пещере.

Чем ближе был трепетный столб синеватого пламени, тем неуверенней становились движения монгольских воинов. Но ослушаться никто не смел, даже если бы им приказали прыгать в огонь. Железный закон Чингисхана: за одного труса казнят весь десяток, за дрогнувший десяток в ответе целая сотня. Отсюда необыкновенная дисциплина монгольских орд, которая удивляла весь свет, в особенности вождей разболтанного крестоносного рыцарства. Спиной прижимаясь к стене, держа наготове оружие и факелы, монголы по одному проскакивали в пещеру, словно тая в пламени гигантского костра.

Альбрехт Рох наслаждался тишиной и покоем, временно освобожденный от того щемящего чувства страха, который испытывает человек, окруженный сворой одичалых собак. Монах хорошо представлял масштабы пещеры и знал, что дьяволь-

ский лабиринт надежно укроет суровых стражей огня. Монгольские ищейки не скоро найдут заповедный лаз к тайнику, а когда отыщут — вряд ли что смогут сделать в узком коридоре, где два-три человека способны выдержать натиск целой тысячи.

Внезапно горы содругнулись от грозного рокота, как будто неведомая сила пробудилась в глубоких недрах земли и стремится вырваться на поверхность. Раздалось хриплое угрожающее шипение, и Альбрехт Рох с ужасом увидел, как из огромной пещеры, заливая огонь, брызнул мутный поток воды, окутанный густым облаком пара. Он пенился, клокотал, разливался, на глазах превращаясь в могучую неуправляемую реку, которая лавой сметая на пути людей, камни, растительность и все, что можно смыть, ворвалась в спокойные воды озера...

* * *

Я не слышал, как сзади тихо подошел Керн, и вздрогнул от того, что тень его упала на раскрытую книгу.

— Ну как? — спросил он и просмотрел страницу, где остановился мой палец.

— До Главного пока не добрался, — спохватился я.

Чтение так увлекло меня, что я забыл и о Главном и обо всем остальном, и теперь сконфуженно смотрел на Керна. Не знаю, что он прочел в моих глазах, но сосредоточенность на его лице сменилась иронической улыбкой, и он как-то полушутливо сказал:

— Главное? Главное для нас сейчас — как побыстрее добраться до Памира.

От неожиданности я чуть не выронил книгу.

— А что? — как ни в чем не бывало продолжал Керн. — Разве для экспедиции есть серьезные помехи?

— Никаких, конечно, кроме самой экспедиции, — попытался я подстроиться под его, как мне казалось, шутливый тон. Керн не понял.

— Ждать только долго, — объяснил я, — пока всем докажешь, пока разрешат, пока дадут деньги, пока соберешь экспедицию... Года три — не меньше.

— Пустое все это, — поморщился Керн.

— Пустое, да неизбежное.

— Можно поехать вдвоем, — без тени шутки предложил Керн.

— Вы что — серьезно? — вытаращил я глаза.

— Вполне, — невозмутимо ответил он. — Вы ведь уже дошли до водопада.

— Но я-то ездил с экспедицией! Пусть с небольшой, но у нас было все — рабочие, запасы, лошади. Продукты, впрочем,

все остались на месте. Ну, а как без помощников? Это ведь — Памир! Вы представляете, что такое Памир?

— Приблизительно. Альбрехт Рох, кажется, неплохо все описал, — в голосе Керна опять зазвучали веселые нотки.

— Да, погодите же вы, Керн, — вспыхнул я. — Даже если мы и доберемся до водопада...

— А вы согласны?

— Разве обо мне речь?

— Но ведь, и не обо мне.

— В конце концов вы вдвое старше, — произнес я не слишком уверенно, в мыслях сравнивая собственную щуплую фигуру с мощным торсом Керна.

— Только-то и препятствий? — с откровенной издевкой спросил он.

— А черная стена? Да вы представляете, что это такое?!

— Как же — читал.

— Тогда каким, позвольте узнать, способом намереваетесь вы подняться наверх? Штурмовать в лоб? Но в таком случае придется тащить к водопаду трехпудовые рюкзаки со стальными клиньями. А где взять лошадей? И сколько, прикиньте, займет времени — вбивать стальные гвозди в гранитный монолит. Для двоих — это работа на месяц, а то и два. Или вы решили отыскать обходной путь к пещере? Но это значит до конца лета вслепую рыскать по ледникам и перевалам на такой высоте, где человек не выдержит и суток. Так что же вы предлагаете? Ученого орла и дрессированной обезьяны, насколько можно судить, у вас нет?

Керн выслушал этот бурный монолог примерно с таким же выражением, с каким усталый учитель слушает докучливого подростка, и когда исчерпался весь запас моих аргументов, он спросил насмешливо:

— Все?

— Все! — отрезал я.

— Тогда пойдете, — спокойно произнес он и взял меня за рукав.

Мы спустились в подземный бункер, миновали подсобное помещение и снова оказались в комнате, до потолка заставленной ящиками и сундуками. Керн порылся в темном углу, достал из настенного шкафа свечи, зажег одну, затем другую, третью и так — с десяток, расставляя их вокруг на разной высоте.

Под ногами скрипело колотое стекло. Керн принялся вскрывать какие-то ящики, не роясь в них и быстро переходя от одного к другому.

— Вы что ищете? — спросил я, взвешивая на ладони густо смазанный новенький пистолет.

Керн не ответил. Он полез через ящики и там заморгал фонарем и тяжело заерзал отодвигаемыми вещами. Что-то упало,

что-то посыпалось, что-то зазвенело. Наконец, он вынырнул из темноты и протянул мне сверток в брезентовом чехле, а сам загромыхал по полу тяжелым деревянным чемоданом.

Мы покинули склад и перешли в соседнее помещение. Керн явно не торопился на свежий воздух. Он поставил невзрачный — то ли засаленный, то ли провощенный — ящик на стол и открыл замки. Я ожидал увидеть что-нибудь необычное, но в дощатом чемодане оказался небольшой металлический баллон, окрашенный голубой краской, похожий на те, какими пользуются аквалангисты — с винтом и шлангом. Мой спутник соединил наконечник шланга с невидимым пазом в брезентовом мешке, ловко скинул чехол и отвернул винт на баллоне. Раздалось шипение, и прямо над столом начал быстро раздуваться воздушный шар в легкой мелкоячеистой сетке.

Через минуту шар заполнил почти все пространство между столом и потолком. Керн ухватился за лямки, свисавшие сбоку, подтянул шар к себе и вдруг проворно, с акробатической ловкостью продел ноги в одну из лямок и, крепко зажав руками другую, повис, вытянувшись в струнку, над самым полом. Шар покачулся, метнулся в сторону, но от потолка не оторвался, надежно удерживая висящего человека. Керн повисел, раскачиваясь, точно в гамаке, затем вылез из лямок и отпихнул шар; тот, как калоша, зашаркав по потолку, отлетел в сторону.

Шланг, соединявший шар с баллоном, выпал, и газ начал с жалобным свистом выходить из оболочki. Растянутая поверхность сморщилась, опала и медленно, как бы нехотя опустилась на пол, где вскоре превратилась в бесформенное, скомканное покрывало. Керн завинтил кран на баллоне, захлопнул крышку ящика и отряхнул руки.

— Во время войны, — сказал он, — по ночам, когда позволял ветер, на таких штучках через линию фронта перелетали диверсанты. Приспособление — не ахти какое, но ничего — сходило. Думаю, что с помощью такого шарика можно взлететь хоть на Эйфелеву башню, хоть на Останкинскую — не то что на вашу черную стену. Единственное неудобство — баллоны с жидким водородом. Тащить их на спине, да еще по горам, конечно, не слишком весело. И все же пронести можно. Это я беру на себя. Ну, а остальное уж вам, — хитровато подмигнул он мне. — Итак? Согласны?

Я смущенно молчал.

ЧАСТЬ 2

Глава I

ЧАГАТАЙСКАЯ ВОЛЧИЦА

С гладкой выветренной седловины перевала, минуя осыпи и зубья скал, наискось вниз уходила тропа, протоптанная горными баранами. Далеко под ногами чуть видимой нитью, продетой сквозь бесцветные линялые берега, виляла река, вырвавшаяся из теснины ущелья. На перевале ветер сбивал с ног, его резкие упругие порывы перехватывали дыхание, а сверху зло обжигало нещадное горное солнце. Захлебываясь от ветра, высоты и напряжения, я почти на четвереньках выкарабкался на гребень.

Керн сделал немислимый рывок в гору. Я выжимал остатки сил, чтобы не отстать, и еле выдержал до конца. Еще сотня шагов — и мне пришлось бы худо. В начале лета, когда мы с Боярским охотились за призрачными неандертальцами, чтобы преодолеть этот перевал, понадобился целый день, не считая почевки перед восхождением. А сегодня, еще до полудня сойдя с попутной машины, Керн сразу пошел на штурм.

Не слишком крутая тропа, уже однажды пройденная мной туда и обратно, не сулила непредвиденных опасностей, но Керн взял на подъеме такой темп, что через час у меня подкашивались ноги и дрожала каждая мышца. Только сознание, что впереди спокойно идет человек, чуть ли не вдвое старший, заставляло меня упрямо и безропотно лезть следом, с трудом укладываясь в его широкий, размеренный, чуть пружинящий шаг.

Тропа, покрытая темным сырым снегом, проскользнула между верхней границей громадной осыпи, замершей в обманчивой неподвижности, и изломами скал, которые громоздились над скользкими карнизами — самый опасный участок, ежеминутно грозящий обвалом и камнепадом. До захода солнца мы успели спуститься к реке и, освободив плечи от свинцовой поклажи, тотчас же бросились к редким клочкам кустарника, разбросанным по отлогому склону, чтобы засветло насобирать хворосту и сухих корневищ хоть на какой-нибудь костерчик.

Наконец-то я смог утолить жажду, которая мучала меня с самого перевала. Мы начали восхождение с двумя полными флягами, и почти все выпил я — Керн только пригубил пару раз. Пить в горах во время движения вредно и бесполезно: много воды не утоляет жажду, а, напротив, усиливает ее. Я знал это прекрасно и все же осушил обе фляжки. Выпил бы, может, еще — да брать больше было невозможно. И без того нагрузились, как верблюды.

Мой заплечный мешок, набитый и раздутый до отказа, напоминал выучный тюк. Я нес сложенный воздушный шар, спальные мешки, продукты на три дня и несколько мотков свернутых лестниц из прочных капроновых нитей. Керн тащил часть припасов, разные мелочи и самое тяжелое — баллон с жидким водородом, умело уложенный в мешок. Его рюкзак выглядел вдвое меньше моего, зато весил столько же. От палатки отказались. Керн предлагал не брать и спальных мешков, но я настоял категорически, прекрасно представляя, что значит провести неделю, а то и две среди вечных ледников, когда на десятки километров вокруг может не найтись ни одной хворостинки для костра.

Из продуктов взяли что полегче — сухари, концентраты, немного сахара, да соль. В остальном рассчитывали на два ящика консервов, которые мы с Боярским бросили на месте злополучных раскопок. Помимо того, Керн прихватил большую жестяную коробку с индийским чаем и чуть ли не все принадлежности для чаепития. В бункере мы отыскивали по теплой десантной куртке, от которых пахло затхлой овчиной, и по грубому шерстяному свитеру. Ножи, топор, фонари — вот и все, что нашлось еще полезного в подземном складе.

Все дальнейшие события разворачивались слаженно и четко, как будто заранее отрепетированные. В тот день нам пришлось заночевать в лесу неподалеку от пригорка, где семьсот лет назад францисканский монах Альбрехт Рох поставил скит и до конца жизни в полном одиночестве замаливал никому неведомые грехи. Керн сразу уснул, расстелив на траве матрацы, отысканные в неисчерпаемом складе. А я долго еще сидел на теплой земле под невидимыми вековыми соснами и слушал, как над головой тихо шепчутся пушистые кроны, плавно кружась в медленном ритме сказочного лесного танца. И в шорохах ночного леса чудился мне таинственный голос истории.

Едва рассвело, как старенький помятый лимузин мчал нас обратно к Москве. Два дня ушло на то, чтобы оформить отпуск, снарядиться и купить билеты. Рейсовый самолет доставил нас в Душанбе, оттуда — в Хорог, а потом попутный «газик» еще двое суток тащил нас по памирскому тракту. Что ждало нас там, за горизонтом, в глухом безымянном ущелье, за гребнем черной неприступной стены? Озеро, скованное льдом? Мертвая пещера, затопленная огнепоклонниками? Уничтоженный тайник? Мы были готовы ко всему. И все же верили, что идем не зря.

Потому что там была Тайна. Великая и абсурдная, прекрасная и жуткая. Слишком невероятная, чтобы верить в ее реальность. Слишком великая, чтобы памирские огнепоклонники позволили прикоснуться к ней кому бы то ни было. И все-таки — слишком замечательная, чтобы вот так просто погибнуть и исчезнуть навсегда. И это она — великая и сказочная

тайна — звала нас в звенящие ледники Памира. Тайна, о которой с протокольной бесстрастностью средневекового хрониста поведаль францисканский монах Альбрехт Рох.

Осознавал ли неудачливый посланник Людовика Святого подлинный смысл удивительной истории, урывками и с недомолвками рассказанной человеком, с которым связала Альбрехта Роха дальнейшая судьба? Несомненно осознавал. Однако преломленная сквозь призму ограниченного религиозного мировоззрения, история эта была призвана в конечном итоге засвидетельствовать чистосердечность раскаяния...

* * *

...Не чуя пог, Альбрехт Рох бежал прочь от страшной пещеры. Земля дрожала. Грозный рокот, точно шум морского прибоя, разносился далеко по горам. И казалось, вот-вот достигнет задыхающегося беглеца неукротимый поток воды, который хлестал из разверзнутого зева мстящей земли. Подгоняемый животным страхом, монах с ужасом оглянулся. Но его настигала не разгневанная вода. В ста шагах сзади, обрывая о камни длинные полы халатов, бежали сотник-монгол и маленький китайский чиновник.

Долго, нескончаемо долго продолжалось паническое бегство. Можно было удивиться, откуда взялась сила у трех старых людей. Но откуда берется сила у дряхлых оленей, которые, спасаясь от наводнения или лесного пожара, точно молодые, мчатся вперед? Колченогая фигура грузного сотника выглядела, пожалуй, нелепее всего в этой трагикомической гонке, однако старый монгол достиг водопада одновременно со всеми. Здесь, возле подъемного механизма, все трое наконец остановились, долго не могли отдышаться, глотая бескровными губами разреженный воздух и, как обессиленные в драке волки, пожирая друг друга ненавидящими глазами.

Первым опомнился сотник. Он неожиданно выхватил из ножен саблю и, визгливо выкрикивая монгольские слова, двинулся на Альбрехта Роха. Монах попытался от острого кривого клинка, не понимая, чем вызвана беспричинная и необузданная ярость. Но сотника опередил китаец и, цепко ухватив перепуганного францисканца за рукав, объяснил без криков и ругани:

«Он хочет, чтобы ты спустил нас в корзине. Но я не могу доверить тебе жизнь приближенного великой царицы Эргэнэ. Поэтому сам помогу спуститься ему в ущелье».

Видимо, то же самое он сказал и монголу, потому что разъяренный, как вепрь, сотник, в последний раз сверкнув налитыми кровью глазами, без пререканий бросился к плетеной корзине, а маленький китаец ухватил ближайшего яка за кольцо, продетое сквозь ноздри, и пустил громоздкий подъемник.

Голова сотника с надвинутой по самые брови лисьей трехухой шапкой медленно исчезла за краем пропасти. Но не успело подъемное колесо сделать поворот, как китаец остановил быков. Поначалу Альбрехт Рох не понял, что замыслил этот маленький человечек, чьи щуплые плечи и худое костлявое тело не мог скрыть даже широкий утепленный халат. А китаец спокойно присел на корточки, достал из-за пояса узкий длинный кинжал и принялся с невозмутимым видом перерезать толстый — чуть ли не с руку шириной — канат, связывающий барабан подъемника и ременную корзину, в которой теперь, как в ловушке, болтался над пропастью монгольский сотник.

Кинжал с трудом брал скрученный и просаленный ворс, но китаец делал свое страшное дело не торопясь, будто бы даже нехотя, словно выполняя обыденную скучную работу. Ритмичными движениями и без особых усилий он, точно пилой, перепиливал тугой толстый канат и, когда наконец перерезанный конец веревки, словно оборванная тетива лука, молниеносно мелкнул над краем пропасти, китаец даже не посмотрел в ту сторону.

Оставался единственный путь отступления — веревочная лестница, столь хитроумным и изобретательным способом доставленная наверх. Китаец первым спустился по этому зыбкому, но надежному мосточку, идея которого родилась в его собственной голове. Вторым спустился Альбрехт Рох.

Оседланные кони и навьюченные яки разбрелись без примотра по всему ущелью. Маленький китаец неподвижно сидел на камне близ странной площадки, испещренной непонятными треугольными знаками. Монах подошел, и на него глянуло простое человеческое лицо. Спокойное выражение, пронизательный взгляд, и только в глубине узких прищуренных глаз светилась затаенная скорбь...

Куман — так звали китайца — не был чиновником или переводчиком, как предполагал Альбрехт Рох. Он не был даже китайцем в собственном смысле этого слова. Куман был каракитаем, представителем народа, который по языку и происхождению не имел ничего общего с исконными китайцами, хотя именно от самоназвания каракитаев перешло в русский язык через монголо-татар наименование страны — Китай. Собственно китайцы, издревле жившие в районе великих рек Янцзы и Хуанхэ, называют себя **ханьжень** (люди Хань) или **чжунгожень** (люди Срединного государства). Каракитаи были для ханьцев пришлым чужезычным народом, происхождение которого терялось во тьме веков.

Долгое время каракитайские племена кочевали на территории современной Маньчжурии, изредка беспокоя набегами южных соседей. Но в X веке, подчинив все местные народы, каракитаи образовали государство Ляо — самую сильную и могучую державу во всей Северо-Восточной Азии. Став силь-

пыми, каракитаи обрели уверенность и наглость. В них пробудился звериный аппетит, присущий всем захватчикам, и, смело перейдя великую китайскую стену, которая до тех пор отрезвляюще действовала на всех кочевников, начиная с гуинов,— каракитаи начали планомерное наступление на китайскую империю Сун, одновременно предпринимая серию опустошительных набегов на Корею.

Сметая императорские полки, каракитаи в короткое время завладели огромной территорией и вышли на берега Янцзы. Над китайской империей нависла угроза полного разгрома. С огромным трудом императору удалось задобрить алчных кочевников и заключить с ними мир на кабальных условиях. К ставкам каракитайских ханов нескончаемым потоком потянулись тяжелые обозы с данью — драгоценностями, серебром и лучшими сортами китайского шелка. Богатство и довольство, сытость и покой, раболепие и славословие притупили бдительность каракитайских владык. Вновь окрепшая Сунская империя сумела договориться с сильными племенами чжурчженей и, внезапно ударив по каракитаям, сбросила иго непавистых порабощенных.

Разгромленные остатки каракитаев во главе с гурханом Елуй Даша бежали далеко на запад. Совершив бросок через Центральную Азию, они остановились на территории между Иртышом и Аму-Дарьей и основали здесь спустя некоторое время государство Каракитаев. Однако на сей раз под власть каракитаев попали тюркские племена, которые не имели сказочных богатств китайских императоров. Но тем тяжелее оказался гнет, который лег на плечи народов, населявших Туркестан. Изведав позор поражения, бывшие властители Восточной Азии с остервенением цепного пса, которого крепко пбили палкой, набросились на местное население, присваивая и отбирая все, что только можно.

Еще в пору господства над Сунской империей каракитаи приобщились к культуре своих данников. У китайцев были переняты одежда, прическа, иероглифическое письмо, усвоены обычаи и традиции. И все же каракитаи не ассимилировали полностью. Они остались другим народом с собственным языком и психологией кочевников. Государство каракитайских гурханов на территории Средней Азии оказалось недолговечным. Рыхлое, пестроязычное, со слабой центральной властью, опиравшейся главным образом на силу кнута, оно просто дождалось более сильного господина, который бы мог без труда прибрать к рукам этот непрочный конгломерат племен и народов.

И хозяин вскоре нашелся. Владение каракитаев оказалось по существу единственным государством, которое без боя сдавалось на милость наступающих орд Чингисхана. Монголы не погнушались услугами добровольных рабов. И не было у мон-

гольских ханов, нойонов и нукеров более преданных и более исполнительных прислужников, чем каракитаи, из среды которых вербовались чиновники, писцы, казначеи, толмачи, лекари, гадалки и толкователи слов.

Незадолго до смерти Чингисхан подарил земли бывшего государства каракитаев своему второму сыну Чагатаю, прибавив ко вновь образованному улусу опустошенные области Самарканда и Бухары. В то время, как младшие братья Угедей и Толуй завоевывали Северный Китай, а заносчивый племянник Батый, сын умершего Джучи, топтал и жег русские княжества, — Чагатай спокойно кочевал в долине реки Или, проводя жизнь в нескончаемых пирах, охотах и любовных утех.

Но умер Чагатай, лишь на несколько месяцев пережив великого хана Угедея, и пришла кровавая распря в удел второго сына Чингисова. Как голодные волки, набросились многочисленные дети и внуки на жирный кусок Чагатайского улуса. На время власть оказалась у сына умершего хана — безвольного пьянчуги Есу, который до такой степени пристрастился к вину и наложницам, что все нити правления вскоре сосредоточились в руках его старшей жены. Но вот ветер дунул в другую сторону. Поддержанный Батыем и вновь избранным великим ханом Мункэ — в улус ворвался внук Чагатая Хара-Хулагу. На глазах петрезового, но твердо сидящего в седле Есу его старшая жена, обвиненная в самоуправстве и прелюбодеянии, была растоптана копытами лошадей.

Заклятие смерти дамокловым мечом повисло над улусом Чагатая. Не успел Хара-Хулагу добраться до ставки, как умер в страшных мучениях, скорее всего от зелья, подмешанного в кумыс. Смещенный Есу отправился на суд Батые и, выданный Эргэнз, вдове отравленного Хара-Хулагу, был по ее приказу немедленно утоплен в мешке.

По стране прокатилась волна варварских казней и тайных убийств. Но после полосы кровавого террора, когда победители насытились местью, наступило относительное затишье. Во главе улуса встала Эргэнз — твердая, властная и непреклонная монголка, мать многочисленных детей, из которых выжило меньше половины, и вдохновительница бесчисленного числа дворцовых заговоров и интриг. Тучная, широкобедрая, с плоским скуластым лицом и приплюснутым носом — идеал монгольской красавицы, — одинаково хорошо чувствовавшая себя и в трудном походе, и в стремительной травле зверя, и в тиши домашнего очага — властолюбивая правительница Эргэнз сумела в течение десяти лет держать в крепкой узде строптивых монгольских вельмож и пойонов. Конная сотня, которая нашла столь скорый и бесславный конец среди ледников Памира, принадлежала к личной гвардии своеправной и коварной царицы Эргэнз...

Куман, маленький задумчивый каракитай, был в сущности таким же пленником, как и Альбрехт Рох. Нет, он не выслушивал в орде ни чинов, ни званий, не стяжал призрачной славы, непостоянной и обманчивой как обещания монгольских вельмож, и не пускал пыль в глаза невежественным степным богдыханам, которые легко и охотно клевали на крючок мнимой китайской учености.

Слава всевышнему, не привелось Куману ворожить и врачевать при дворах всемогущих монгольских владык, как мухи, мерших друг за другом от необузданного обжорства, пьянства и разгула. Потому что первые головы, которые летели после смерти каждого, в ком текла хоть капля крови великого Чингисхана, были головы заклинателей, шаманов, знахарей и знаменитых заморских лекарей, не сумевших сберечь драгоценную жизнь очередного владыки. Но мирная и спокойная жизнь Кумана, бедного манихейского проповедника, одного из последних хранителей учения и заветов легендарного пророка Мани,— окончилась самым неожиданным и плачевным образом.

Каждую весну, как только сходил снег и пробуждалась степь, Куман оставлял зимовье и отправлялся по кочевьям и селам долины реки Или. Семиречье — не в пример сожженному до тла Хорезму или стертому с лица земли государству тангутов — было пощажено монголами: города не уничтожены, население не истреблено, скотина не угнана — и все же повсюду чувствовались оскудение, упадок, застой. Бедняки с полным равнодушием внимали проповедям Кумана. И хотя, казалось, слова манихея о неодолимости зла и тьмы должны были палить отзвук в сердцах рабов, задавленных чужеземным ярмом,— но люди по-просту не видели, чем может облегчить их участь учение Мани, о котором так страстно говорил хлипкий желтолицый каракитай.

Куман и сам прекрасно понимал, что манихейству, которое на протяжении нескольких веков успешно конкурировало в Азии с конфуцианством, буддизмом и исламом, не выжить. Монгольское нашествие смешало народы, смело целые государства, перекроило земли, и на перепаханном поле не всходили более семена учения Мани. Самого Кумана слушали и терпели только потому, что знали давно — и прежде всего не как проповедника, а как странствующего мудреца, который владел врачебным искусством и слыл знатоком древней китайской медицины. Это и сгубило Кумана. Его схватили под вечер, и десять монгольских всадников всю ночь гнали копей через степь, унося на север привязанного к седлу каракитай.

Точно пузыри на болотной топи, проступили из низкого утреннего тумана очертания юрт монгольского стада. Возле островерхого цветастого шатра с тяжелым ковровым пологом

гонцы спешили. Кумапа протащили между двух очистительных костров и втокнули в шатер.

В слабом свете чадивших светильников среди смятых пуховиков, жарких меховых одеял и расшитых золотом подушек каракитай увидел Эргэнэ. Пышногрудая заспанная ханша, только что поднятая ото сна, не удосужилась даже одеться. Толстое мясистое тело и большой округлый, как у китайского божка, живот бесстыдно выпирали из распахнутого золототканого халата. Грубое лицо и оголенные руки лоснились, точно смазанные рыбьим жиром. Жидкие распущенные волосы покрывала тибетейка, сплошь усеянная крупными отборными жемчужинами. Нахмуренные подбритые брови и властный тяжелый взгляд, устремленный поверх головы коленопреклоненного каракитая.

«Там,— Эргэнэ неопределенно махнула рукой,— умирает хан Хара-Хулагу. Мой муж,— прибавила она, помолчав, и безжалостно заключила.— Если он умрет, ты подохнешь, как последняя собака; если выздоровеет — получишь все, чего ни пожелаешь».

Пятясь и не поднимая глаз, Куман выбрался из шатра. Юрта умирающего находилась в самом центре стана. Огромное пустое пространство, очищенное от людей и кибиток, окружали воины в полном боевом облачении: по установленному обычаю никто, кроме врачей и слуг, не смел входить в покои больного или умирающего, чтобы не проникли в дом злые духи не помешали выздоровлению.

В преддверии ханской юрты в скорбном молчании застыли фигуры четырех прислужников. Куман спокойно прошел в запретную половину, где на барсовых и тигровых шкурах корчился отравленный Хара-Хулагу. Умирающий хан метался в беспамятстве. Он тяжело дышал, громко стонал и скрежетал зубами, изредка вздрагивая в предсмертных конвульсиях. Изодранная в клочья рубаха едва прикрывала в кровь исцарапанную грудь и шею. Безумный взгляд и зловещие багровые пятна на искаженном от боли лице красноречиво свидетельствовали о том, что врач здесь совершенно бесполезен. Куман дождался последнего сдавленного хрипа, закрыл выпученные остекленные глаза и покинул дом мертвого, за которым через несколько часов (а может, даже и минут) он неизбежно должен был теперь последовать в царство смерти.

Куман шел медленно, обдумывая, что скажет царице. Расстояние между ним и теми, кому нес он скорбную весть, неумолимо сокращалось. Впереди свиты на стройном арабском жеребце грузно восседала надменная Эргэнэ. Насупленная, затянутая в дорожные парчевые одежды, в собольей остроконечной шапке с султаном из павлиньих перьев — царица издала походила на хищную нахохленную птицу. Куман смело прошел сквозь строй

стражников и телохранителей и остановился прямо перед мордой царского жеребца.

«Великая госпожа,— произнес он твердым голосом,— можно вернуть утраченную молодость, можно предотвратить наступление старости, можно отвести разящий удар смерти, но требуется одно условие: это необходимо сделать во-время. Мертвого воскресить нельзя. Ты призвала меня слишком поздно. Смерть опередила твою волю. Хан Хара-Хулагу, твой великий супруг — мертв».

Эргэнэ впилась пронзительным взглядом в лицо каракитая. Казалось, она раздумывала, как лучше расправиться с черным вестником: убить ли самой или отдать палачам. Толстыми короткими пальцами, сплошь униженными драгоценными перстнями она цепко ухватила Кумана за жидкую бородашку, притянула к себе и с неожиданной силой отшвырнула прочь так, что щуплый каракитай полетел навзничь под ноги лошадей. А царица, как будто до нее только теперь дошел смысл происшедшего, вдруг истошно взвизгнула и, завопив пронзительным голосом, погнала коня к юрте умершего мужа.

Куман ни на минуту не сомневался, что его казнят. Вопрос только, когда это произойдет — немедленно или немного погодя. Но прошел день, наступил вечер, а связанный каракитай по-прежнему сидел на земле, прикованный цепью к коновязи, в окружении приставленных стражников. Он переспал ночь, и еще день прошел в ожидании палача, но никто не являлся.

Монголы были заняты погребением хана. Куман хорошо знал обряд кочевников. Где-нибудь далеко в степи тайно выкопают огромную яму, положат туда тело усопшего, облаченное в богатые одежды, опустят в яму любимого ханского коня, несколько слуг и наложниц, оставят рядом груды драгоценностей, боевое оружие, золотые миски с кумысом и мясным варевом, засыпят все это землей, заложат дерном и для пущей торжественности забьют на месте захоронения сотню-другую молодых невольников.

Куман ждал окончания трагедии. И, действительно, о нем вспомнили, как только жизнь в монгольской ставке вошла в привычное русло. Он был уверен, что идет на казнь, но стражники потащили его к знакомому цветастому шатру вдовы умершего хана. Эргэнэ, облаченная в царские одежды, увешанная тяжелыми ожерельями из кроваво-красных рубинов, величественно восседала на низком золоченом троне. Она была одна. Кивком головы царица отпустила стражу и, обращаясь к каракитаю, сказала:

«Ты говорил, что можешь вернуть утраченную молодость и предотвратить наступление смерти. Верно ли?»

Куман готов был услыхать что угодно, но только не это. Царица говорила вкрадчивым, чуть ли не заискивающим голосом, хитрые лисьи глаза смотрели выжидающе и настороженно,

а толстые похотливые губы скривились в жалком подобии улыбки. Кто мог подумать, что эта тучная апатичная женщина придаст значение словам, почти машинально слетевшим в минуту испытания с уст манихея. Но Куман и не думал отпираться.

«Ты не совсем верно запомнила, моя госпожа,— ответил он.— Да, я говорил, что можно вернуть молодость и остановить смерть, но не говорил, что это могу сделать я».

«Кто же тогда?»

Куман молчал. Ответить — значило выдать манихейскую тайну, известную лишь немногим представителям жреческой элиты.

«Так, кто же?» — нетерпеливо переспросила царица.

«Я не могу этого сказать, госпожа».

«Почему?» — Эргэнэ сурово сдвинула насурмленные брови.

«Есть вещи, о которых должны знать как можно меньше людей», — чистосердечно сказал Куман.

«Значит, ты знаешь?».

«Я потому-то и знаю, что способен сберечь любую тайну».

«Нет, таких тайн, — самодовольно изрекла Эргэнэ, — которые можно было бы утаить от потомков великого Чингисхана. Подумай!» — пригрозила она и кликнула стражу.

Теперь Кумана посадили в яму — узкий земляной ров глубиной в три человеческих роста, прикрытый сверху чугунной решеткой, снятой с ворот не то православного храма, не то мусульманской мечети. На дне, куда раз в день спускали на веревке еду и воду, можно было вытянуться и лечь только в одном направлении. Куман знал, что ему суждено сгнить заживо в сырой полутемной яме и с невозмутимостью, свойственной отшельникам и мудрецам всех времен и народов, приготовился встретить любой поворот судьбы. Он был манихеем и как все истые подвижники этого учения готов был молчать до конца.

Каракитаи столкнулись с манихейством после бегства в Восточный Туркестан. Потеряв родину, каракитайские изгнанники тужили не долго и, не задумываясь, как меняют сношенную обувь, решили заодно с родиной сменить и старую религию: первый же каракитайский гурхан — а вместе с ним и многие подданные — не колеблясь перешли в манихейскую веру, воспринятую от уйгуров. Манихейство, одно из религиозных учений прошлого вело начало от пророка Мани, погибшего мученической смертью. Когда-то оно было распространено по всему свету — от Италии до Китая. Популярность объяснялась просто: с учением Мани широкие народные массы связывали нередко чаяния о равенстве, об обществе, где не будет богатых и бедных.

Именно поэтому манихейство вызывало особую ненависть у господствующих классов. Римский кесарь Диоклетиан целыми общинами распинал манихеев вдоль пыльных дорог импе-

рии, вандалы живьем сжигали их от мала до велика, мусульмане закапывали в землю вниз головой, великий базилевс Юстиниан огнем и мечом искоренял манихейскую заразу в Византии, зороастрийские жрецы в память о жестокой расправе с самим Мани сдирали с его последователей кожу.

Но манихейство оказалось живучим: на протяжении многих столетий оно питало чуть ли не все средневековые европейские ереси, а в Китае и Туркестане просуществовало в первозданной форме вплоть до монгольского нашествия. Каракитайским и уйгурским подвижникам суждено было стать последними хранителями манихейских заповедей, традиций и таинств. Древние и средневековые китайцы не видели ничего необычного в рассказах о бессмертии. В отличие от других народов, довольствовавшихся верой в вечную жизнь лишь на том свете, да и то после страшного суда, — китайцы допускали достижение бессмертия в реальной земной жизни.

Каракитай — бывшие властители Северо-Восточной Азии — были хорошо знакомы с даосским учением о бессмертии. Веками по большим и малым дорогам Китая бродили даосские проповедники, последователи древнего мудреца Лао-цзы, и рассказывали жадно внимавшим людям о подвижниках, достигших прижизненного бессмертия, благодаря усердным воздержаниям и праведной жизни. Но это был долгий и непривлекательный путь, доступный немногим избранным. «А нет ли дорог покороче, да способов попроще?» — обращались к даосским отшельникам императоры различных династий, которые непрочь были продлить свое пребывание в императорских чертогах на неопределенно долгое время. — Ведь Желтый предок, праотец всех китайцев, достиг бессмертия не в результате долгих и тяжелых постов, а потому что владел тайной эликсира долголетия. Великий стрелок И, спасший мир от испепеляющего жара десяти солнц, тоже получил готовый эликсир из рук владычицы западных гор Си-ван-му. Да и многие книги древности говорят о существовании эликсира бессмертия».

«Истинная правда, — отвечали даосы, — можно легко и быстро обрести бессмертие с помощью чудодейственного эликсира, но, к несчастью, секрет его изготовления безвозвратно утерян. Правда, далеко в океане есть три священных острова, населенные вечно юными и вечно счастливыми людьми, которым известна тайна напитка богов. Да в далекой горной стране на Западе живут приближенные царицы Си-ван-му, разделяющие с ней радость бессмертия. Но как отыскать эти блаженные земли?»

И вот в III веке до новой эры Цинь Шихуан, первый император объединенного Китая и строитель великой стены, начинает поиски желанных земель. Несколько тысяч юношей и девушек на сотнях кораблей во главе с даосским первосвященником отплыли на восток. Экспедиция уже почти достигла цели, однако, по сообщению летописца, путь ей неожиданно прегра-

дило множество гигантских акул и других невиданных морских чудовищ. Кораблям пришлось повернуть назад. До самой смерти Цинь Шихуан продолжал слать в разные концы света одну экспедицию за другой, но так и умер, не получив вожделенного эликсира.

Проходили столетия, сменялись императорские династии. Доверие к даосским рассказам то падало, то вспыхивало с новой силой. Но разве могли власть имущие оставить надежду на то, как бы подольше (а, если можно — навсегда) задержаться в земной жизни. Во имя осуществления заветной цели императоры не жалели ни средств, ни людей. Иногда нетерпеливым владыкам приходило в голову, что даосские прорицатели нарочно скрывают тайну бессмертия, и тогда по империи прокатывалась волна репрессий: самые почитаемые отшельники подвергались изощренным китайским пыткам в надежде, что руки палача развяжут языки несговорчивым старцам. Когда Китайская империя расплзлась по швам под натиском монгольских орд, у даосов появились новые покровители, еще более алчные и спесивые. Сам Чингисхан пробовал задобрить даосских мудрецов, лаской и золотом купить у них тайну бессмертия.

О, эта жажда вечной жизни! Сколько владык стремилось к пей, и каждый непоколебимо верил, что только он и никто другой достоин разделить с богами вечную молодость и власть над смертью. Когда в руках властительницы Чагатайского улуса оказался странствующий врачеватель и проповедник Куман, коварная Эргэнэ припала его за даосского мудреца. Будь каракитай на самом деле даосом, он пожалуй бы, и не смог рассказать вероломной царице ничего, кроме сладкозвучных и хитроумных даосских сказок. Но Куман был манихеем, и тайны иных времен и народов хранил он в глубинах сердца...

Учение Зороастра являлось одним из главных источников манихейства. В ветхих манихейских манускриптах можно было отыскать немало заимствований, но лишь несколько первосвященников знало, что в далеких заснеженных горах, в заповедных подледниковых пещерах спрятан полный список священной книги огнепоклонников. И не только древние свитки скрывали в глубоких тайниках зороастрийские маги. Как зеницу ока, хранили они секрет приготовления хомы — священного напитка богов, эликсира вечной молодости и бессмертия.

Когда каракитайские старшины унаследовали сокровенные тайны устного манихейского предания, в их памяти ожили чудесные рассказы даосских отшельников. Как знать, может, именно эти заоблачные горы, ставшие убежищем последних огнепоклонников, и есть та далекая западная страна, населенная вечно молодыми счастливыми, которую безуспешно пскали посланцы китайских императоров? Не сюда ли, на крайний запад, приходил непобедимый стрелок И за чудодейственным эликсиром бессмертия? И не здесь ли, в мрачной холодной

пещере, беседовал легендарный император Му-ван с огнеглазой владычицей Западных гор, которая, несмотря на страшный рот, усаженный зубами тигра, и пушистый хвост снежного барса, — обладала неотразимой женской притягательностью? И в груди каракитайских старейшин зародилось непреодолимое желание во что бы то ни стало разыскать ледяной оплот последних огнепоклонников и выведать у них тайну эликсира бессмертия.

Куман был тогда совсем молод, счастлив и наивен. Не ведая куда и не спрашивая зачем, он сопровождал на правах послушника и слуги трех манихейских патриархов в многотрудном путешествии к далеким горам. Путь был не близок: через отроги Тянь-шаня к ущельям и перевалам Памира. Но всюду, где проходил медленный небольшой караван, одного тайного слова, сказанного на ухо старосте горного кишлака, было предостаточно, чтобы получить кров, пищу, яков и проводников.

Сызмальства приученный к безропотному повиновению, Куман не интересовался, куда направляются манихейские послы, но цепкая память сына кочевника, внука тех, кто по одним лишь звездам прошел от Желтого моря до озера Балхаш, — бессознательно впитывала и накрепко запоминала каждую дорогу, каждый горный проход и перевал, каждую охотничью тропу.

Он остался внизу у ревущего водопада близ ровной площадки с загадочными письменами, а глубокая плетеная корзина унесла в неведомую высь трех седобородых манихеев. Двое суток прождал Куман на дне ущелья своих наставников, и когда они, понурые и задумчивые, точно с небес, спустились наконец с вершины черной стены, — то стали еще более молчаливее, чем прежде... Только через тридцать лет он узнал о зороастрийской пещере. Его наставники давно поумирали, и Куман сам достиг высшей ступени в манихейской иерархии.

«Пусть без страха войдет держащий светильник в левой руке в прибежище Печального дракона. Кто отведает священный напиток хому — уподобится богу», — было написано на черепажовой пластинке, которую много лет назад Куман уже видел в руках у своего наставника. Теперь она досталась ему. Ни одна живая душа не знала, откуда взялась среди манихейских реликвий эта пластина, с обратной стороны которой рукой древнего резчика был обозначен путь к памирской пещере.

О многом мог бы порассказать хозяйке Чагатайского улуса ее пленник. Но Куман молчал. Его не пытали, не морили голодом и не таскали на бесконечные допросы. Раз в два-три месяца над ямой, где томился каракитай, склонялся посланный от Эргэнэ и спрашивал, не желает ли пленник передать что-либо царице. Куман не отвечал. Он знал, что тайна погибнет вместе с ним, как угасали на его глазах последние искры манихейства, у которого не оставалось больше ни проповедников,

ни приверженцев. Однако постепенно он начал рассуждать. Вряд ли кто — окажись в его руках эликсир бессмертия — захочет поделиться этой тайной с другими. Эргэнэ не постоит за средствами, но одновременно и делает все, чтобы стать единоличной обладательницей напитка богов.

Трудно, конечно, заручиться доверием чагатайской волчицы, но она пойдет на какую угодно сделку — ведь это ей необходима вечная молодость. А Куман? Он не стремился к бессмертию, им руководило одно желание — любым путем вырваться из гнилого темного рва. Что ж, он поможет властительнице Центральной Азии получить драгоценный сосуд с чудодейственным эликсиром. Пусть выпьет алчная и коварная царица напитков бессмертия и уподобится богам. Он-то, Куман, знает, что это означает. Он — да, теперь, видимо, только он один — может рассказать, почему так оберегают в горном убежище огнепоклонников тайну бессмертия...

Куман сам придумал и разработал до мельчайших деталей дьявольский план проникновения в зороастрийское убежище, и когда было устранено главное препятствие — сомнения совести — он велел провести себя к царице. Эргэнэ по достоинству оценила замысел хитрого каракитая. Ему было дано все необходимое, предоставлены самые опытные сокольниковые. А в улус великого хана отправился нарочный со строгим наказом — добыть и доставить из Южного Китая якобы для потехи царского двора несколько клеток с обезьянами.

Много утекло воды, прежде чем все было готово к осуществлению коварного замысла. Куман сам дрессировал птиц и животных, тщательно отбирал лучших. В распоряжение манихей был выделен конный отряд отборных лучников из личной гвардии Эргэнэ, во главе которых встал Бэйшэр — приближенный царицы и воспитатель ее детей.

Старый сотник, начинавший службу еще в походах Чингис-хана, не знал об истинных целях экспедиции. Ему было приказано зорко следить за действиями хитрого каракитая и доставить Кумана живым или мертвым обратно в ставку Эргэнэ. Но разъяренный поток, который обрушился из недр памирской пещеры на незваных гостей, навсегда похоронил в kloкочущих водоворотах и монгольский отряд, и все тщательно разработанные планы, и страстные надежды властительницы Чагатайского улуса обрести вечную молодость и бессмертие.

* * *

Солнце ушло за гору, и на ущелье напоздла тяжелая зябкая тень. Светлые веселые краски померкли, и в глубокой каменной теснине стало темно и неуютно. Даже однообразные лопотание реки сделалось приглушенней. Сытые, накормленные до отвала яки резво семенили размеренной трусцой, с глухим кос-

тяным призывом цокая по камням неподкованными копытами. Куман ехал первым, за ним, чуть сзади, следовал Альбрехт Рох.

Два человека, разделенные языком, культурой, мировоззрением, психическим складом — и связанные на некоторое время общей судьбой, да жуткой тайной безымянного памирского ущелья. Где-то рубились в смертельных битвах пестроязычные армии, стирались с лица земли города, рушились крепости, дрожали в страхе великие и малые государи. А здесь, в ущелье, угрюмые неприступные стены надежно укрывали двух странников — европейца и азиата — от суеты и невзгод остального мира. Они точно остались совершенно одни на целом свете — только они да молчаливые горы, чья величественная девственная первозданность успокаивающе действовала и на францисканского монаха и на каракитайского манихейца.

Альбрехт Рох вернулся к своим излюбленным мыслям о борьбе высших космических сил, в котором он любил чувствовать себя песчинкой, и о неотвратимости предначертаний рока. Неожиданная смерть сотни монголов виделась ему в неразрывном единстве с гибелью страшной языческой пещеры — прибежища сатаны. Конечно, дьявол неуничтожим — он тысячеглав, вездесущ и искушает человека в разных обликах. Но он-то, Альбрехт Рох, видел его истинное лицо. Кому хоть однажды привидится этот желтозубый слюнявый оскал, тот не забудет его до самой смерти.

Куман размышлял о другом. Он не подгонял события под тощие теологические абстракции и даже не вспоминал манихейское кредо о борьбе света и тьмы. Пьянящая прохлада горного ущелья и сознание полной свободы будили в нем мысли о живом и земном. Он не без горечи осознал, что стал причиной гибели великой тайны, которая теперь потеряна навеки, навсегда — для него, для Эргэнэ, для богатых и бедных, для десептов и рабов, для всех людей и всех времен. Огнепоклонники предпочли погибнуть, чем выдать тайну в чужие руки.

Куман и Альбрехт Рох ехали молча, погруженные каждый в свою думу. Им предстоял еще долгий путь, который сблизит и сдружит их, сотрет условности и предрассудки, превратит в обыкновенных людей, нуждающихся в товарищеском участии и испытывающих потребность поделиться мыслями и сомнениями. А впереди, в сумерках уходящего дня прорисовывались два мощных обледеленых кряжа, которые, почти вплотную подползая друг к другу, образовывали узкий, точно приоткрытые ставки крепостных ворот, выход из загадочного ущелья.

СУМЕРКИ БОГОВ

— Холодно, — сказал Керн из темноты.

Костер догорел. Топлива хватило ровно на две кастрюли кипятка — для чая и каши. Чай заварили прямо в котелке: Керн сыпанул целую горсть заварки и закрыл крышкой. Холодный мрак быстро заполнил клочок пространства, где только что веселым красноватым пламенем играл огонь. В небе, как мелкие ледяные осколки, заиграли звезды. Далекие тени ползущих облаков то гасили, то вновь зажигали знакомые созвездия. Невидимая луна бродила где-то за хребтами, и черные изломы пиков вздымались на фоне ночного неба, как башни средневековых замков.

Керн сидел, по-восточному сложив ноги, и потягивал крепчайший чай из миниатюрной фарфоровой чашечки, а я напился из обыкновенной алюминиевой кружки, морщась от непривычной горечи. Усталость давила на каждый мускул, но голова была ясной, и спать не хотелось. Я лениво вслушивался в хитроумные рассуждения Керна, изредка вставляя несколько слов, чтобы не дать угаснуть беседе.

Кутаясь в меховую куртку, почти невидимый в темноте, он развивал неоконченную мысль:

— Страшно иногда подумать, как много в жизни людей занимала раньше религия. Сколько пустых идей, абсурдных запретов, вздорных предрассудков! И все это — липкой паутиной обволакивало мозг, калечило душу, разъедало поры общественного организма, тюремной стеной заслоняло жизнь, мешало думать, не давало дышать, тормозило движение, душило развитие, разъединяло народы. И люди то делились не по-людски. Разве были тогда просто люди? Нет, были — христиане, мусульмане, зороастрийцы, манихеи, даосы, конфуцианцы и так далее до бесконечности. А сколько пролито крови во имя ложных идеалов! И все прощалось, все освящалось, все оправдывалось и прославлялось во имя догм, которые нынче не более чем пустой звук.

Ну вот, Керн вновь сел на своего конька. Религия и мифология — здесь он мог говорить часами. Его познания в этой области были неисчерпаемыми. Мне уже несколько раз довелось убедиться, что стоило Керну заикнуться о мифологии, как вслед за этим сейчас же начинал извергаться поток мифологических имен, из которых я многие не слыхал отродясь. Или же удивлял меня каскадом притч, легенд, сказаний и выдержек из знаменитых книг, не преминув щегольнуть и знанием иностранных языков. Одержимый поэзией, он мог прочесть из «Одиссеи» или «Теогонии» на древнегреческом, а из «Ригведы» — на санскрите, помнил целые главы из «Шахнаме» на фарси, а из

«Божественной комедии» — по-итальянски. Увлеченный историей, он на память знал пространные отрывки из древних летописей и средневековых хроник, а его запас фактов и подробностей событий казался мне, отнюдь не дилетанту в истории, просто феноменальным.

Сказывалась, конечно, и специальность историка, и длительный опыт научной работы, и практика преподавания. Но сколько все же нужно было перечитать, осмыслить, запомнить. Он так и представлялся мне сидящим где-нибудь в тиши архивов, а может, и дома поздно ночью в глубоком кресле за чтением какой-либо древней книги или манускрипта. Правда, воссозданный образ не слишком вязался с той обстановкой, в которой мы очутились теперь. Но ведь именно эти суровые горы, где ледники казалось бы навечно покрыли великую тайну, были причиной того, что в центре нашего внимания оказались мифы, предания и легенды, которые — хотели мы того или нет — стали неожиданным ключом, открывавшим дорогу к расшифровке во многом пока неясной тайны. Исповедь Альбрехта Роха содержала главным образом факты да некоторые намеки, которые не без труда можно было выудить из сбивчивых объяснений монаха, когда тот от реалистических описаний переходил к рассуждениям, сдобренным таким туманом религиозного мистицизма, что неизбежно возникало сомнение — понимал ли автор рукописи собственные мысли.

Честь в предложенной реконструкции некоторых загадочных полунамеков, содержащихся в завещании монаха, целиком принадлежала Керну. Я лично никогда не осмелился бы на столь решительный отказ от привычных представлений. Разумеется многое Керн продумал давно. Но самый метод предложенной им интерпретации был настолько необычным, что поначалу вызывал у меня внутренний протест и неприятие. Смело отойдя от проторенных путей, Керн взял за исходный пункт мифы, стараясь отыскать в них следы реальных исторических событий.

— Мы вполне доверяем мифологии, — услышал я от него, — при изучении древней географии и почему-то сверх меры осторожничаем, когда речь заходит о древней истории. Но нельзя установить контакт с предысторией человечества, если не научиться анатомировать мифы.

Первоначально я с осторожностью встречал его головокружительные откровения.

— Не слишком ли шаткая основа — мифология?

— А что может быть надежней памяти сотен и тысяч поколений? — парировал Керн.

— Но ведь это же мифология. Понимаете, одни красивые сказки — и все. А где факты? Где наука?

Он распалился:

— Можно ли требовать науки от времени, когда не могло

быть никакой науки, в том числе и исторической, когда отсутствовало теоретическое сознание и существовало лишь сознание мифологическое, когда миф и только миф был тем верхним потолком, до которого мог подняться человек той далекой эпохи. Разве наши восторженно-наивные предки виноваты в том, что своеобразная форма, в виде которой первобытное сознание пыталось осмыслить и обобщить связь явлений, будет воспринята их всезнающими и здравомыслящими потомками только как миф, только как красивая и ненужная сказка? Или разве виноваты они в том, что мифология стала впоследствии повивальной бабкой религии, которая, с одной стороны, убила в мифе очарование, а с другой — украла его выразительность и образность?

— Странно, а мне до сих пор казалось, что мифотворчество неотделимо от религиозного сознания.

— Для определенного, но только не самого раннего периода это безусловно справедливо.

— Но я считаю, что религия порождает миф, а не наоборот!

— Немудрено, что именно так, а не иначе представляется из дали нашего сверхпросвещенного века. К тому же впоследствии, одержав победу, религия, как раковая опухоль, проникла в клетки мифологии, переродила и умертвила их. Нет, мой друг, если вы хотите до конца разобраться в удивительных рассказах Альбрехта Роха и Кумана, то неизбежно придется привлечь на помощь и легендарную историю, и мифологию.

Я верил и не верил, хотел и не мог. Чтобы поверить в сказку, нужно или быть ребенком, либо же родиться лет на триста раньше. Плоское обыденное сознание, приученное рассуждать однобоко и стереотипно, с трудом вмещало фантастические идеи, и мелкий бес боязливого здравомыслия нет-нет да попискивал тонкосеньким голоском. И все же волей-неволей я целиком и полностью оказался во власти этой бредовой, колдовской, ошеломляюще страшной сверхчеловеческой идеи — БЕССМЕРТИЯ. Она проникла в мой мозг, как зазубренная стрела с медленно действующим ядом, которая вонзается в тело и постепенно парализует организм.

Тем более Керн был прав: историю, рассказанную с недомолвками в рукописи Альбрехта Роха, можно было понять и объяснить только на основании ирано-индийской мифологии. То, что для францисканского монаха прозвучало как чужеземное слово «хома», для зороастрийцев-огнепоклонников значило больше, чем все христианские святыни вместе взятые. Иранское «хома» или — что одно и то же — индийское «сома» это слово означало священный напиток древних персов и индийцев. Напиток бессмертия! Кому не известны торжественные гимны Ригведы, обращенные к обожествленному Соме, и возвышенные строки Авесты, посвященные напитку богов Хоме.

По преданию хома, или сома, готовился из растения того же названия — высокогорного злака, по виду похожего на ячмень. Священную траву собирали при свете луны на вершинах гор у самой кромки снегов. Мало кто знал места произрастания священного злака. Только избранным был известен секрет приготовления напитка, продлевающего жизнь. И тайна эликсира бессмертия была утрачена зороастрийскими магами в те же незапамятные времена, что и даосскими мудрецами.

Но существовал ли он вообще — эликсир бессмертия? Вот главный вопрос. С одной стороны легенды всех древних народов настойчиво говорят о людях, познавших бессмертие. Но если это действительно так, то где же они сейчас — эти агасферы истории? Почему чудодейственный эликсир не позволил дожить им до сегодняшнего дня. Почему их нет среди нас? Ответ именно на этот каверзный вопрос пытались мы найти в долгих и нелегких дискуссиях.

— Что следует считать бессмертием? — спрашивал Керн.

— Ну это — невозможность умереть, непрерывное долголетие, — не слишком вразумительно отвечал я.

— Вот именно — невозможность умереть, но только естественной смертью. А как по-вашему может бессмертие уберечь от убийства или несчастного случая? Нет! — отвечал он сам себе. — Искусство управлять процессами старения или умение омолаживать организм не застраховывает от насильственной смерти. Можно утонуть в море, быть убитым камнем, застреленным или зарубленным — тут уж омоложение бесполезно. Кроме того, чтобы долголетие продолжалось непрерывно, его нужно постоянно продлевать. Что вы полагаете: раз пригубил чашу с эликсиром — и хватит до скончания веков? Ничуть не бывало! Но вот человек завладевает эликсиром бессмертия и становится богом...

— Богом?

— Конечно, богом. А как же еще именовать тем, кто обретал бессмертие? Только давайте сразу условимся, о каких богах идет речь, поскольку я имею в виду богов первоначальных верований, с которыми не имеют ничего общего абстрактные, космически-бестелесные существа позднейших мировых религий. Вспомните хотя бы богов древней Греции. Разве это боги? Обыкновенные люди, наделенные всеми человеческими недостатками и слабостями. Как и люди они нуждались в питье и пище. Как и люди — любили, страдали, завидовали, ненавидели, враждовали друг с другом. Помимо прочего, они и умирали — эти боги. Еще при жизни Цицерона на Крите показывали могилу Зевса.

— Но постойте, при чем тут Зевс? У Альбрехта Роха о нем ни слова.

— Это как сказать, — невозмутимо продолжал Керн. — Латинское слово «деус» («бог») в рукописи Альбрехта Роха (как

и греческое «теос», от которого, кстати, ведет начало русское слово «отец») происходит от общего древнеарийского корня «дэв». Дэвы, или дивы,— это знает любой ребенок — излюбленные образы восточных сказок, легенд и мифов, где они предстают кровожадными чудовищами, кошмарными чертями-оборотнями. Такими же они выступают и в древнеиранской мифологии.

Но что поразительно и на первый взгляд парадоксально: в соседней с Ираном Индии кровожадные дивы почитались в древности как добрые духи добра и света — дэвы. Кстати и о Зевсе. Вам не известно, сколько имен насчитывалось в древности у Зевса? Три — пять — даже восемь. Вот сколько! И Зевс, и Девс, и Дзас, и Дзен, и Дей, и Ден, и Дин, и Див. Обратите внимание на это последнее, очень прелюбопытное, но далеко не случайное имя — Див.

В древней Персии дивы поначалу тоже почитались как добрые боги, заступники и покровители людей. (Между прочим в русском языке словосочетание «диво-дивное» также обозначает нечто прекрасное и необыкновенное). Но вот явился великий пророк Зороастр и проклял прежних богов — дэвов, обвинив их в ужасной лжи и обмане человеческого рода. Первой заповедью нового учения стало отречение от дэвов. «Проклинаю дэвов,— вот кредо последователей Зороастра.— Исповедую себя зороастрийцем, врагом дэвов. Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, злокозненными дэвами, самыми лживыми, самыми вредными из всех существ. Отрекаюсь в мыслях, словах и знамениях».

Почему же люди возвеличивали одних богов и проклинали других? Потому что сами боги не стоили почитания и поклонения. Ибо бессмертие увековечивало в людях ложь и порок, коварство и жестокость.

— Но позвольте,— вмешался я,— почему обязательно должно увековечиваться дурное и низменное?

— А что хорошего может обнаружиться у тех, кто возвысился над остальным миром? — ответил Керн вопросом на вопрос.— Вы полагаете, существовали когда-нибудь добрые цари? А что хорошего может статься с теми, кто растрчивает жизнь на разгул, интриги, мелкие и крупные козни? К чему должно привести неограниченное продление такого бессмысленного существования, когда непрерывное долголетие направлено не на развитие интеллектуальных потенций, не на постоянное обогащение знаний, а исключительно на продление чувственных удовольствий и накопление предметов роскоши — как это было у всех древних богов и легендарных царей?

Ничего это не даст, кроме опустошения души и оскудения разума, умственного застоя и неизбежного старческого слабоумия. Представьте, вечно молодое тело и незнающее морщин лицо в сочетании со старческим маразмом — возможно ли более отвратительное явление?

Вот вам и бессмертие. Вместо вечной блаженной жизни — несколько веков относительного покоя, а затем — психическая депрессия и умственная деградация, постепенная утрата человеческих качеств, безумие и возврат к животным инстинктам. В тех, в ком древние люди знали могучих самоуверенных богов, последующие поколения видели только диких оборотней-дэвов, от которых было единственное спасение — борьба.

И находились бесстрашные смельчаки, которые смело вступали в единоборство и одерживали победу в жестоких битвах с кровожадными чудищами. Возьмите «Шахнаме» — старик Фирдоуси сохранил для нас имена многих древних воителей.

Но вот герой, победивший дэва, проникал в логово чудовища и обнаруживал там напиток, дарующий силу и бессмертие. Мог ли кто равнодушно пройти мимо такого трофея? Мог ли кто устоять перед искушением отведать эликсира бессмертия? И герой осушал чашу с коварным зельем, обретая бессмертие и становился царем или богом. Но проходило несколько столетий, и все повторялось сначала: разум постепенно угасал, мудрец превращался в безумца, пророк — в людоеда, бог — в демона.

Тысячелетие пролетало за тысячелетием. Незаметно, как день и ночь, сменялись на земле поколения людей. Лишь бессмертные не ведали течения времени. Между ними разгорелась ужасная борьба за власть, за монопольное обладание тайной чудодейственного эликсира. Великая битва олимпийцев и титанов в «Теогонии», орлинооких Асов и великанов Гримтурсенов в «Эдде», старших и младших богов у шумерийцев и вавилонян, асуров и дэвов в индоиранской мифологии — все это лишь слабый отголосок далекого прошлого, запечатлевшегося в памяти людей.

То были времена, подобные хаосу, и никто не хотел понять, что корень зла кроется в бессмертии...

— Но почему, почему же так происходило? Отчего такой страшный конец? Откуда такая безысходность?

И на этот вопрос у Керна был готовый ответ:

— Бессмертие — аномалия, нарушение законов природы, законов жизни и законов эволюции. В природе все смертно. Все — кроме самой природы. Суть развития — в постоянном и непрерывном обновлении: старое умирает, новое нарождается. Жизнь невозможна без развития, а бессмертие ставит точку на эволюции.

В основу биологического развития природой положено размножение и генетический отбор новых, лучших и более совершенных форм. Бессмертие покупается дорогой ценой: существо, ставшее бессмертным, теряет способность к размножению и продолжению рода. Развитие вида прекращается, и никакие достижения науки не в силах спасти то, что с таким трудом добыто в бессознательных муках эволюции. Коль скоро разви-

тие оказывается закопсервованным, бессмертные теряют способность к генетическому отбору, а, значит, перед лицом новых непредвиденных факторов может не устоять вид в целом.

Вот почему бессмертие — это худший вид смерти. Если долголетие индивидуума продлевать без конца, неизбежно наступит такой момент, когда весь род, замороженный в бессмертии, исчерпав все биологические возможности, окажется за бортом эволюции. Тут альтернатива: либо призрачное бессмертие, ведущее к неизбежной деградации и индивидуума и вида; либо индивидуальная смерть, но эволюционное бессмертие рода — преимущество в поколениях, наследование едва заметных генетических изменений или, напротив, резких мутаций, естественный отбор, отмирание старого, ненужного и возрождение нового, долгое и трудное накопление результатов биологической и социальной эволюций.

В этом и состоит действительная тайна бессмертия — не в знании рецепта изготовления чудодейственного эликсира, а в понимании последствий непрерывного искусственного продления жизни. «Кто отведаёт священный напиток хому — уподобится дэву» — вот истинный смысл слов манихейского предания об уподоблении богу. Бессмертие — зло. Вот почему последние огнепоклонники так ревностно оберегали под ледниковым панцирем Памира тайну эликсира бессмертия, как горькую память о прошлом и как предостережение настоящему и будущему.

Стражи памирской пещеры сумели хранить страшную тайну, защитив людей от заразы бессмертия, о котором вновь народившиеся поколения грезили, как о самом великом счастье, не понимая и не ведая, что бессмертие не может уберечь от смерти. Разве кто устоит перед искушением отведать напитка богов, даже если каждый будет наперед знать, к каким последствиям это приводит. Человек уже не однажды держал в руках ключи от бессмертия, но ни разу не смог преодолеть границу, отделяющую его от сверхчеловеческого.

— Ну, а если допустим, — пытался рассуждать я, — что бессмертия достигли бы лучшие представители человеческого рода, разве не сказались бы преимущества, полученные в результате непрерывного прогресса их интеллекта и нескольких веков плодотворного творческого труда на благо всей цивилизации?

— А если в скором времени, — в тон мне подхватывал Керн, — общество расколется на две части: высокоразвитую элиту бессмертных интеллектуалов и остальную массу обыкновенных смертных, далеко и безнадежно отставших по умственным и иным способностям, от своих сверхгениальных собратьев, которые по мере их неминуемой деградации могут натворить невесть что?

— Однако общество, — продолжал настаивать я, — сознательно пошло бы на такой шаг и выделило бы из своей среды

не только самых лучших, но и самых сознательных представителей цивилизации для участия в эксперименте.

— А на сколько хватит этой сознательности? На три поколения? На пять? На десять? Кто может поручиться, что пятнадцатое поколение было бы вне себя от счастья, обнаружив при рождении на земле, помимо обычных смертных, еще и замкнутую касту бессмертных сверхинтеллектуалов, которые к тому времени с коварным лукавством богов забудут о том, что им наказывали наивные пра-пра-пра-прадеды. Затем прекратится умственный прогресс в среде участников рискованного эксперимента. В действие вступят глубинные силы эволюции, которые подпишут неумолимый приговор новоявленным богам и обратят их в обезумевших чудовищ. Эволюционные процессы, мой друг, необратимы. Природу нельзя обмануть.

— Но ее можно изменить! — не сдавался я. — И бессмертные сверхгении несомненно смогли бы это осуществить.

— Есть законы, на которые не смеет посягать человеческий разум. Нельзя покушаться на гармонию природы, ибо результат всегда будет не в пользу людей. Теоретически можно перевести Землю на другую орбиту или застопорить ее вращение вокруг оси — в рамках законов механики это допустимо. Но как отразится это на земной жизни? Что станет с животным и растительным миром и уцелеет ли человеческая цивилизация в результате такого эксперимента? Рождение, развитие, смерть закодированы в человеке (как и у всего живого) с момента зачатия. Непрерывное долголетие разрушает этот хорошо отработанный цикл: отодвигается (хотя и не полностью устраняется) смерть, останавливается развитие и прекращается дальнейшее продолжение рода. Природа не терпит бесцеремонного обращения с ее фундаментальными законами. Она жестоко мстит.

— Но природа познаваема! — не отступал я. — Разгадав тайны жизни, можно заново переписать весь генетический код. В результате заданный цикл: рождение — жизнь — смерть изменится, и человечество обретет подлинное бессмертие.

— Что ж, желаю удачи, — иронически резюмировал Керн, желая, видимо, сбавить накал дискуссии.

Вот так мы спорили — и на обратном пути из Прибалтики, и в Москве, и в самолете, и по дороге к ущелью, когда безотказный трудяга-«газнк» вез нас по памирскому тракту.

Порой Керн казался мне каким-то нездешним мудрецом-отшельником, отгородившимся от мира стеной причудливых идей. Но несмотря на эту отрешенную невозмутимость в каждом его слове сквозила твердая, непоколебимая уверенность в собственной правоте. Его вдохновенная убежденность захватывала, восхищала — однако не гипнотизировала и не подавляла. Иногда я испытывал двоякое чувство, примерно такое же, что и при чтении каких-нибудь витиеватых восточных трактатов: когда имеешь перед собой мысли, заведомо неверные, но это нисколь-

ко не мешает по достоинству оценить гениальность воссозданных образов и воздать должное тому, кто так красиво заблуждается.

Так все же — куда и зачем мы шли? Что влекло нас в ледяную пустыню и что ждало там, под сводами мертвой пещеры? Неуловимый призрак бессмертия, ведущий в безвыходный тупик? Ну а что дало мне приобщение к тайне памирских магов, о которой сбивчиво поведал средневековый монах, если я даже не знал, в чем следовало больше сомневаться: в правдивости рассказа Альбрехта Роха или в правильности истолкования Керна?

Но, может, как раз сомнение и было сейчас главным. Именно сомнение — оно всегда ведет к истине. Ибо какие бы неожиданные не подстерегали нас на берегу Теплого озера — мы шли вперед, чтобы установить истину, узнать правду, сколь бы жестокой и горькой она не оказалась.

Глава III

РЕВ В НОЧИ

Еще издали водопад приветствовал нас ворчливым рокотанием. Керна почти бегом преодолел последние двести метров. Я поминутно задираю голову, пытаюсь разглядеть на неприступном гребне черной стены хоть что-нибудь, ускользнувшее от меня в прошлый раз, но головокружительная круча ничем не пахнет на свою тайну.

Площадка со спиральной надписью, с которой начались все мои приключения, весело искрилась на солнце причудливыми треугольниками. Керна первым делом бросился к ней. Он точно преобразился. Стройный и одухотворенный, он стоял над таинственной надписью, поглядывая то на свернутые треугольники, то прямо перед собой, то куда-то вверх. Его умные живые глаза выражали одновременно и радость, и спокойствие, и уверенность, и удовлетворенность достигнутой целью.

Я присел на карточки перед спиралью и осторожно, ласково ощупал глубокие выбоины. Пятерка повторяющихся треугольников выделялась чинной стройностью — и не только потому, что была знакома мне более остальных: из всей вычурной надписи именно в пятерках одинаковых треугольников еще не просохла влага от дождя и росы, их грани оказались чуть глубже, чем у других. Озадаченный неожиданным открытием, я начал лихорадочно соображать, что бы это могло значить. Но тут Керна, стараясь перекрыть шум водопада, прокричал над моим ухом:

— А что если спираль связана с астрономическими расчетами? Может, здесь цифры, а не буквы?

Я с сомнением покачал головой, хотя предположение Керна было вполне приемлемым: просто я уже вбил себе в голову, что спираль — надпись, и теперь, чтобы поверить в обратное требовались весьма солидные доказательства. Солнце стояло высоко над ущельем, жарко припекало и слепило глаза. В ревущем потоке водопада и в пенистом водовороте реки его лучи распадались на тысячи сверкающих блесков. Не верилось, что не далее, как вчера здесь, в ущелье, бушевала настоящая вьюга.

Летний снегопад с грозой — это возможно только на Памире. Липкие хлопья мокрого снега кружились в необузданном вихре, безжалостно искалывая лицо и тяжелой коростой облепливая спину. Временами мутный полумрак озарялся вспышками невидимых молний, и тогда стены ущелья, скрытые за сплошной пеленой снегопада, содрогались от громогласного, десятикратно усиленного и повторенного эха. В реку срывались и скатывались обломки скал, потревоженные раскатами грома или смытые ручьями тающей снеговой жижи. Узкие берега во многих местах захлестывала высоко поднявшаяся вода. Двигаться приходилось медленно, с особой осмотрительностью обходя каменные завалы и осторожно, чтобы не подвернуть ногу, ступать на скользкие шаткие валуны.

На всем пути — ни одного укрытия. Промокшие насквозь, мы согревались, где можно, только быстрой ходьбой. И все шли, шли, шли — упрямо лезли вперед, почти не останавливаясь, лишь на минуту, чтобы перевести дух, приваливались набрякшими рюкзаками к скале. А сил хватало едва, чтобы улыбнуться друг другу. Нужно было во что бы то ни стало засветло добраться до злополучной зороастрийской пещеры, где месяц назад работала археологическая экспедиция, где бросили мы продукты и горючее. Только там можно было найти сухое пристанище и спастись от пронизывающего холода, ветра и снега. Поэтому оставался единственный выбор — идти вперед.

И мы шли — обессиленные, измученные, голодные, наперекор разгневанной стихии, навстречу такой же неизвестности, которая звала когда-то вперед за горизонт Колумба и Магеллана, Хабарова и Ливингстона. Пусть ждали нас впереди иные горизонты, но чувствовали мы себя тоже первопроходцами — колумбами истории — хоть и было это путешествие в сказку.

Героническое упорство было наконец вознаграждено: в полной темноте мы добрались до цели. В пещере пахло осенней сыростью и талым снегом. Ящики с консервами, лопаты, веревки, канистра с керосином нетронутыми лежали возле стены. Нас трясло от холода. Вода ручьями стекала с одежды, оставляя повсюду следы и лужицы. Керн светил фонарем, пока я рылся в ящиках и искал под брезентом помятый безногий примус, брошенный здесь за ненадобностью. Мы извели полкоробка спичек, прежде чем в пещере, передразнивая завывания вет-

ра, загудело упругое синеватое пламя. При виде огня сделалось еще холоднее.

Рюкзаки не промокли, и в этом было спасение. Керн первый разделся донага, облачился в теплую меховую куртку и по пояс залез в спальный мешок. Я последовал его примеру. Но только когда опустела большая кастрюля с кипятком и мы доели по второй банке разогретых консервов, по телу разлилась наконец долгожданная теплота, и стало клонить ко сну. Я блаженно прикрыл глаза, с довольной улыбкой слушая, как по темному ущелью аюкают раскаты грома и с диким шаманским воем поится яростный ветер.

* * *

Так было вчера. А сейчас невдалеке от площадки со спиральной надписью Керн аккуратно раскладывал на земле набор мудреных приспособлений. Закончив подготовку, он предусмотрительно отступил подальше от водопада и принялся надувать воздушный шар, зачалив его с помощью веревки за большой камень, а я занялся мотком шелкового троса, предназначенного для страховки. Приготовления отняли с полчаса. Уже готовый к взлету, Керн обнял меня за плечи и, показав глазами вверх на небо, наполовину закрытое оболочкой шара, сказал со своей обычной полуиронической улыбкой:

— Телеграмму домой жене оттуда уже не дашь.

И оттолкнувшись, легко, как птица, он устремился ввысь. Подъем оказался сложным. Не успел Керн взлететь вверх на несколько метров, как шар начало раскачивать ветром из стороны в сторону и бить о каменную стену. Керн беспомощно висел на лямках с тяжелым баллоном за плечами. Сначала его закрутило, потом закачало, как маятник на ходиках, потом опять закружило — в обратном направлении. Шар дернуло, рвануло к реке, и я еле устоял на ногах, из последних сил удерживая веревку, захлестнутую вокруг камня. Чуть передохнув, я крепче ухватился за трос и стал осторожно отпускать его быстрыми перехватами.

Подъем продолжался. Шар удалялся, и справляться с ним там, на высоте, становилось все труднее. Раз два его относило на средину ущелья. Натягивая трос, как струну, он замирал над рекой и, казалось, никакая сила не заставит невесомую оболочку повернуть назад к стене. Но вот ветер менялся, стихал, и шар возвращался — медленно, как бы нехотя, а я со страхом следил, не подхватит ли его тут внезапный вихрь и не ударит ли с размаху о камень. За прочность оболочки Керн ручался, но выдержит ли удар человек, находившийся во власти ветра и случая.

С опасным приземлением Керн справился мастерски. Поднявшись чуть выше края пропасти, он выждал, когда его зане-

сет над гребнем, выдернул шланг из баллона и, понемногу выпуская газ, плавно полетел вниз, исчезая из виду. Для повторного подъема водорода не оставалось. Было условлено, что я поднимусь по лестнице. Спустя минуту над ущельем плавно и грациозно всплыл воздушный шар. Освобожденный от тяжести, он легко, как парус, трепыхался в струях попутного ветра и, быстро набирая высоту, улетал все дальше и дальше — наискось вверх к ледникам. Не успел я подготовиться к подъему рюкзаки, как ползущие тени от набегавших облаков уже полностью залили светлое расплывчатое пятнышко.

По-прежнему шелковый трос оставался единственной нитью, связывающей верх и низ пропасти. Керн долго не подавал никаких знаков, но судя по тому, что веревка поминутно дергалась и подтягивалась, у него было все в порядке. Наконец Керн закрепил трос — над гребнем стены показалась его голова. Я махнул рукой, и оба рюкзака короткими натужными скачками поползли вверх. И когда на дно пропасти опустилась капроновая лестница с привязанным на конце камнем, а вслед за ней — веревка с широкой петлей, — наступил мой черед. Я окинул прощальным взглядом ущелье, залитое солнцем, пролез в петлю так, что веревка прошла подмышками, и решительно подступил к лестнице, сплетенной из волосяных полупрозрачных лесок, похожих на паутинки. Не верилось, что тонкие, почти невидимые нити способны выдержать тяжесть человека.

Никогда не забыть мне подъем по черной стене. Стоило мне сделать первый шаг и повиснуть над землей, как ажурная сетка вытянулась, ступеньки-нити слиплись, перекутились и затопорщились над головой, как голые черенки на безлистном стебле. Ползти было мучительно трудно. Собственная тяжесть вдавливалась в стену. Шершавый камень раздирал руки. Растянутые лески, как бритвы, врезались в ладони и пальцы. Предательские петли путались в ногах. Мускулы дрожали. В висках покалывало. Каждый удар пульса гулом отдавался в ушах и, прорываясь сквозь онемелые пальцы, уносился вверх по струнам натянутой лестницы. Вот когда сказалась усталость минувших дней.

На полпути мне сделалось плохо. Кровь отхлынула от головы. Дыхание перехватило. Перед глазами запрыгали оранжевые блохи. С отчаянием утопающего я вцепился в спасительную паутину и судорожно прижался расцарапанным лбом к холодному камню. Силы оставляли меня. Я чувствовал, что больше не смогу ни шагнуть вперед, ни вернуться назад. Сейчас пальцы разожмутся, и я повисну в петле, точно паук на сорванной паутине. Керну меня не удержать. Не втянуть и не опустить. Видимо, он уже понял, что со мной неладно, потому что веревка натянулась, и я пришел в чувство.

Я вздохнул несколько раз полной грудью и уставился в черные разводы стены, неравномерная обугленная чернота ко-

торой образовалась от тысячелетнего действия воды, ветра, мороза и беспощадного высокогорного солнца. Издали черная стена действительно напоминала гладкий обожженный монолит, но вблизи тысячелетний загар скорее походил на печную сажу, разведенную в клее и негусто размазанную по каменной кладке. Я окончательно пришел в себя, однако боялся пошевелить руками и ногами. Нужно пересилить себя, заставить сделать хотя бы один шаг. Только один — первый. Тогда будет и второй и третий.

До боли прикусив пересохшие губы, я не без боязни разжал налитые свинцом пальцы и стал заносить ногу. Сразу сделалось легче. Еще одна ступенька, и уверенность окончательно вернулась ко мне. Так, сантиметр за сантиметром, продвигаясь медленно и размеренно, отдыхая через каждые две ступени, я прополз почти до конца. Оставалось самое трудное. У гребня лестница вплотную прилипала к неровным выступам, и на краю пропасти, там, где на остром ребре перегибались легкие нити, надо было подтягиваться на руках, и, опираясь на локти, в акробатическом рывке заносить ногу.

Распластавшись на краю обрыва, Керн что есть мочи подтягивал трос. Отпустив лестницу, я обеими руками схватился за страховочную веревку и, собрав остаток сил, выкарабкался наверх. Поддерживаемый и направляемый Керном, я на четвереньках отполз подальше от края пропасти и только тогда, убедившись, что нахожусь на безопасном расстоянии от обрыва, в изнеможении расслабил непослушные одеревенелые руки и, полный упоения, рухнул ничком на мокрый колючий щебень.

Разреженный воздух вея теплой сыростью. Солнце припекало спину. Каждой клеткой я впитывал жгучую горную теплоту и, блаженно жмурясь, улыбался баюкающему гулу водопада. Не знаю, сколько прошло времени. Краем глаза я видел, как Керн вытягивал лестницу, сматывал веревки и складывал все в рюкзак. Он нетерпеливо оглядывался по сторонам, дважды подходил ко мне и топтался нерешительно рядом, не говоря ни слова. Я прикрывал глаза и делал вид, что ничего не замечаю. Наконец он тронул меня за плечо, и я, точно сквозь сон, услышал далекий знакомый голос:

— Надо идти.

Я заставил себя подняться и начал осматриваться, машинально отряхивая песчинки с одежды, рук и лица, обросшего светлорыжей недельной бородой. Неподалеку от широкого каменистого ложа, откуда бурная речка срывалась водопадом на дно пропасти, громоздилась бесформенная куча гнилых черных бревен — вне всякого сомнения, остатки примитивного подъемника, возле которого разыгрывались драматические события, описанные Альбрехтом Рохом.

Впереди, за грудой черной гнили, начинался голый, слегка покатый склон, испещренный трещинами. А дальше, сразу за

небольшим свободным участком пространства, на гладкий каменистый склон напал раздвоенный язык огромного ледника, где, как крупинки пороха на обожженном теле, отчетливо выделялись вмержшие обломки скал.

— Куда же теперь? — вырвалось у меня.

— Не заблудимся, — засмеялся Керн.

Мы двинулись вперед.

— Не нравится мне этот ледник, — засомневался я. — Боюсь, как бы он не проутюжил до самого дна наше озеро.

— Ничего, — отозвался мой спутник, — нам ведь нужно не озеро, а пещера.

Впрочем, мои опасения продолжались недолго. Километра три мы шли по бугристому, вспаханному ветром и солнцем полю подозрительного ледника, но затем застывшая лава вспученного льда свернула в межгорье, а прямо перед нами открылась панорама заснеженной долины.

Глубокая плоская котловина, окруженная частыми зазубринами горных вершин, чем-то походила на безжизненный лунный цирк. Кругом царили лед да снег. И только на самом дне мертвенным оловянным блеском играла вода. Поначалу могло показаться, что озеро тоже сковано крепким ледяным панцирем. Однако тусклый серый цвет неподвижной глади, окаймленной белой кромкой настоящего льда, слишком заметно выделялся на общем фоне синюющих снегов и не оставлял сомнения, что перед нами вода.

Лишь в одном месте однообразие белых и серых тонов нарушала необычная чернота — точно темнубурая ржа разъела девственную белизну заснеженной горы, ближе других подступившей к озеру. То было жерло огромной пещеры.

* * *

Чудовищный разлом мало походил на вход в пещеру: не отверстие, овальное или квадратное, а гигантская трещина — как будто кто-то снизу раздирал гору надвое, но не смог разорвать до конца. Рядом с циклопической, жуткой трещиной, точно дырочки, проковыренные гвоздем, выделялись отверстия малых пещер.

Вблизи разлом ошеломлял еще сильнее, паномпная вход в узкое ущелье, стены которого незаметно сходились над головами. Отлогий склон перед ужасающим зевом пещеры усеяли крупные камни, кое-где между ними пробивался чахлый кустарник и трава. Дикое угрюмое место. Ничто вокруг не говорило, что когда-то здесь жили люди.

Не без труда удалось подобраться вплотную к входу. Казалось, что каменные глыбы чудом удерживаются на крутом заиндевелом откосе и готовы сорваться — чуть тронь. Опасливо протискиваясь сквозь проходы-ловушки, мы выбрались наконец

на относительно свободную площадку перед пещерой и здесь, в трех шагах от стены мрака наткнулись на закопченную, полужаспанную воронку с гладкими, точно оплавленными краями.

Керн придержал меня за рукав.

— Костер зороастрийцев! Теперь понимаете, почему Альбрехт Рох все время говорил об огненно-голубом столбе пламени. Здесь горел газ, который шел прямо из-под земли. Хотелось бы знать, иссяк ли источник газа.

Он склонился над воронкой и принялся расчищать ее руками. Я начал принахиваться и, не заметив ничего необычного, спросил:

— Вы полагаете, что можно отравить воздух на таком пространстве?

Он что-то невнятно промурлыкал в ответ.

— И потом,— продолжал я,— у этой воронки такой безжизненный вид. Вряд ли оттуда что-либо сочится: ни одна пылинка не дрогнет. Давайте попробуем спичкой.

— Ни в коем случае! — Керн даже подскочил на месте. — А если газ просачивается где-нибудь в глубине? Представляете, во что превратилась пещера за несколько веков? Одна искра — и эта горушка взорвется, как пороховой погреб.

— Что же делать?

— Проверить. Я возьму фонарь и зайду поглубже. Если почувствую себя плохо — сейчас же вернусь. А коли ничего — пробуду в пещере минут пятнадцать и поверочу назад. Ну а потом — ничего не поделаешь — придется выждать: если за ночь ничего не случится, завтра безбоязненно двинемся вглубь.

Мне стало обидно.

— Почему же вы? Давайте я пойду. Вы уже были раз первым — взлетели. Теперь мой черед.

Но Керн не хотел уступать.

— Пойдемте вдвоем,— предложил он.

— Зачем же рисковать обоим?

— Да все равно, вряд ли что произойдет,— стал уговаривать он.— Сходим вдвоем, но недалеко.

Мы сбросили рюкзаки, достали по фонарю и вступили в непроглядный мрак. Узкие лучики света беспомощно вязли в чернильной тьме. О действительных размерах пещеры можно было только догадываться по шаркающему эху шагов, которое изредка раздавалось высоко вверх под невидимыми сводами. Мы осторожно продвигались вдоль левой стены. Поначалу она, как и положено всякой нормальной стене, тянулась прямо — с полу вверх, затем стала наклоняться куда-то в глубину и наконец распалась на высокие уступы амфитеатра. Напрасно я принахивался — никаких подозрительных запахов. Воздух был чистый, сухой и прохладный. Дышалось легко и свободно.

Чем дальше — тем беспокойнее шарил я по сторонам лучом

фонарика. Уступы стены незаметно снижались и, сливаясь с горбатым полом, уводили в темноту, куда не доставал свет фонаря. В таком хаосе немудрено сбиться или потерять друг друга. Единственный ориентир — высокий треугольник неба в расщелине за спиной, похожий отсюда на гигантский зуб допотопного чудовища.

Я вскарабкался на два первых уступа у самой стены и, вытянув руку вперед, посветил как можно дальше внутрь. Пустота. Ступени, точно обрубленные пласты в заброшенном забое, уводили вверх. Я пролез на четвереньках еще выше и продолжал ползти до тех пор, пока не уткнулся лбом в глухую стену. Вокруг — камень да песок. Оставалось выругаться и вернуться назад.

— Ничего, — успокоил меня Керн, — на лаз к тайнику это все равно не похоже.

— Тогда пошли дальше.

— Нет, — возразил он, — пора поворачивать.

Я возмутился:

— Разве вы не чувствуете, что никаких запахов нет.

— Газ и не должен пахнуть. А рисковать незачем.

Я махнул рукой и рванулся было вперед, но Керн решительно преградил мне путь и, как маленького, подтолкнул к выходу. Спустя полчаса, щурясь от непривычного света, мы выбрались на свежий воздух.

— Пока не стемнело, давайте-ка заглянем в малые пещеры, — предложил Керн.

Некоторое подобие тропы выводило к длинному карнизу, вдоль которого лепились кельи. Прямоугольные отверстия дверей были таковы, что в них едва мог протиснуться человек. Не раздумывая, Керн — и вслед за ним я — полезли в горловину ближайшей щели. Узкий коридор оканчивался просторным помещением, где свободно могли бы разместиться человек двадцать. Вдоль стен, как соты, мостились глубокие ниши. В углу — треснувший глиняный чан, остатки утвари и ворох прогнившей ветоши. Пухлый слой пыли под ногами да кучи затвердевшего птичьего помета красноречиво свидетельствовали, что люди давным давно покинули эту неприютную обитель.

Мы выбрались наружу и задержались на карнизе. Безжизненно-оловянная гладь озера преобразилась. Небо полыхало багровыми красками вечерней зари, и красные сполохи заката, как в зеркале, отражались в неподвижных водах, которые, подобно огненному морю расплавленной лавы на дне невиданного вулкана, распростерлись у наших ног. Льды, остроконечные шапки гор и снеговая пустыня, словно подсвеченные изнутри, тоже горели в пунцовых отблесках заходящего солнца. Мы как будто очутились в ином мире, куда перенесло нас по маловещию сказочного джипа — столь полной была иллюзия,

воссозданная солнечной палитрой самого великого мастера — Природы. От воды нас отделяло с полкилометра.

— А озеро здорово обмелело,— заметил Керн.— Семьсот лет назад вода подступала почти к самой пещере.

— Семьсот лет назад,— повторил я,— если только верить нашему монаху, здесь зеленели высокие и буйные травы.

— Нет ничего страшней и коварней льдов,— задумчиво проговорил Керн.— Тупая, безжалостная сила. Недаром в мифах и преданиях древних народов воспоминания об ужасающих мировых катастрофах нередко связывались с наступлением люттой зимы и оледенения. Помните «Эдду»?

— Чего ж тут удивляться,— не слишком энергично отреагировал я,— в сказаниях народов Севера, естественно, самым большим и губительным злом должен выступать мороз или холод. А на Юге страшились жары и потопа.

— Это не совсем так и даже совсем не так,— оживился Керн.— Древние скандинавы в «Эдде» тоже связывали гибель мира с потопом. Однако вначале страшнейший мороз, от которого меркло солнце, сковывал землю ледяным панцирем, а уже затем испепеляющее пламя растапливало лед и превращало его в воды потопа. Вспомните прорицание вёльвы:

«Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит».

В иранской мифологии потопу также предшествует долгая и суровая зима: вспомните Йиму — авестийского Ноя. Даже в греческой мифологии можно обнаружить отголоски аналогичных представлений: когда титаны растерзали младенца Диониса, его разгневанный отец — Зевс замыслил коварную месть и, обернувшись чудовищным драконом, ниспослал на землю — вначале жаркий огонь, а вслед за тем — заснеженные воды потопа.

Я было уже совсем приготовился к новой декламации, но Керн больше ничего не сказал. Мы вернулись к брошенным вещам. Пока Керн разбирал рюкзаки и подготавливал нехитрый очажок для таблеток сухого спирта, я успел сбежать к озеру с котелками. На вкус вода оказалась отвратительной: горчила, отдавала ржавым железом и щипала язык. В жизни не видывал воды хуже. Керн ни слова не говоря, взял котелки и приладил их над огнем между камнями. Когда поспел чай, мы, чинно усевшись друг против друга, принялись жадно, чашка за чашкой, поглощать обжигающий напиток.

Над озером быстро стемнело. Огонь издревле защищал человека от глухой отчужденности ночи. Леденящий душу мрак трусливо отступал перед трепетной силой пламени. Но когда потухал огонь, глаза человека устремлялись к звездам. Блуждающая луна сопровождала влюбленных, а в звездах черпали вдохновение мыслители и мечтатели. Звезды делают человека свободным и сильным. Только благодаря звездам человек видит Космос и ощущает себя частью Вселенной. Суeta и огни больших городов лишили людей великого единения со звездной бесконечностью...

Я лежал, закинув руки за голову, а сверху сквозь просветы в облаках ясными глазами ребенка глядели звезды, огромные и неправдоподобно близкие, как на картинах Ван Гога. Гармония Вселенной очищала, как очищает высокая поэзия или торжественные звуки симфонии. Мысли блуждали далеко.

Внезапно безмятежную тишину прорезал далекий тяжелый вздох, даже не вздох — а какой-то приглушенный горестный стон со всхлипыванием. Непонятно, откуда он доносился: то ли со стороны озера, отражаясь эхом в пещере, то ли со стороны пещеры, уносясь вдаль над озером. Звук был столь странным, раздражающе громким и неожиданным, что я вскочил с места.

— Спокойней, мой мальчик, — раздался из темноты насмешливый голос Керна, и этот иронический тон вернул меня в нормальное состояние.

— Что это было? — спросил я, усаживаясь на прежнее место.

— Да не бойтесь вы, — почти шепотом сказал Керн и вдруг добавил: — Теперь уж ему сюда не добраться.

— Кому? — не понял я.

Керн промолчал. Я встревожился:

— Так, кому, все-таки?

Вместо ответа он спросил:

— Вам никогда не приходилось читать о путешествии Сюань Цзана?

— Читал. Ну и что? — недоуменно промямлил я.

— Значит, вы помните, что в седьмом веке китайский буддист Сюань Цзан, совершая паломничество в Индию, случайно забрел на Памир?

— Припоминаю, — растерянно сказал я, совершенно не понимая, куда клонит Керн.

— А записки самого Сюань Цзана читали?

— Нет.

— Сохранилось описание путешествия китайского паломника. Совершенно фантастические записки. Взять, к примеру, описание памирского озера Лун-чи. Знаете, как переводится Лун-чи? Драконово озеро! По свидетельству китайского путе-

шестеппинка, в этом озере, расположенном в самом центре горной страны Памир, жил огромный дракон.

При этих словах над озером раздался уже не вздох, не стон, а настоящий рев — трубный и надрывный, как предсмертный зов раненого слона. Сердце у меня забилося, спина похолодела. Совершенно бессознательно я рванулся с места, подскочил к Керну и схватил его за руку, но тут же, устыдясь собственного малодушия, отпустил.

— Полно пугаться, — раздался над ухом спокойный голос Керна. — Я ведь сказал: ему сюда не добраться.

— Почему вы уверены? — очумело спросил я, не замечая нелепости такого вопроса.

— Почему?

— Да.

— Потому что его попросту здесь нет, — с издевкой констатировал Керн.

— А рев?

— Вы что же, взаправду решили, что ревет дракон?

— Но вы сами это сказали, — сконфузился я, вконец сбитый с толку.

— Ничего подобного я не говорил, — рассмеялся Керн. — Просто к слову пришлось. Быстро вы однако поверили в этого дракона.

— Но ведь что-то ревело, — расстроено сказал я.

— Думаю, это — тот самый газ, на который мы боялись наткнуться в пещере и который когда-то служил топливом для зороастрийского костра. До пещеры он, должно быть, больше не доходит — зато прорывается где-нибудь со дна озера. Вот и получается такой эффектный вопль.

— Тыфу ты, — в сердцах выругался я, — вот видите, как мало пужно, чтобы поверить в какую хочешь чертовщину. Если бы вы говорили о ведьмах, когда над озером заревело, я бы, пожалуй, еще подумал, что это ведьма, а завели бы разговор о циклопах — вообразил чего доброго, что тут циклопы. В непредвиденных ситуациях человек зачастую доверяется чувству и отказывается верить разуму. Ведь наперед знаешь, что нет на свете никаких драконов — а вон как напугался. Современному человеку, как и первобытному дикарю присущ страх перед непонятным и необъяснимым, — закончил я свое оправдание.

Не успел я умолкнуть, как над озером опять заревело, забулькало, завсхлипывало, однако на сей раз я пропустил рычащее клокотание мимо ушей.

— А вы уверены, что драконов на самом деле не бывает на свете? — тихо спросил Керн.

— А вы что — убеждены в обратном? — захохотился я.

— Разве нелепо допустить, что прообразом дракона или, если хотите, змея-горыныча, могло послужить какое-нибудь

гигантское пресмыкающееся? Мало что ли шаталось в свое время по планете разных диплодоков и бронтозавров?

— Ах, вот оно что,— у меня почти совсем отлегло от сердца.— Тогда можно, действительно, не опасаться, что один из таких драконов зайвится сейчас к нам. Или..,— тут в голове у меня внезапно чиркнула новая мысль.— Ну конечно, как я сразу не вспомнил: Гигантский Морской Змей, Лох-Несское чудовище... Послушайте, Керн, вы что, серьезно полагаете, что на Памире жили драконы?

— Но ведь Альбрехт Рох видел его,— спокойно сказал Керн.

— Как! — вырвалось у меня.— Это... Эта... Этот...— я враз вспомнил самый невероятный эпизод из повествования Альбрехта Роха, который до сих пор не находил сколь-нибудь правдоподобного объяснения.

— Да, этот лик сатаны, возникший из пучины подземного озера, разве не мог принадлежать он живому дракону? — бесстрастно заключил Керн.

Я окончательно растерялся и совершенно обескураженный едва выдавил несколько слов — явно невпопад:

— Так, значит, это дракон здесь фыркает?

— Нет, это фыркает не дракон, но он действительно когда-то здесь фыркал,— сказал Керн, и я вдруг почувствовал, как он крепко сжал мою руку выше локтя.— Послушайте меня, юноша, послушайте повнимательней, если вы вообще хотите что-либо понять.

Глава IV

НЕ БУДЬТЕ МУДРЫ, КАК ЗМИИ

— Люди — это такие поразительные создания,— начал Керн.— Человек привык считать себя самой верхней и самой совершенной ступенью биологического развития. Любой из нас с трудом допускает мысль, что природа способна породить иные, гораздо более высокие формы разумной жизни, которые по внешнему облику даже отдаленно не будут напоминать людей. И как же посрамится людское высокомерие, когда в один прекрасный день на землю тихонько присядет летающая тарелка, а из нее выползут червеподобные или муравьеобразные существа и с равнодушным видом проследуют мимо изумленного человечества.

Но оставим в покое инопланетных насекомых и медуз. Не станем отрывать от Земли. Разве для кого-нибудь подлежит сомнению, что именно человек и только человек является венцом эволюции земной жизни? Разве хоть одна душа подозре-

вает сейчас, что некогда, задолго до появления людей, на планете Земля процветала иная, нечеловеческая цивилизация?

Что знает человек о том далеком прошлом, когда на свете еще не существовало людей? Многое известно и вместе с тем — ничего. Сколько лет человечеству? Миллион. Всего лишь один миллион лет — да и тот не поровну делим мы с австралопитеками, питекантропами, неандертальцами и кроманьонцами.

А что — перед этим? Двести тридцать миллионов лет со времени появления первых млекопитающих. На сто миллионов лет опередили их пресмыкающиеся. И более четырехсот миллионов лет минуло с тех пор, когда кистеперые рыбы — прямые предки современных лягушек, змей, птиц, зверей и нас с вами — покинули обмелевшие лужи и выползли на сушу. Четыреста миллионов лет ушло на то, чтобы безмозглая кистеперка превратилась в разумного человека.

Зачем понадобилась такая уйма тысячелетий? Задавались ли вы когда-нибудь таким вопросом? Затем, чтобы приспособиться к новым, наземным условиям. Кистеперой рыбе, которая до известного времени, подобно остальным рыбьим собратьям, могла жить только в водной стихии, — потребовалось после выхода на сушу перестроить органы, предназначенные исключительно для существования в водной среде, и приспособить их для обитания в надводных условиях.

Плавательный пузырь превращался в легкие. Совершенствовались кровообращение, пищеварение, размножение и лишь в последнюю очередь, хотя, впрочем, и параллельно, — нервная система. Общие темпы эволюции нередко далеко опережали темпы развития интеллекта. Достаточно вспомнить гигантских четырехэтажных ящеров с мозгом лягушки.

Лишь по прошествии сотен миллионов лет, когда живые существа полностью приспособились к скверным земным условиям: сделались воздуходышащими, теплокровными, живородящими, млекопитающими, — природа наконец могла позволить себе роскошь заняться развитием исключительно одного главного органа, органа познания и преобразования — мозга.

Только когда до конца и полностью была выполнена задача — уцелеть и приспособиться, стало возможным перейти к новой задаче — подчинить и преобразовать. Результат налицо — людской род со всеми его преимуществами и издержками. Однако возникает вопрос: не могла ли природа распорядиться по-иному?

Из четырехсот с лишком миллионов лет эволюции от кистеперой рыбы до современного человека на становление рассудка и разума израсходован всего лишь один миллион. Четыреста и один. Что это — закон эволюции? Или же допустимо, чтобы на развитие совершенного мыслительного органа ушло не четыреста миллионов лет, а срок — вдвое, втрое, впятеро меньший?

Допустимо ли это? Да, допустимо, — если эволюцию и пафос эволюции обратить не на совершенствование легких, сердца, желудка и половых органов (что явилось необходимым для выживания водного существа в условиях суши), — а сразу сосредоточить на развитии мозга. Вот тогда и можно избавиться от астрономических цифр веков и тысячелетий. Природа испробовала оба способа. Она не только скиталась долгими окольными тропами по сотням миллионов лет, но и пыталась прорваться напролом, предоставив бесстрастному и безжалостному времени судить о том, какой из двух путей лучше и надежней.

Тернисты и неисповедимы пути эволюции, но конечная цель непрерывного биологического прогресса одна — разум. Другое дело, какие непредвиденные препятствия и нечаянные зигзаги подстерегают жизнь на долгом пути эволюции и сколько лишних десятков, а то и сотен миллионов лет потребуется на их преодоление.

Скажите, что бы произошло, если б на Земле не существовало материковой суши? Представьте: сплошной океан — колыбель жизни, и ни единого клочка земли. Означает ли это, что навсегда была бы потеряна возможность возникновения разумных форм жизни? Ничуть!

Однако на Земле это происходило несколько иначе. Перешагнем через несколько десятков миллионов лет, которые миновали с тех пор, как великое оледенение и великое поднятие суши девонского периода заставило кистеперых рыб во избежание гибели покинуть пересыхающие водоемы и стать наземными обитателями.

Эволюция шла своим чередом. На земле развивались новые разновидности животных. От кистеперых рыб, переселившихся на сушу произошли земноводные и рептилии, которые в скором времени сделались полновластными хозяевами материковых лесов и болот. Отдельные виды приспособились к жизни в морях и озерах. Еще далеко было до эры пресмыкающихся, когда на землю обрушилась новая катастрофа — оледенение пермского периода, — страшное, ни с чем не сравнимое бедствие для теплолюбивых, неприспособленных к суровым условиям земноводных и пресмыкающихся. Выживали единицы, по темные давали жизнь многим.

В те далекие времена на просторах первозданных морей и океанов обитал своеобразный змееподобный ящер. Среди нормально сложенных собратьев он был просто уродцем, случайным мутантом, отклонением от общей линии развития какого-то вида. Для защиты и нападения природа наделила странное существо необычным свойством — способностью аккумулировать электрическую энергию. Явление в общем то заурядное — вспомните, к примеру, эффект электрического угря или электрического ската. Однако способность к аккумуляции энергии

сыграла в судьбе электрического ящера ту же роль, что и наличие свободной пятипалой руки у обезьяны спустя двести пятьдесят миллионов лет.

* * *

Что явилось решающим в процессе превращения бессознательной и бессловесной обезьяны в разумное высокоразвитое существо? Труд. Активная, целесообразная деятельность, направленная на преобразование окружающего мира. Целенаправленно изменяя среду, человек изменяет самого себя. Однако, что за причина заставила когда-то обезьяну заняться трудом? Захотелось стать человеком? Нет, просто не было иного выхода.

Вспомните. Четыре ледниковых периода сменяли один другой. Ужасные, невиданные до тех пор похолодания. Наступление чудовищных ледников. Планета, чуть ли не наполовину скованная льдом. Повсеместное вымирание тысяч видов, миллионов подвидов, миллиардов особей. Что оставалось в данных условиях тщедушным жидконогим существам, именуемым обезьянами? Можно было погибнуть — и слабые вымирали десятками тысяч. Можно было отступить — и целые стада откочевывали поближе к экватору, где они живут и поныне в том же примитивном состоянии, что и миллион лет назад.

Но можно было еще бороться, сопротивляться нашествию льдов и морозов: строить жилища, шить одежду, жить сообща, поддерживая друг друга, разводив огонь, изготавливать орудия, приручать диких животных и выращивать культурные растения. И немногие избрали этот путь. Вот почему слабая обезьяна, единственным преимуществом которой были две свободные руки, вступила в единоборство с природой. Вот когда у животного возникла потребность преобразования. Вот откуда берет начало труд, превративший обезьяну в человека.

Труд родился в борьбе, в борьбе за существование, мало того — в борьбе за выживание. Без тысячелетней борьбы с ледниками, которая породила потребность трудиться, не было бы человека. Животному не за чем заниматься трудом, и стада обезьян вряд ли бы так скоро превратились в человеческое общество. Примерно тоже произошло со змеевидным ящером, обитателем пермских морей. В то время, как и спустя двести пятьдесят тысяч лет назад, на Землю обрушилось оледенение. Необычайная способность аккумулировать энергию сделала электроящеров единственными существами, которые могли вступить в активное противоборство с ледниками.

Поначалу бессознательно, зачастую — просто случайно стали они оказывать сопротивление слепому и неумолимому наступлению холода — подобно тому, как впоследствии начали инстинктивно обращаться к огню и камню первые зверолоды.

Постепенно действия змеящеров становились все более осознанными. Проходили века, тысячелетия. Потребность борьбы рождала потребность новых способов борьбы, потребность действовать сообща, потребность общения. А дальше все происходило аналогично развитию человеческого рода. Несколько миллионов лет — и на планете Земля возникла никогда невиданная цивилизация высокоразвитых разумных существ, возможно, одна из самых необычных форм разумной жизни из всех, которые когда-либо существовали во вселенной.

Полтора килограмма нервного вещества, втиснутого вместе с бороздами и извилинами в наш не слишком объемистый череп, плюс две свободные руки, способные материализовать абстрактные идеи и создавать разные хитроумные вещи, орудия и приспособления, — сделали человека властелином мира. И это, заметьте, всего лишь за какой-то смехотворный миллион лет, отделяющий нас от австралопитеков.

А представьте, какими станут человеческий мозг, людские возможности и способности через сто миллионов лет, каких высот достигнет тогда человеческая цивилизация. Трудно представить? Немыслимо! Нет еще у сынов Земли опыта миллионов веков. Имеется за плечами лишь груз времени в стократ меньший, причем на историю собственно человеческого общества приходится еще сотая часть от этой сотой части. Ну а цивилизация змеящеров располагала запасом времени в двести пятьдесят миллионов лет, которые отделяют эпоху появления первых разумных драконов от нашей эры.

Как распорядилась эволюция этой вереницей миллионов? Природе не пришлось изощряться в поисках оптимальных систем кровообращения, дыхания, пищеварения и размножения. В результате долгого и кропотливого отбора у змеящеров все уже было наилучшим образом приспособлено для жизни в водной среде. Разумеется, и в условиях мировой катастрофы, когда над землей грянуло новое оледенение, эволюция могла пойти обычным, традиционным путем и в результате жесткого естественного отбора и массовых вымираний неприспособленных открыть дорогу для развития тех мутантов и видов, которые могли выжить и существовать в суровых условиях ледниковой эпохи.

Однако, если эволюция задалась целью создать разумную форму жизни, она должна была отступить от собственных суровых предписаний: заставить отказаться от пассивного выживания и перейти к активному сопротивлению, а от него — к открытому наступлению. На первых порах, правда, необходимы некоторые, хотя бы элементарные задатки. У обезьян, предков современных людей, такими задатками явились две свободные руки, способные преобразовывать окружающую действительность и создавать орудия; у змеевидных ящеров, предков разумных змиев, таким задатком явилась способность

аккумулировать электрическую энергию и целенаправленно использовать ее для изменения природы.

В начальных точках развития сознания люди и разумные змии имели неравные возможности. Обезьяны, от которых произошел человек, относятся к высшему отряду млекопитающих; их мозг необычайно развит. Змеевидные электроящеры пермского периода, от которых произошли мудрые драконы, были сродни современным змеям и черепахам; и по умственным способностям, и по примитивному устройству мозга они первоначально мало чем отличались от обыкновенных пресмыкающихся.

Ну так что ж. Обезьяне для того, чтобы стать человеком, потребовался один миллион лет. Змееящеры для достижения того же уровня просто затратили большее количество миллионов. Но ведь они имели в запасе эти миллионы, десятки и сотни миллионов лет — и для того, чтобы достичь высочайшего развития интеллекта, и для того, чтобы в волю использовать все блага и преимущества высокоразвитой цивилизации.

Странная это была цивилизация. Диковинны и необычны были существа, создавшие ее. Не рыбы — но плавающие и ныряющие на любую глубину; не птицы — но свободно летающие по воздуху; не звери — но обладающие многими достоинствами млекопитающих; не люди — но далеко превосходящие человека умом и знаниями. Драконоподобный вид разумных змиев, возможно, не слишком подходил для обладателей высочайшего из интеллектов и мог повергнуть в ужас самого отважного героя. Но, как знать, не разбегутся ли в паническом страхе от человеческого вида те разумные создания, которых люди надеются встретить в просторах галактик.

Нельзя измерить человеческими мерками ни мысли, ни чувства, ни страсти мудрых змееящеров, как нельзя беспристрастно рассудить, когда была права природа: вкладывая ли разум в голову человека или же — в голову змея. Это было общество своего рода реалистов и прагматиков, которым была совершенно чужда вера в сверхъестественное и мистическое. Обладая многими чувствами, неприсущими человеку, змееящеры на протяжении тысяч и миллионов лет сумели развить в себе поразительную способность непосредственного видения и познания.

Они мыслили понятиями и категориями, во многом отличными от человеческих, и совсем не знали абстрактных и умозрительных наук, таких, как математика, философия. Наблюдательная астрономия тоже почти не занимала океанских интеллектуалов. Но фундаментальные закономерности, лежащие в основе мироздания, были им прекрасно известны.

По человеческим понятиям, они были искусными химиками, физиками, биологами. По сей день бороздят океаны гигантские киты и кашалоты, искусственно выведенные и одомаш-

ненные змеящерами. А где сами создатели,—спросите вы. Их нет. Так всегда: творцы гибнут, творения остаются жить.

Человек, когда он только еще становился человеком, вступил в противоборство с природой, вооруженный лишь мускульной силой рук, пятью органами чувств, да безграничной возможностью познавать. Все остальное пришлось добывать в долгой изнурительной борьбе. В этом отношении змеящеры имели несомненное преимущество. Полученная от рождения способность аккумулировать и разряжать электрическую энергию в течение тысячелетий эволюции развилась до непостижимых масштабов.

Любой из драконов мог почти мгновенно сконцентрировать колоссальный электрический заряд и целенаправленно разрядить его. Одного разряда молниевой энергии вполне хватало на то, чтобы издали парализовать или уничтожить целое стадо самых крупных животных, превратить в груды песка гранитную скалу и растопить в пар огромную глыбу льда или айсберг. Сама природа наделила разумных змиев тем, что человеку удалось открыть и освоить лишь на очень высокой ступени развития науки и техники. Нашим предкам пришлось пройти через каменный, бронзовый, железный век, пережить эру механики, пара, прежде чем люди достигли в познании тех глубин, которые позволили подчинить электричество, атом, ядро.

Змеящеры начинали прямо с глубин и уже на заре цивилизации сделались подлинными властелинами электромагнитного поля, которое давало все — силу, энергию, свет, тепло, связь. Покорение электромагнитного поля явилось первой вехой на пути завоевания природы. Вслед за электричеством были обузданы ядерные и внутриядерные силы. Но вершины могущества цивилизация драконов достигла, когда подчинила гравитационное поле. Научившись управлять тяготением, драконы сделались практически всемогущими.

* * *

И все же, достигнув небывалых высот в научном и техническом прогрессе, при всей развитости и совершенстве интеллекта змеящеры в биологическом отношении до самого конца оставались теми же, какими создала их природа: холоднокровными пресмыкающимися,—безнадежно уступая в биологии и физиологии последней теплокровной зверюшке.

Активность жизнедеятельности змеящеров зависела в первую очередь от температуры окружающей среды. Драконы не могли существовать в условиях холодного климата. Незначительное похолодание означало для них приближение гибели. Поэтому все достижения цивилизации разумных змиев подчинялись единственной цели — борьбе с суровым климатом Зем-

ли, менее всего подходящим для столь несовершенно устроенных существ.

То была великая, ни на минуту не затихающая битва за жизнь. Во всех местах обитания змеящеры создавали искусственный микроклимат для защиты от превратностей капризной природы. Драконы научились бороться с холодными временами года. Внутриземное тепло направлялось на согревание морей и океанов. Создавались мощные устройства для улавливания и накопления солнечной энергии, строились сложнейшие технические системы для регуляции температуры воды и воздуха, поддержания ее на постоянном уровне. И все же наступали в истории Земли такие периоды, когда на карту ставилось существование всей цивилизации змеящеров. То были эпохи великих оледенений. В борьбе с ледниками пермского периода зародилось и сформировалось необыкновенное сообщество драконоподобных гигантов,— в борьбе с последним страшным оледенением четвертичного периода оно и погибло.

Случалось, и до того обрушивались на Землю ледовые катастрофы, но все они были значительно меньших масштабов и не шли ни в какие сравнения с четырьмя невиданными по мощности и суровости волнами оледенений, которые наступали на Землю в эпоху плейстоцена. Когда подкрались и грянули морозы первого из оледенений четвертичного периода, морские драконы не были застигнуты врасплох. Однако со столь ужасным похолоданием они столкнулись впервые. Таких холодов никогда еще не видывала Земля. Ледники двинулись разом, наступая с обоих полюсов. Одновременно повсюду на горах и равнинах возникали очаги мощных оледенений, которые, с неумолимой жадностью разъеда и пожирая материки, все ближе и ближе подползали к теплому океану.

Завязалась жестокая битва. Потребовалось колоссальное напряжение и коллективное усилие всей цивилизации, чтобы одолеть оледенение, несущее смерть. Необходимо было растопить ледяной панцирь Земли. Для этого требовалось нанести один-единственный удар: сместить ось вращения планеты и обрушить на континенты, скованные многокилометровой толщей льда, подогретые воды мирового океана. И такая задача оказалась под силу могучей морской цивилизации мудрых драконов.

Ужасающей силы взрыв у южного полюса и незначительное смещение земной оси вызвали сокрушительные полукилометровые волны в разных концах океана. Морская вода хлынула на застывшие материки, взламывая и растапывая льды и сметая на пути все живое. Два дня бушевала стихия, носились из края в край гигантские волны, то обнажая, то вновь проглатывая сушу,— а между водяных гор мелькали черные с зеленоватым отливом тела драконов, и в бешеных извиваниях чудовищной пляски угадывалось торжество победителей.

Когда стих гнев вод, над дрожащей рябью океанов проступили неузнаваемые контуры материков. Поуменьшились шапки полюсов, а на месте снеговых пустынь появилась спасительная чернота земли.

Дважды после того возвращались льды, и оба раза заиндевевшие континенты, потрясенные адскими взрывами, захлебывались в безжалостных волнах потопа. Между первым и вторым оледенениями четвертичного периода на Земле появились люди. Человек возник самостоятельно и развивался независимо от древней высокоразвитой цивилизации океана.

Не скоро редкие костры пещерных перволюдей, пока еще слишком похожих на обыкновенных обезьян, привлекли внимание морских драконов. Ископные жители океанских пучин, змеящеры без нужды не выбирались на берег. Но, узнав однажды о появлении на просторах степей и лесов горластых орд охотников за большими и малыми зверями, — пропитательные змии не могли не угадать в волосатых обезьянолюдях далеких собратьев по разуму.

Разница в уровнях развития была столь разительной, что змеящеры поначалу даже не приняли всерьез этих нескладных двуногих тугодумов, и первые представители человечества тысячами гибли вместе с мириадами животных в волнах мировых потопов. Спасались лишь немногие жители гор, о которые в бессильной ярости разбивались мутные соленые валы. Уцелевшие давали жизнь тем, кто потом возвращался на равнины и постепенно заселял размытые саванны и забитые грязью леса.

Но вот наступил день, когда пересеклись пути драконов и людей. Огромные, неуклюжие змеящеры, обитатели водной среды, без дополнительных приспособлений оказывались беспомощными на суше. Правда, искусственные антигравитационные крылья позволяли им летать над поверхностью с легкостью мотылька и скоростью самолета. Но ведь был еще холод — смертельное дыхание ледников. Без сложных, громоздких утеплителей кровь мгновенно стыла и наступала мертвая опачка.

Проворные, смысленные люди практически могли жить в любом климате. Шкура, костер, пещера, да кусок вареного мяса — и человеку становился ни по чем самый лютой мороз. Дай такому теплое жилье, запасов на зимовку, минимум знаний и навыков, — и неунывающее теплокровное существо проживет среди льдов хоть до страшного суда. И в многоумном мозгу драконов зародилась блестящая идея: приручить человека и использовать его в борьбе с ледниками.

Нет, это отнюдь не явилось союзом двух великих цивилизаций — молодой и старой. Все выглядело гораздо проще: высокоразвитые змеящеры были вынуждены использовать для собственных нужд более примитивных людей. Так, впоследствии

вии сам человек приручил собаку, кошку, корову. Однако просто забросить кроманьонца из теплых краев в очаг оледенения — проку мало. Нужно было обучить его владеть механизмами, обращаться с техникой, производить трудные расчеты, уметь делать правильные выводы, превращать знания в дело и передавать информацию по сложным каналам связи. Задача не из легких. Попробуйте дать дикарю электронно-вычислительную технику, — вот ситуация, в которой оказались первые люди, призванные служить змееящерам.

Не просто переделать наивно-консервативное сознание первобытного человека. К счастью для людей, разумные драконы были искусными врачевателями, экспериментаторами и учителями. Нашим далеким предкам не слишком долго пришлось пробыть в шкуре подопытного кролика и не довелось испытывать ни обжигающего прикосновения скальпеля, ни мучительных пересадок и удалений.

Две-три дозы направленного облучения — и спустя месяц человек превращался в могучего исполина. Несколько глотков таинственного снадобья, которое воздействовало на память и активность мышления — и человеческий мозг становился способным к впитыванию любого количества информации и мог на основе полученных знаний быстро и плодотворно решить задачу любой сложности. А безболезненно вживленный электрод обеспечивал улавливание сигналов, посланных с какого угодно расстояния.

Небольшие, хорошо подготовленные и обученные отряды людей со всем необходимым снаряжением забрасывались в центры наиболее крупных и опасных ледников. По всей планете развернулось планомерное изучение движения льдов и кропотливая подготовка к смертельной схватке с последней четвертой волной оледенения. Делалась последняя ставка. Цивилизация змееящеров медленно теряла силы. Все ощутимей и заметней становились потери в неравной борьбе с тупой и безжалостной стихией.

Три раза отступали льды, и всякий раз казалось, что они сломлены и отброшены навсегда. Но по прошествии сотен тысячелетий ледник, воскресший и окрепший, возвращался назад. Не хватало ни тепла разогретой Земли, ни энергии Солнца, ни всей мудрости змиев, чтобы воспрепятствовать новому оледенению, которое было связано с циклическими закономерностями, происходившими не на планете, а в глубинах галактики.

Могущество цивилизации мудрых драконов не распространялось столь далеко. Возвращение мертвеющего дыхания холодов было неизбежным и непредотвратимым. Змееядеры принуждены были покорно ждать начала космической катастрофы и ожесточенно бороться уже с порожденными следствиями, а не с порождавшими причинами. И чем упорнее разыгрывалась

битва, тем невосполнимей становились потери. На сей раз на Земле подготавливалось настоящее светопреставление. Не один, а сразу несколько сот взрывов должны были одновременно всколыхнуть планету и выворотить ее из оси, а испепеляющее пламя, смешанное с водами океанов, — смести с лица Земли белые язвы оледенений.

Змеящеры не желали гибели ни разумного, ни живого. Они известили человечество о грядущей беде. И люди, в чьей памяти не изгладились воспоминания о минувших потопах, обезумев от страха и ужаса, бросились собирать скarb и пожитки. Плачем и стенаниями огласилась земля. Вереницы беженцев — семья за семьей, род за родом, племя за племенем — потянулись в горы. Там, на склонах хребтов, пускали они стада, разбивали бивуаки, и вскоре засветились острокопечные вершины гор от огней ночных костров. А тех, кого не успели предупредить о грядущей смерти, настиг в урочный час яростный вал океана...

Вспыхнуло небо бледно-огненным заревом и занялось сполохами невиданного пожара. Как разбитое зеркало, разлетелся на мелкие куски огромный материк Антарктида. Земля на миг застыла, потом затряслась и вдруг начала уходить из-под ног. Континенты дрогнули, беспомощно зашатались и очумело попятились от разверзнутой бездны океана, который вздыбился до небес тысячеметровыми степами всплесков. Среди огненных протуберанцев заплескала луна. Все смешалось — вода и суша. Планета, готовая, казалось, вот-вот рассыпаться на части, заметалась с отчаянием смертельно раненого зверя. От полюса к полюсу заходили километровые волны, играючи перекатываясь через материки.

Море горело. Плавающие языки волн бились о подножья вершин — последних островков суши, ставших убежищем для людей. Вода была всюду. С неба хлестал непрерывный бушующий ливень, смывая обессиленных людей в ревущие воляные пропасти. Бездонные водовороты глотали и плавилы тысячетонные айсберги. В первозданном хаосе океана металась обезумевшая стада китов, носились бездыханные трупы слонов и мамонтов. Изредка на поверхности мелькала голова израненного дракона, но вопль гибнущих людей гнал назад в пучину творцов ужасной мировой катастрофы.

Джин, вызволенный из бутылки, обрушился на самих заклинателей. Стихия торжествовала. Битва с ледниками была проиграна. Но это было только начало конца. В надежде обмануть смерть змеящеры сделали последнюю ставку на бессмертие. Увы, необратимые законы эволюции оказались еще более жестокими, чем тупая озлобленность ледников. Теперь цивилизация змеящеров угрожала не просто гибелью, но и деградация...

ВЕЧНОСТЬ — ВПЕРЕДИ

Это была самая беспокойная ночь в моей жизни. Я метался во сне. В ушах не стихало эхо тысячеголового стога и скрежета, пробужденное картинами необыкновенного повествования, а перед глазами мелькали черные молнии змееподобных теней. Итак, круг замкнулся. Круг фантастических мыслей, круг невероятных предположений и гипотез, которые до сих пор просто громоздились и обрушивались, как океанские валы — одна неожиданней другой, а теперь предстали в виде законченной и цельной теории.

Какое же головокружительное путешествие довелось совершить мне по таинственным и неведомым тропам истории, пока неудержимое воображение Керпа не подвело меня к логически закономерному концу — фантастической, но тем не менее стройной и обоснованной идее об исчезнувшей цивилизации змееящеров.

Все встало на свои места. Трагическое открытие бессмертия принадлежало не древним арийским знахарям и колдунам, а пещеловеческим существам, у которых не оставалось иного выхода, кроме последней уловки — обмануть эволюцию. И природа жестоко наказала смельчаков. Былые властители океана, обрета биологическое бессмертие, по прошествии нескольких безмятежных столетий в конце концов утратили рассудок и постепенно превратились в злобных безумных чудовищ. Интеллект стерся, как след на морском берегу. Знания, накопленные в течение миллионов лет, рассеялись как дым. Цивилизация угасла и распалась.

Трудно сказать, сами ли интеллектуалы моря открыли горькую истину новым собратьям по разуму или люди без чужой подсказки сумели распознать зло, неотъемлемое от бессмертия. Неизвестно, почему страшная тайна сделалась впоследствии достоянием немногих, и так свято оберегалась от посторонних ушей. Может быть, жрецы нарочно засекретили древнее предание, дабы никогда не пошатнулась вера в загробное бессмертие, которое так щедро сулили многочисленным поколениям верующих служители различных культов.

Но как трудно отказаться от укоренившихся заблуждений! Разве хоть чуточку повлияло на мироощущение Альбрехта Роха невольное приобщение к великой тайне тысячелетий? Ничуть. После недолгих сомнений он расценил откровенное признание своего дорожного товарища Кумана, как очередное злокозние дьявола, и умер в полной уверенности, что заслужил подвижничеством и долготерпением окончательное прощение и право на вечную потустороннюю жизнь.

Можно только удивляться, сколь мастерски сумел Керн на основе обрывочных сведений, вкрапленных в исповедь средневекового монаха, восстановить пеструю мозаику далекого прошлого. И все же метод исторической реконструкции, предложенный Керном, повергал меня в растерянность. Нет, не приземленность воображения, не косность мышления и не трусливое цепляние за освященные догмы будили вопросы и сомнения, а единственно — неотвратимое стремление знать истину и правду. Конечно, диковинные идеи, высказанные Керном, никоим образом не вязались с привычными и общепринятыми представлениями. Но даже с точки зрения здравого смысла рассказанное, хоть и звучало совершенно неправдоподобно, однако же не было абсолютно невероятным, а значит, было возможным. Возможным — на словах. Но одних слов и умозаключений недостаточно. Нужна не умозрительная логика, а какие-то реальные доказательства.

Слов хватало, даже было более чем достаточно. Я просто уже запутался в непрерывной цепи силлогизмов. Все смешалось у меня в голове — исповедь Альбрехта Роха, история Кумана, легенды о бессмертии и невероятнейшее предположение о погибшей цивилизации змееящеров. Все сплелось в огромный тугой узел без начала и без конца. Гордиев узел. Оставалось одно — разрубить его пополам: только пещера могла дать точный и окончательный ответ, отделить правду от фантазии. А если пещера пуста?..

Я без обиняков сказал о моих сомнениях Керну, но тот в ответ рассмеялся, а потом вдруг принялся читать:

«...цепенеет небо,
Что было светлым — во тьму обратилось.
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, людей настигая».

Керн читал распевно, точно рапсод, наслаждаясь каждым звуком.

— «Гильгамеш», — узнал я.

— Да, одно из стародавних описаний потопы. А вот тот же потоп, как он запечатлелся в памяти народов Южного Китая:

«А вода все прибывала,
И все шире наводненье...
Под водой уже остались
Величавых гор вершины,
И вода дошла до неба.
Стукнулся ковчег о небо —
Точно в небе гром ударил».

Я знал, что Керн может читать до бесконечности, поэтому, протестуя, схватил его за рукав и чуть ли не крикнул:

— Помилуйте, где ж здесь змеящеры?

— Где потоп — там и змеящеры, — резонно ответил Керн. — Разве вам не известно, что в преданиях древних народов потопа и светопреставления, как правило, вызываются или драконами, или другими змееподобными существами? И вообще в первобытной мифологии с образом дракона связано представление о некоем космическом первоначале, источнике всего живого, носителя разумности и сверхчеловеческих знаний. Дракон — неразделимое и непостижимое слияние добра и зла. Великомудрые чудовища древности — индийский Вритра, иранский Ажи-Дахак, египетский Апопис, вавилонский Тиамат, иудейский Накхаш — выступают одновременно и как олицетворение темных разрушительных сил, несущих потоп. А разве не поразительна сама распространенность образа змея: нет, пожалуй, на земле такого народа, в чьих мифах, легендах и сказках отсутствовал бы дракон, змей или какое-нибудь другое ползучее, летающее, плавающее змееподобное чудовище.

— Еще бы, — опять съехидничал я. — Змей-горыныч — большой охотник до человеческого мяса, огнедышащая тварь безо всякого проблеска интеллекта. Не правда ли, типичный образчик ваших мудрых драконов.

— Вы угадали, — тотчас согласился Керн. — Именно такими стали безумные, неизлечимо больные дегенераты, у которых от прежних интеллектуалов морей не сохранилось ничего, кроме внешнего облика — да и то до неузнаваемости искаженного тысячелетним недугом бессмертия.

Но ведь есть свидетельства иного рода, сохранившиеся от тех времен, когда змеящеры еще не пожали отравленные плоды псевдобессмертия. Вот что, к примеру, сообщает о вашем змее-горыныче вавилонский историк Берос. Люди, говорит он, были как звери — дикие и злобные, пока однажды не вышел к ним из океана мудрый дракон Оннасис и не заговорил с людьми человеческим голосом. Он поведал людям о разных науках и ремеслах, научил строить каменные дома и храмы, придумал простые и справедливые законы, показал, как сберегать семена и получать от них урожай.

Аналогичные рассказы можно отыскать в мифах и преданиях очень многих народов — индийцев и китайцев, шумерийцев и египтян, вавилонян и персов, японцев и индейцев обеих Америк. «Будьте мудры, как змии!» — это призыв долетел из глубин тех далеких времен. Или вы считаете, что наши предки были столь наивны, чтобы завидовать безмозглости ядовитой гадюки?

Но я не сдавался. Ирония не сбивала меня с толку, напротив, пробуждала решительность. Решительность рождает твордость, твердость — настойчивость, настойчивость — уверенность,

а уверенность ведет к истине. Главное — наступать, а на вопросы отвечать вопросами (старый сократовский метод). Тем более я знал, что нужно спрашивать:

— Хотите по-честному? То, что вы излагаете, — удивительно, а с точки зрения логики неуязвимо. Но ваши доводы — ведь пока это только голые постулаты, чистые гипотезы, так сказать. А основания?

— Смотря что считать основаниями, — отозвался Керн.

— Факты! — пояснил я.

— Фактов у нас предостаточно.

— Разве это факты! — теряя терпение, возразил я. — Нужны вещественные доказательства. Раз на Земле для человека и вместе с ним в стародавние времена существовала иная, нечеловеческая цивилизация, — значит, непременно должны сохраниться какие-нибудь материальные следы и остатки, доступные для изучения.

Керн как будто только и ждал этого возражения.

— По-вашему, — с полнейшей невозмутимостью отреагировал он, — обязательным следствием всякой исчезнувшей цивилизации являются кучи мусора и груды черепков, в которых так любят копаться археологи. А как быть, ежели цивилизация вообще не нуждается в тех вещах, от которых обычно остаются битые осколки?

— Тогда где же нам взять доказательства?

— Почитайте Веды, Авесту, «Рамаяну», «Махабхарату», «Гильгамеша», «Теогонию», «Эдду», мифы и сказания — шумерийские, вавилонские, египетские, индийские, китайские, древнегреческие.

— Опять мифология, — вздохнул я. — Но все-таки раз существовала цивилизация, тем более — высокоразвитая, должны же сохраниться хоть какие-то следы пребывания ее на Земле. Должны или нет?

— Должны. Конечно, должны. А мы обязаны их распознать. Мне представляется, что эти следы будут совсем не такими, какие бы вам хотелось. Не забывайте, что речь идет о морской, а не о сухопутной цивилизации. Впрочем, не в этом дело. Взгляните на эту пещеру — известно ли вам что-либо подобное? А что если это логово не естественного происхождения? Ну, а Теплое озеро среди ледников Памира? Разве оно не заставляет задуматься?

Я не успел и рта раскрыть, как Керн уже перевел разговор на новую плоскость:

— Мы с вами люди различного мыслительного склада: вам с самого начала подавай факты, к которым вы приметесь подыскивать подходящее объяснение; я же всегда начинаю с теории, которую потом проверяю на практике. Но при любых различиях крайне необходимо доверять памяти наших далеких предков. Не все следует принимать на веру, но необходимо

желание понять, и тогда прошлое щедро раскроет перед вами самые сокровенные тайны.

Вдумайтесь хотя бы, почему в древнем пантеоне было такое множество богов змеиногo происхождения. Вспомните змееногих прародителей китайцев Фу-си и Нюй-ва, скифскую Богиню-деву, Кецалькоатля — змеебога древних ацтеков или змеиные атрибуты Индры и Шивы.

А древнегреческие боги! Знаете ли вы, откуда берут они свое начало? Знаете ли вы, что большинство олимпийских богов тоже змеиногo происхождения? Олимпийцы были детьми и внуками титана Крона. Титаны же, как и гиганты, по представлению древних греков, это — змееобразные оборотни, полулюди-полудраконы со змеиными хвостами.

Как дети и внуки змееногo титана олимпийцы никогда не отказывались от своего змеиногo происхождения. Самая светлая богиня олимпийского пантеона — Афина-Паллада, по твердому убеждению древних греков, вела начало от змеи. В орфических гимнах она даже и не именуется иначе, чем змея. Позднее змея превратилась в неременную спутницу богини — недаром Софокл называл Афины «живущей со змеей». Ни одно изображение совоокой богини не обходилось без змеи (вспомните золотую скульптуру Фидия). В память о змеином происхождении в главном храме на афинском акрополе всегда содержались две священные змеи.

Змеиногo прошлого не забывал и владыка Олимпа — Зевс. В любое время он легко мог превращаться в змея. Однажды, обернувшись драконом, он насильно овладел собственной дочерью Персефоной, и от этого преступного брака родился бог виноделия Дионис, который, следовательно, является прямым сыном дракона.

Как сын Зевса-дракона, сам Дионис тоже нередко представлялся в образе змея. В частности, это проявилось в культе Сабазия, под именем которого почитался и Дионис. Сабазий, предтеча будущих мессий, отождествлялся в античной мифологии со змеем, и с этим именем тесно связан культ поклонения змеям. В оргиях, устраиваемых в честь Сабазия, все участники празднеств плясали с живыми змеями в руках.

Кульг солнечного бога Аполлона неотделим от легенды о гигантском драконе Пифоне. Убив чудовищного змея у подножья снежного Парнаса, Аполлон основал на месте сражения дельфийский храм. В глубокой, мрачной расщелине — бывшем логове Пифона в течение многих веков пророчествовали пифии — жрицы Аполлона. Восседав на высоком треножнике, со всех сторон окруженная ползающими змеями, пифия, вдыхая холодные одурманивающие пары, изрекала предсказания, которые жрецы святилища передавали просителям.

В образе змея представлялся и сын Аполлона — бог врачевания Асклепий. Нет ни одного изображения легендарного ос-

нователя медицины без змей (отчего змея вообще стала символом медицинской науки). По преданию Асклепий при лечении больных часто советовался со змеями. Вера в исцеляющую силу змей была столь велика, что наивные греки и римляне до самого конца античности лечились путем прикладывания живых змей к ранам и больным местам.

Вот какова родословная греческих богов. Все они — в особенности первые олимпийцы и их прародители — были настолько связаны с драконами и змеями, что в более поздние времена, когда богов уже давно не было в живых, многих из них попросту отождествляли со змеями или приписывали богам змеиное происхождение.

А почему — хотите знать? Потому, что все, кого мы знаем под именем богов, когда-то были людьми, тесно связанными со змееящерами. Скорее всего то были люди, которых мудрые драконы отбирали и подготавливали для работы во льдах. Сильные, отважные, многоумные — они на сотни и тысячи лет опередили свое время, хотя во многом и оставались его детьми.

Это были лучшие из людей, живших когда-либо на Земле. Греки называли их титанами. Эпоха, когда благородные титаны управляли миром, получила название «золотой век». Воспоминания о золотом веке запечатлелись в памяти всех древних народов Земли. В то время не было ни войн, ни вражды, ни ненависти. Отступили болезни. Всего было вдоволь. Люди жили безмятежно и счастливо. Титаны правили миром мудро и по справедливости. Они обучали людей искусству и ремеслу, технике обработки металлов и агрономическим приемам. Имя одного из них — богоборца Прометея вполне может служить олицетворением самоотверженности, правдивости и мужественности всего титанова племени.

Они все были прометеями — и когда предупреждали людей о потопе, и когда открывали людям тайны огня, и когда по-братски делились знаниями и навыками.

Золотой век длился не вечно. Потом наступили худшие времена. Драконы постепенно деградировали. Стареющие титаны остались одни. Они прекрасно знали о последствиях страшного изобретения змееящеров — напитка бессмертия и даже в мыслях не имели воспользоваться когда-либо мнимым эликсиром долголетия.

Но были еще дети. Дети решили, что отцы обманывают их и не вняли голосу разума. Они восстали и завладели напитком бессмертия, вообразив, что отныне сделались владыками жизни. Сколько ни предостерегали титаны новоявленных богов — те лишь смеялись в ответ. Они не верили и мстили за слова правды. Зевс приковал Прометея к скале за то, что титан предсказал неизбежную гибель владыки Олимпа.

Титаны пытались предупредить распространение заразы бессмертия среди людей. Разгорелась жестокая борьба богов

и титанов. То, что древние авторы описывали как одну страшную битву, в действительности продолжалось долгие годы. Бессмертные боги не смогли одолеть правдолюбивых титанов и вынуждены были бежать. Однако у бессмертных было одно преимущество — несколько лишних веков жизни до того, как наступало безумие.

За эти годы коварные боги сумели воспользоваться самым разящим оружием — ложью и клеветой. Они оболгали мудрых змеящеров, объявив их исчадием зла, демонами тьмы и потопля, виновниками всех бед и несчастий. Они пытались оклеветать и титанов, называя покровителей человеческого рода прихвостнями драконов, злейшими врагами богов, а, следовательно, и всех людей.

Если вам опять нужны факты — то пожалуйста. Знаете, откуда появились в древней Греции олимпийцы? Отцом Зевса был грозный титан Крон, а матерью — титанида Рея. Обычно легенда связывает рождение Зевса с островом Крит, где Рея спрятала в пещере малютку Зевса и тайно воспитала будущего владыку богов, ниспровергателя собственного отца.

Но есть иная версия. У Реи было еще одно, более древнее имя — Кибела, великая мать всех богов. Ее культ распространялся далеко за пределы древней Греции — по всей Малой Азии. Считалось, что Кибела явилась когда-то с дальнего Востока, где она долгое время жила среди высоких заснеженных гор и откуда поспешно бежала в сопровождении змеерожденных слугителей богини — корибантов. Древние авторы прямо указывают на место, откуда пришла великая богиня-мать и ее драконорожденные слуги. Это — Бактрия, старинное название южных областей Средней Азии, куда относился и Памир.

— Значит, вы полагаете, что греческие титаны и боги первоначально жили в Средней Азии? — прошептал я, как громом пораженный.

— Они жили повсюду, — спокойно продолжал Керн, — в том числе и в Азии. Вспомните, что матерью Прометея и его брата Атланта была титанида Азия. А впоследствии, мстя непокорному титану, Зевс приковал Прометея там, где тот родился и провел детство.

— То есть — на Кавказе, — машинально констатировал я.

— Во-первых, Кавказ — это преддверие Азии, а, во-вторых, Кавказом древние греки вплоть до походов Александра Македонского называли все горы Азии между Арменией и Индией, — точно так же, как они именовали Эфиопией все области Африки к югу от средиземноморского побережья, а всех негров считали эфионами.

Только позднее, когда полчища Александра прошли от Македонии до Индии, обширная горная цепь, протянувшаяся от Каспия до Китая получила название Тавра, а неприступную твердь Гиндукуша стали именовать Паропамисом (так окрести-

ли его местные жители — паропамисады). К Паропамису относили в те времена и обширные горные массивы бактрийской земли, включая Памир, прилегающий к Гиндукушу-Паропамису. Памир и Паропамис — не правда ли поразительно созвучные названия?

Но вот что зафиксировано историей. Однажды, когда войска Александра застряли при переходе через Гиндукуш, в греческий лагерь явились несколько местных жителей, одетых в звериные шкуры. Они настойчиво требовали провести их к царю. Когда странных гостей впустили, они поведали великому полководцу удивительную историю. Далеко на севере — рассказали они — среди снежных гор, которые намного выше Гиндукуша, в ущелье, недоступном лишь немногим смельчакам, находится священная пещера паропамисадов. В пещере этой жил когда-то титан Прометей, где он был прикован к скале по велению мстительных богов, и драконоподобный коршун ежедневно прилетал, чтобы терзать его печень. Паропамис, сказали гости Александра Македонского, — это и есть тот Кавказ, который греки считают темницей Прометея. Именно сюда приходил Геракл, чтобы освободить человеколюбивого титана. Всю эту историю описал Страбон в пятнадцатой книге «Географии».

— И вы серьезно думаете, что все то действительно происходило здесь? — хрипло спросил я, не узнавая собственного голоса и почти физически ощущая за спиной невидимый вход в гигантскую пещеру.

— А вот это мы и должны проверить, — весело отозвался Керн и дружески потрел меня по плечу.

Он встал (в трех шагах от меня, заслоняя звезды, поднялась его тень), разминаясь, прошелся невдалеке, и камешки у него под ногами закричали, как галька на морском берегу...

* * *

За ночь ничего не случилось. Головокружения не чувствовали ни я, ни Керн. Значит, газа можно не опасаться, и путь в пещеру свободен. Не теряя времени, мы тронулись в путь и быстро прошли вдоль глухой стены, пока не достигли того места, откуда накануне вернулись назад.

Лучики от фонарей вздрагивали и подпрыгивали всякий раз, когда кто-нибудь спотыкался. Дойдя до глубокого ступенчатого грота, который — я теперь знал — оканчивался тупиком, мы сбавили шаг и пошли медленней. Огромный грот обрывался также неожиданно, как и начинался. Слева снова пошла вертикальная стена, покрытая вздутиями и щербатыми выбоинами.

Я первый заметил отверстие в стене — черную четырехугольную дыру, с виду похожую на распахнутую дверь. Стертые ступени разной высоты уходили вниз, а дальше — каменный пол узкого коридора, низкий потолок, ровные стены,

покрытые рубцами и глубокими царапинами — несомненно, следы кирки или зубила. Пол был чуть покатым, и коридор незаметно уводил все ниже и ниже. Он то сужался до предела так, что мы с трудом протискивались вперед, то неожиданно раздвигал стены и потолок, образуя просторные залы и комнаты.

Мы неслись под уклон, словно на крыльях. Трудно сказать, кому нетерпелось больше. Там, в конце коридора, теперь уже совсем близко, ждала нас разгадка. В голове моей откуда-то из подвалов памяти всплыли и часто застучали две строчки из Беранже:

И вечность, вечность впереди.
Иди! Иди! Иди! Иди!

Вдруг Керн остановился, как вкопанный, и я от неожиданности уткнулся ему в спину. В свете фонаря было видно, что узкий и тесный коридор заканчивался, уступая место свободному пространству. Перед нами была пещера — не пещера, но и ущельем это было трудно назвать. Какой-то разлом или гигантская трещина, которая разрывала гору до самой вершины так, что далековерху кое-где виднелись узенькие полоски голубого неба. Но свет пробивался робко, как сквозь замерзшее оконце, и едва доставал до дна. Естественный разлом почти под прямым углом пересекал коридор, по которому мы шли, и, следовательно, дальше путь раздваивался.

— Давайте поделимся, — предложил я, — вы налево, я направо.

— Ни в коем случае, — категорически возразил Керн. — Надо держаться вместе.

Он был прав, и мы оба повернули налево. Идти сразу стало трудно. Под ногами то и дело попадались крупные обломки породы, отвалившиеся от стен, и некоторые камни были столь велики, что преодолевать их приходилось, помогая друг другу. Но не успели мы и на сотни три шагов отдалиться от коридора, выводящего в эту подземную галерею, как новое обстоятельство окончательно сбilo нас с толку: трещина, по дну которой мы продвигались, распалась на два рукава.

— Вот тебе, бабушка, и юрьев день, — сказал Керн. — Так, кажется, будет по-русски?

— Что же теперь? — уныло поинтересовался я. — Проверим другой путь?

— А что, давайте посмотрим, — после недолгого колебания согласился Керн.

Удрученные и растерянные, мы повернули назад и, миновав коридор, который, как протока, выходил в галерею, — побрели дальше. Путь в этом направлении почти ничем не отличался от прежнего — такие же кучи камней и завалы. Продвигаться

вперед стало трудно. Однако и здесь нас ждало разочарование: не прошли мы и полкилометра, как подземная галерея снова раздвоилась. Левый, более узкий, рукав уводил куда-то вверх, а правый, более широкий, но с низкими сводами, — вел несколько вниз, под уклон. Мы в нерешительности остановились.

— Проклятый лабиринт! — взорвался Керн. — Куда же все-таки идти?

— Давайте направо. Похоже, что правый проход не такого уж естественного происхождения.

Я послушно тронулся вслед за Керном. Действительно, коридор, по которому мы теперь шли, сильно отличался от главного разлома. Потолок низкий, хотя и не ровный. Обломков камней почти не попадалось. Керн шел первым и светил под ноги, а я рыскал фонариком по стенам, стараясь уловить в однопобразии камня что-либо примечательное. Пустота. Гнетущая пустота каменного мешка. Ни следа копоти, ни мазка краски, ни штриха рисунка, ни слова надписи. Внезапно Керн тихо присвистнул. Я обрадованно бросился вперед, но сейчас же получил такой сильный удар в грудь, что поперхнулся и отлетел к стене.

— Куда ты! — Керн в первый раз назвал меня на «ты», потом глухо добавил: — Смотрите...

В размытом световом пятне на полу я увидел сильно прогнутый пол.

— Ну и что? — не понял я поначалу.

Керн, придерживаясь за стену, вытянул вперед ногу и легонько стукнул каблуком там, где начинался прогиб. И вдруг огромный участок пола перед нами — от стены до стены — пришел в движение, качнулся, как трясина на болоте, и почти без шума провалился вниз, открывая во всю ширину прохода черную дыру колодца, по краям которого угрожающе оскателились гнилые остатки кольев, палок и прутьев. Мы долго молчали, не находя слов. Наконец Керн тяжело вздохнул.

— Ловушка — почище, чем в фараоновых гробницах, — угрюмо констатировал он.

— А может, просто прогнил настил? — не слишком уверенно предположил я.

Керн пропустил это замечание мимо ушей. Он лег на живот, подполз к самому краю квадратной ямы и посветил виз. Робкий лучик беспомощно метнулся по округлым каменным стенам колодца и растаял в вязкой черноте мрака. Тогда Керн достал из кармана моток шпагата, привязал за конец шнура фонарь и начал осторожно опускать его в колодец. Фонарь закрутился на длинной нити, световое пятно, описывая по стенкам круги, заскользило вниз и где-то на самом дне вдруг раздвоилось.

— Вода! — категорически заключил Керн. — Вот вам и тайник.

— Как же теперь перебраться? — раздосадованно спросил я.

— Зачем? — поднял голову Керн. — Раз тут западня — значит, дальше наверняка тупик.

— А если наоборот: чем ближе к тайнику — тем больше разных ловушек, чей секрет был известен лишь хозяевам пещеры?

— Пожалуй, вы правы, — согласился Керн.

— Нового настила не сделать — не из чего, — прикинул я. — В нижней пещере среди брошенного снаряжения есть «кошка» — можно будет перебросить веревку.

— Это не дело, — отверг Керн мой план. — Где у нас время: двигаться здесь черепашим шагом и оцупывать каждый закуток?

— Но другого выхода нет.

— Пока нет....

— Что же делать? Обследуем другое ответвление?

— Нет, — отклонил Керн и это предложение. — Во-первых, не будем напрасно рисковать, а, во-вторых, нельзя же так метаться из конца в конец. Раз не известен точный проход к тайнику — придется действовать планомерно и методически последовательно. Нам надо все хорошенько обдумать и взвесить. Вперед пути пока нет — давайте вернемся к озеру.

И полностью обескураженные неудачей, мы повернули прочь от коварной ловушки.

* * *

После крошечной тьмы пещеры ослепительная белизна снегов и хромированные краски озера резанули по глазам острой бритвой. Мы спустились к самому берегу, и я, позабыв про отвратительный привкус, долго и жадно пил из горсти ледяную мутноватую воду. Керн едва прополоскал рот и тотчас же отправился освобождать рюкзаки.

Итак, нам оставалось одно: спуститься обратно в ущелье, добраться до стоянки июньской экспедиции, взять сколько донесем продуктов, самые необходимые инструменты, запасные веревки и затем методически, шаг за шагом обследовать каждый ход и каждый лаз в древнем убежище зороастрийцев. Пока не излазим все до последнего закоулка и не отыщем проход к тайнику, мы не уйдем отсюда — пусть даже придется пробыть у озера до конца лета. А если не хватит сил и времени, вернемся сюда на будущий год уже не одни.

Выступать за продуктами и снаряжением решили немедленно, чтобы к вечеру успеть добраться до склада с припасами, нагнаться, переночевать, а завтра как можно раньше вернуться к водопаду. Керн вытряхнул из рюкзаков все до последней вещички — не таскать же взад-вперед один и тот же груз. Только рукопись Альбрехта Роха, тщательно завернутую в целофан-

вую клеенку, я не согласился оставить: мало ли что может произойти.

— Как хотите, а книгу не брошу. Вот что не так жалко, — подбросил я на ладони бронзовый светильник, собираясь отправить его в общую кучу.

Разбирая рюкзаки, Керн без конца высвистывал одну и ту же заунывную мелодию из «Тангейзера», но, увидев светильник, смолк и бросил как бы невзначай:

— Кстати, взгляните-ка повнимательней. Вам ничего не напомнит эта спираль? Вам не напомнит она случайно свернувшуюся змею с треугольной головой в центре?

Аргумент со спиралью попадал в самую точку, но я не поддал виду и даже попытался съязвить:

— А если мне спираль напоминает раковину? Значит, прикажете думать, что надписи оставили разумные улитки?

— Но разве кто-нибудь говорит, что змеевидная надпись обязательна должна принадлежать змееподобным существам, — серьезно ответил Керн.

— Тогда кому же?

— Людям, конечно — кому ж еще.

— Доказательства выписываете? — добродушно проворчал я.

— А вам еще нужны доказательства? — поинтересовался Керн.

— Если бы они у нас были, — вздохнул я.

И тут внезапно мой взгляд приковала знакомая группа из пяти треугольников. Точнее, одна деталь, которая до сих пор, как ни странно, оставалась незамеченной: чеканка в этой начальной группе была неравномерной. Одна из сторон каждого треугольника была углублена чуть больше остальных и имела вид едва приметного желобка, другие грани не выделялись столь отчетливо.

«Спроста или неспроста?» — чиркнула мысль. И сейчас же я вспомнил, как выглядела вчера большая спираль на площадке у водопада: там тоже были глубокие вырезы, в которых не просохла роса.

Я повертел светильник так и сяк, интуитивно чувствуя, что в неравномерности чеканки сокрыт какой-то важный смысл. Но вот какой? Керн, увидав мою озабоченность, спросил, в чем дело. Я объяснил, и он, нахмутив лоб, тоже принялся разглядывать дно бронзового светильника.

Что-то знакомое вертелось в голове, но никак не приходило на ум. И вдруг я вспомнил! «Пусть без страха войдет держащий светильник в левой руке в прибежище Печального дракона...» Я даже вскрикнул от неожиданности, хотя до меня еще и не доходил подлинный смысл этой фразы манихейского предания.

Керн вопросительно взглянул на меня, но я замахал руками и закрыл глаза, силясь наощупь уловить скрытое значение неодинаковых углублений треугольников. Представил, как легко

и неторопливо продвигается по запутанным подземным катакомбам зороастрийский маг, держа в руках бронзовый светильник. Одна развилка, другая...

И тут меня осенило: глубокий желобок указывает, в какую сторону следует поворачивать при раздвоении подземных коридоров! Левое углубление — налево, правое углубление — направо. Я ошалело уставился на спираль, вновь и вновь пробегая глазами пятерку заколдованных треугольников и мысленно представляя дорогу в лабиринте. Первая развилка — направо, вторая — налево, третья — снова налево, дальше (неужели и дальше будут развилки!) — обе направо. Как просто! Хотя... Как нащупать желобки, если в светильник налитое масло и горит фитиль? Впрочем, какая разница. Главное, что треугольники — это шифр!

— Ну, Керн,— крикнул я пока еще ничего не подозревавшему спутнику,— кажется, теперь мы наступим на хвост этому Печальному дракону!

* * *

Мы продвигались уверенно, хотя и осмотрительно, тщательно осматривая каждый подозрительный выступ или щель на полу, стенах и потолке. После длинного, как крысиный ход, коридора, который выводил к естественному разлому в горе, мы сразу же повернули направо — это было первое раздвоение. Но дальше, дойдя по знакомому пути до второй развилки, мы не повернули, как два часа назад направо, где нас подстерегала ловушка-колодец, а двинулись по узкому левому коридору, который вначале почему-то забирал вверх, но шагов через полтора пошел вниз.

Как и ожидалось проход этот вскоре раздвоился, и мы повернули налево. Затем — правый поворот. Поистине, не гора, а слоеный пирог. Но была ли искусственной тесная каменная галерея, по которой мы шли, сказать трудно.

Предпоследний переход показался большим в сравнении с предыдущими — скорее всего от нетерпения. Наконец мы уперлись в последнюю, решающую развилку. А если будут еще? Тогда рушились все расчеты. Сердце мое колотилось все сильнее и сильнее. Что же там впереди? Прав ли я или обманулся? Да или нет? Мы почти не разговаривали. Только раз я слышал, как Керн проворчал:

— Хотел бы я взглянуть на тех кротов, что проделали здесь проходы. И хотел бы я знать, сколько десятков лет для этого потребовалось.

Последний коридор мы преодолевали с особой осмотрительностью. Но пол не уходил из-под ног, а потолок не обрушивался на голову. Неожиданно стены стали сближаться. Сначала я мог дотянуться до них лишь вытянутой рукой, затем они при-

двинулись настолько, что стали задевать локти и плечи и наконец сузились так, что пришлось боком протискиваться между каменными наплывами. Я не напуганно встревожился (что за мышеловка!), но все же упрямо лез следом за Керном. Вдруг свет впереди погас. Керн обернулся и сказал:

— Выключите-ка фонарь.

Я повиновался, но вместо сплошной мглы увидел темный силуэт Керна на фоне сереющего отверстия. Еще шаг — и мы выбрались на свободу. Перед нами было озеро — подземное озеро, охваченное, точно куполом сводами гигантской пещеры. Сверху сквозь многочисленные щели пробивался дневной свет. Узкие лучи, как прозрачные стрелы, пронзали пространство пещеры и утопали в черной, как деготь, воде, перекрещиваясь с отражениями огромных подтеков, сосульками свисавшими с высоких сводов.

Неподвижная мертвая гладь. Стены повсюду вплотную подступали к воде. Никаких берегов, отмелей, тропинок или карнизов. Ни единого островка. Лишь небольшая, похожая на оторванную льдину площадка, куда вплотную подступала вода, и мы на ней, словно души умерших на берегу подземного Стикса. Взгляд скользил по поверхности черного зеркала. Прямо от площадки, где мы стояли, под воду уходила ступенька. Я нагнулся, осветил вглубь: за верхней ступенькой виднелась вторая, третья, целая лестница. Значит, уровень озера поднят на несколько метров, и все, что находилось внизу, затоплено!

Керн тронул меня за плечо и указал пальцем куда-то вбок. Я взгляделся и увидел метрах в пяти на стене какие-то неясные, размытые рисунки, похожие на разводы. Я осветил вдоль стены, и в дрожащем свете фонаря вдруг проступили сплетенные клубки змееподобных тел, человеческие и нечеловеческие лица, неподвижные, как ритуальные маски, и главное — ровные ряды письменных знаков. Частые строчки клинописного текста тянулись до самой воды и исчезали в глубине. Я напрягал глаза и тянул голову, но ничего не смог прочесть с такого расстояния.

Я верил, я знал, что разгадка обязательно будет. И вот она здесь, перед нами. Но пока это было только начало разгадки.

Вместо эпилога

ДИЛЕММА ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА

Солнце едва приподнялось над горизонтом. Слепящий глаза огненно-оранжевый кругляшок то подпрыгивал над водой, то скрывался за гребнем набегавшей волны. Печальный дракон плыл, не поднимая высоко головы и лишь задерживал дыхание, когда его накрывал теплый зеленоватый вал.

Чем ближе к Большому барьеру, тем заметнее становилось волнение океана. Непреодолимая сила мощных гравитационных станций, которые стабилизировали температуру на всей площади гигантского морского Оазиса и одновременно гасили малейшую рябь на поверхности океана, здесь, вдали от центра, несколько ослабевала, но не настолько, чтобы холодные воды, со всех сторон окружавшие Оазис, могли преодолеть Большой барьер и поглотить живительную теплоту. Там, где пролегал невидимый рубеж между жизнью и смертью, холодные волны, наталкиваясь на теплую преграду, создавали этот естественный водный барьер.

Подвижная стена воды, высота которой колебалась в зависимости от погоды, полностью исчезала лишь в тех редких случаях, когда по обе стороны границы царил полный штиль, хотя и тогда узкая полоса, лучше всего различимая сверху, четко обозначала разделение двух стихий — теплой, опресненной, прозрачной и холодной, соленой, темной.

Особенно впечатлял Большой барьер в пору осенних и зимних штормов, когда огромные океанские волны стена за стеной бились о невидимую преграду, в бессильной ярости вздымаясь над спокойной гладью Оазиса, а высоко в небе прямо над гигантской ступенью барьера безоблачная голубизна неба от горизонта до горизонта обрезала клубящуюся черноту остановленных туч.

В такие дни Печальный дракон любил приплывать сюда и, облачившись в гравитоскафандр, нырять на ту сторону Большого барьера. С бешеной скоростью, достаточной для согревания тела и нейтрализации обжигающего холода зимнего океана, он то выпрыгивал из воды и уносился ввысь под самую кромку туч, то, серозеленой молнией пронзив раздраженную стихию, нырял вглубь, где его охватывала непроглядная ледяная мгла. Игра продолжалась пока усталость не заставляла его вернуться под защиту спасительного тепла Оазиса.

Сейчас океан по ту сторону Большого барьера был относительно спокоен. Редкие кучевые облака лениво дрейфовали вдоль недоступной им границы. У самой линии барьера над водой возвышался прозрачный купол станции наведения. Очтившись в просторном помещении, Печальный дракон подплыл к карте полушария и включил пеленгаторы. Его путь лежал в направлении Четвертого внутреннего моря.

Плотно облегающий чешую гравитолет в точности повторял форму длинного гибкого тела. Однако большие подвижные крылья, жестко прикрепленные как раз там, где находились чувствительные рудиментарные ласты, совершенно меняли облик змея, превращая его в невиданное крылатое чудовище, особенно устрашающее, когда на огромной скорости оно мчалось над поверхностью моря, оставляя за собой глубокий пенистый след.

Как и другие его собратья, Печальный дракон предпочитал

этот древний способ передвижения всем остальным. Мчащийся с огромной скоростью гравитолет разогревался при трении о воздух, создавая прекрасные условия для длительных путешествий на сколь угодно большие расстояния. Чтобы аппарат не перегревался — достаточно сбавить скорость, если тело начинало зудеть от предохранительной мази — можно окупнуться в океане. Совершенно непригодный при исследовании материков, и мало помогающий в неподвижном состоянии, гравитационный аппарат оставался идеальным приспособлением для полета над морскими просторами. Конечно, имелась масса других механизмов, облегчающих передвижение: начиная с медлительных, как черепахи, громоздких танкеров с громадным запасом воды, источниками энергии и установками для обогрева резервуаров — чудовищные машины, появившиеся в те незапамятные времена, когда началось планомерное изучение суши и движения ледников, — и кончая современными гравитационными планетолетами, способными сквозь ледяную бездну космоса перенести змееящера в состояние анабиоза навстречу великому безжизненному теплу Первой или Второй планеты Солнечной системы. Однако, как и прежде, и самым безотказным средством передвижения оставался морской гравитолет, испокон веков надежно служивший в далеких путешествиях за пределами Оазиса.

Печальный дракон летел низко над водой, распугивая чаек, альбатросов, фрегатов и разгоняя иногда встречавшиеся стада китов. Но когда вдали показался берег, он взмыл под самые облака и отыскал глазами пролив, отделявший Четвертое внутреннее море от океана. Отсюда до залива Встреч — напрямик полчаса лета. Там, в просторном бассейне, защищенном от шторма и акул мощные термические установки в течение всех времен года поддерживали заданный режим температуры, создавая вдали от привычного тепла крохотный клочок родного Оазиса, где можно было отдохнуть, переждать непогоду, но главное — спокойно и неторопливо поговорить с людьми. Несложное, но громоздкое акустическое устройство обеспечивало перевод мыслительных импульсов на человеческий язык.

Разумеется, любой змееящер умел переговорить с человеком путем прямой передачи мысли, но для большинства людей такой способ разговора был затруднителен, хотя и не совершенно неприемлем; зато драконы, у которых отсутствовали голосовые связки, вообще не могли научиться говорить членораздельно. Впрочем, потребность в непосредственных контактах возникала не так уж и часто; лишь в самых исключительных случаях, таких, например, как сейчас, змееящеры вылетали на встречу с людьми.

Печальный дракон плавно спарировал на неподвижную гладь залива, бесшумно сложил крылья и с высоко поднятой головой поплыл к берегу. Там, у самой кромки воды, сидел человек, но вовсе не тот, который был нужен змееящеру. Совсем

еще молодой человек несомненно видел приближающегося змея, но, погруженный в какое-то занятие, казалось, не обращал на него никакого внимания.

Люди вообще не проявляли особенного интереса к змеящерам. Только дети, впервые увидев дракона, как правило, пугались непривычного вида и огромных размеров да и то ненадолго и, скоро осмелев, старались подобраться как можно ближе и с докучливым любопытством разглядывали странное существо. Большинство людей — Печальный дракон хорошо это знал — даже не считали змеящеров собратьями по разуму. Парадокс: двуногие создания, находящиеся на несравнимо низкой ступени общественного и технического развития считали себя отнюдь не хуже змееподобных властителей океана, настолько велико было биологическое различие между обоими видами, наделенными природой разумом, но разделенными средой обитания, и настолько несовершенно было еще человеческое общество, занятое вечными распрями и постоянными заботами о хлебе насущном. К тому же лишь считанным представителям человеческого рода было известно о существовании Оазиса — центра великой цивилизации змеящеров. А здесь, на материке лишь изредка появлялись отдельные посланцы Оазиса, чаще одни и те же, и то появлялись крайне редко — только при крайней необходимости.

Похоже, что юноша наконец заметил приближающегося змея. Он встал, вытянул вперед руку, и тут Печальный дракон увидел на человеческой ладони маленькую статуэтку, вылепленную из глины: то было изображение летящего змея. За время пока змеящер приводнялся и добирался к берегу юноша успел слепить его миниатюрную, но поразительно похожую копию.

— Ты знаешь меня? — спросил он человека.

— Да, — просто ответил юноша. — Ты — Печальный дракон.

— Тебя прислал Пилот?

— Нет.

— А кто?

— Никто меня не присылал.

— Что же ты тогда тут делаешь?

— Ничего — просто сижу и смотрю на море.

— А меня откуда знаешь?

— Люди рассказывали, что ты бывал здесь прошлым летом.

О. эти люди — таинственное, непостижимое племя. Это они с первой же встречи так странно прозвали прилетевшего дракона. Печальный — всего лишь какое-то незначительное отклонение в разрезе глаз, о котором сам змеящер даже не подозревал, придавал выражению его лица опечаленный вид. По человеческим представлениям, конечно — ибо покрытое мелкой чешуей лицо морских драконов не знало вообще никакой мимики. И не было ничего трудней для каждого змеящера впер-

вые сталкивающегося с людьми, постичь, что за гамма чувств и эмоций скрывается за ужимками, гримасами или едва заметными движениями человеческого лица. А смех! Когда Печальный дракон впервые услышал человеческий смех, он напомнил ему дикие животные звуки, и трудно было понять и поверить, что это отрывистое квакание, напоминающее чем-то крики расстроенных чаек, означает, как правило, наивысшую степень радости и веселья.

Поистине необычаен людской род. Сколько удивительных способностей таит в себе невзрачное двуногое существо, именуемое человеком. Но самая поразительная из способностей связана с человеческими руками. Пять тоненьких пальцев на каждой, но чего только нельзя ими сделать. Да взять даже это изображение дракона, быстрыми неуловимыми движениями слепленное из глины. Разве способен хоть один владыка океана сделать что-либо подобное. Да ни в жизнь.

Однако Печальный дракон примчался в такую даль вовсе не для того, чтобы предаваться праздным размышлениям. Он возобновил допрос юноши.

— А Пилота ты случайно не видел?

— Это что-ли тот, который управляет летающей колесницей?

— Он самый.

— Кто ж его не видел, если он вчера целый день катал по небу царских дочерей, а под конец потребовал, чтобы младшую отдали ему в жены. Он так и остался ночевать во дворце, вытолкал, говорят, взашей и отца и стражу, а сегодня задним числом решил сыграть свадьбу. Весь город, поди, сейчас собрался возле дворца.

Новость, услышанная Печальным драконом не сулила ничего хорошего. Недаром волновались в Оазисе: вот уже несколько недель, как не поступало известий из Семнадцатого сектора от группы, заброшенной в самую отдаленную точку очагового оледенения Главного материка. То была старая, испытанная группа, снабженная мощными гравитолетами, новейшими приборами, хорошо знавшая дело и всегда безукоризненно справлявшаяся с любыми ответственными заданиями. Но именно данная группа вызывала особое беспокойство в Оазисе, потому что в течение длительного времени с ней проводился важный эксперимент: впервые двадцати Сокрушителям ледников — так называли их змееящеры — было не просто удлинена жизнь, но и доверена тайна Эликсира молодости.

Правда, такой шаг был вызван отнюдь не чрезмерным доверием, а продиктован специфическими условиями работы в Семнадцатом секторе: группа направлялась на два года в ледниковый очаг, более остальных удаленный от любой из береговых баз. В продолжение года из ледника, расположенного в горах чуть ли не в центре Главного материка поступала регулярная

информация, но с наступлением нынешнего лета связь неожиданно прекратилась.

Попытка отправить в ледники беспилотный гравитолет с запасной аппаратурой потерпела неудачу: гравитолет благополучно приземлился в заданной точке, однако передатчик не заработал. Это уже настораживало, потому что кто-то отключил передающую систему, которая срабатывала автоматически, а после выполнения программы вместе с носителем обычно возвращалась назад. Но более остального удручало, что теперь становилась очевидной взаимосвязь между двумя, на первый взгляд различными фактами — молчанием Семнадцатого сектора и тем, что в руках заброшенных туда людей находился эликсир молодости.

Вот почему в Оазисе так поспешно начали подготовку к экспедиции в ледники, какими бы трудностями и опасностями ни грозило рискованное путешествие. Но вдруг станции наведения зарегистрировали, что из района очагового оледенения Главного материка в направлении Четвертого внутреннего моря движется гравитолет, приписанный к группе Семнадцатого сектора. Как только приборы зафиксировали место приземления летательного аппарата, сюда, к Заливу встреч, отправился Печальный дракон.

Рассказ юноши о странном поведении Пилота из Семнадцатого лишний раз подтвердил самые худшие опасения змеящера.

— Ты не смог бы мне помочь? — спросил он человека.

— Отчего не помочь, — согласился тот.

— Пойди в город и вызови сюда Пилота.

— Так он и послушается, — нахмурился юноша.

— Ничего — послушается. Скажешь: Печальный дракон требует подчинения, а не то — я сам разыщу его. погоди, — остановил змеящера юношу, — прежде чем отыскать Пилота, положи в кабину летающей колесницы вот эту небольшую вещь.

К ногам человека шлепнулся округлый предмет величиной с яйцо. Юноша спрятал непонятный механизм в сумку, перекинутую через плечо, и через мгновение скрылся в прибрежном кустарнике.

Печальному дракону не хотелось раньше времени показываться в городе. Внезапное появление змея всегда вносило излишнюю сумятицу и докучливое любопытство. Конечно, мало надежды, что Пилот послушается змеящера. Напротив, по логике, он, вообще, постарается избежать встречи. Поэтому Печальный дракон первым делом вознамерился вывести из строя летательный аппарат и отрезать путь к отступлению единственного пока свидетеля тревожных и неясных событий, разыгравшихся в Семнадцатом секторе.

Впрочем, разве неясных? Или не за тем, чтобы удостове-

ряться в наихудших предположениях прилетел сюда Печальный дракон? Или кто-нибудь теперь сомневался, каким безумным шагом было доверять людям эликсир долголетия? Конечно, сами по себе мизерные дозы абсолютно безвредны. Но недаром люди были такими способными учениками, — что им стоило разгадать химический состав чудодейственного снадобья, которое одновременно являлось сильнейшим наркотическим средством. Вот что следовало предусмотреть прежде чем отдавать в руки человека эликсир жизни.

Прошло много времени, а юноша все не возвращался. Ждать становилось бессмысленно. Змееящер, готовый к дальнейшим действиям, взмахнул крыльями, грациозно, словно огромная птица, поднялся высоко над заливом и полетел в сторону города. Он пронесся над крепостными стенами, рыночной площадью, торговыми складами, кварталами ремесленников и плавно спарировал над царским дворцом. Печальный дракон прекрасно различал, как люди внизу, бойко снующие по городским улицам и на площади перед дворцом вдруг разом застывали на месте и запрокинув головы, указывали пальцами на снижавшегося змея. На мгновение повиснув над садом, он выбрал место для приземления и медленно опустился на траву среди цветущих кустов и замерших от неожиданности людей.

К счастью, пирующие находились здесь же в саду. На берегу искусственного водоема на низких топчанах, усталых коврах, полулежа располагалось несколько десятков гостей, ошеломленно взиравших на змееящера.

Но Печального дракона нисколько не занимало это пестрое сборище пьяных и очумелых людей. Его интересовал единственный человек, который возлежал в отдалении от остальных в обществе молодой девушки. Рядом с рослым широкоплечим женихом, облаченным в пурпурные одежды, невеста выглядела почти ребенком. Впервые увидев так близко огромного змея, она упала без чувств. Жених даже не обратил внимания на маленькое хрупкое тело, рухнувшее к его ногам; он сам был близок к обмороку. Печальный дракон уловил хаос обрывочных мыслей, захлестнувших мозг человека и чем настойчивей змееящер пытался установить прямой мысленный контакт, тем беспокойней и бессвязанней становилась реакция Пилота.

В этой большой красивой голове, обрамленной копной курчавых волос и буйно кудлатой бородой творилось что-то невообразимое — ни одной ясной мысли, только большой бред, который никоим образом не объяснялся воздействием винных паров. Человек находился в психическом шоке и работа его мозга была явно нарушена.

Печальный дракон понимал, что он не сумеет ничего выяснить до окончания максимально допустимого срока пребывания в охлажденной среде. Поневоле приходилось воспользоваться гипнозом.

Красавец Пилот как-то сразу обмяк и сник, и сквозь полусонный бред нерешительно пробились первая связанная мысль. Печальный дракон почувствовал, как постепенно становится податливой воля человека и задал первый вопрос:

— Где твои товарищи?

— Они остались там, в пещере.

— Почему прервалась связь?

Ответа не последовало.

— Почему от вас не поступает известий?

— Не знаю, — нерешительно ответил загипнотизированный.

— Что произошло в группе?

— Не знаю...

— Они живы?

— Да.

— Все?

— Да.

— Когда вы прекратили работу?

— Не помню.

— А когда ты принимал эликсир долголетия — помнишь?

— Помню — вчера утром.

— Вчера?

— Да. И позавчера тоже. И еще днем раньше.

— И так на протяжении двух месяцев?

— Не помню.

— Откуда же у вас столько напитка?

— Мы готовим его сами.

— И пьете каждый день?

— Каждый день...

— Разве тебе неизвестно, что это опасно?

— Он согревает тело, веселит кровь и успокаивает душу, помогая забыть о проклятых ледниках.

— А разум? Ты не чувствуешь, как затуманен твой разум? Как изъеден твой мозг?

Молчание. Но все было ясно и так. Разговор исчерпался. Последнее уточнение, и можно возвращаться назад.

— Что делали остальные, когда ты собирался сюда? — спросил Печальный дракон.

— Они пировали в пещере.

— И пили эликсир?

— Конечно.

— А ты что же?

— Мне стало скучно. Захотелось увидеть море. Захотелось теплого солнца. О, если бы кто-нибудь знал, как мне надоела ледяная тюрьма, как мне все надоело!

— Хорошо, просыпайся, — скомандовал змеящер.

Человек вздрогнул и очнулся. Какое-то мгновение его лицо сохраняло спокойное безмятежное выражение, но вдруг оно

искажилось в ужасной гримасе, и сад огласил хриплый почти звериный вопль.

— А-а-а! Люди! Смотрите, люди! — ревел обезумевший Пилот, вскочив на ноги и указывая на дракона. — Вот она — змеиная тварь! Она здесь! Хочет сожрать всех нас! Меня! Вас! Живьем! Спалить огнем! Испепелить! А-а-а! Бейте его! Рубите! Колите! Бейте-е-е!

Ободренные бессмысленным призывом обезумевшего собрата, люди, пировавшие в саду, повскакивали с мест, замахали мечами, кинжалами и истошно завопили, завизжали, заулюлюкали. Не дожидаясь, пока на него обрушится град камней или стрел (которые, впрочем, не могли причинить ему ни малейшего вреда), — Печальный дракон взмыл ввысь и, проделав над дворцом головокружительный вираж, повернул к морю, но, миновав крепостные стены, он вновь спарировал вниз.

Неподалеку от оливковой рощи змеящер заметил гравитолет, окруженный копьеносцами в бронзовых латах. Чуть поодаль на выжженной раскаленной земле с колодкой на шее сидел юноша, встреченный Печальным драконом сегодня на берегу. Юноша грустно поглядел на приземлившегося змея и прошептал, еле шевеля сухими от жажды губами.

— Не смог я ничего сделать. Царь приказал охранять божественную колесницу.

— Отпустите его, — мысленно приказал Печальный дракон одному из воинов; тот повиновался.

— Садись на меня, — сказал он освобожденному пленнику. — Садись между крыльев.

И когда юноша нерешительно вскарабкался по гладкой холодной туше и устроился в углублении на спине, обхватив обеими руками выступ гребня, Печальный дракон осторожно поднялся в воздух. И вдруг ослепительный молниевый разряд прорезал пространство и с оглушительным взрывом, разбрызгивая искры расплавленного металла, ударил в гравитолет...

Наступила короткая летняя ночь. Печальный дракон отдыхал в заливе Встреч, ожидая восхода солнца. Подогретая вода залива медленно снимала напряжение мипувшего длинного дня. Усталось и угнетенность, а затем сонливость и потеря чувствительности, которые всегда подстерегали змеящеров, долго пробывших в непривычной температурной обстановке, — постепенно исчезали под живительным воздействием теплой бархатистой воды. Юноша давно ушел.

— Спасибо, — поблагодарил он на прощание дракона.

— Тебе спасибо, — змеящер постарался ответить так, чтобы человек услышал не только слова, но и ощутил дружелюбие и участие.

Даже после случившегося Печальный дракон не испытывал неприязни к людям. Он вообще не ведал, что такое ненависть. Он думал о другом. Еще до захода солнца, несмотря на пара-

лизирующую разум усталость, Печальный дракон успел передать в Оазис подробную информацию, сопроводив ее собственными выводами.

Не так страшно, что людям стал известен рецепт приготовления эликсира молодости — это следовало предвидеть. Не страшно даже, что группа людей, которым сделался известен секрет долголетия, не сумела правильно использовать спадобье и перешла к неумеренному употреблению напитка. Этого также следовало ожидать, зная пристрастие людей к наркотикам и прочим возбуждающим средствам. В конце концов никто, кроме самих любителей одурманивающего напитка не будет повинен в собственной гибели. Страшно то, что зараза, подобно лавине, распространится дальше и повлечет массовую гибель других ни о чем не подозревающих людей. Необходимо в зародыше и как можно скорее ликвидировать опасность, угрожавшую человеческому роду.

И все же не это более всего тревожило Печального дракона. Впервые, может, по-настоящему задумался он над последствиями искусственного продления жизни. Встреча с полубезумным Пилотом заставила его вспомнить о спорах, которые шли в те далекие времена, когда открытие эликсира долголетия поставило змеящеров перед дилеммой: стать или не стать бессмертными. Уже в ту пору задавали вопрос о последствиях такого шага. Но кто же мог тогда, не испытав действия чудесного напитка, подтвердить его вредоносность. И вот сегодня при мысленном контакте с человеком, потерявшим рассудок из-за эликсира бессмертия, Печальный дракон почти физически ощутил и мечущиеся импульсы разорванной психики и мертвенное дыхание безумия.

Конечно, змеящеры, вот уже три столетия ежегодно на празднике Вечности вкушающие напиток бессмертия, строго соблюдают все меры предосторожности. Но что если результаты дадут о себе знать лишь по прошествии значительного срока, а человек, который неумеренно употреблял эликсир долголетия, просто ускорил приближение неминуемого итога, ускоренно пройдя тот же путь, что предстоит пройти каждому змеящеру. В таком случае цивилизации Оазиса угрожает смертельная опасность.

Завтра к заливу Встреч будет доставлен мощный межконтинентальный гравитолет, на котором Печальный дракон отправится вглубь материка туда, где под сводами ледниковой пещеры разыгрались драматические события, конец которых пока невозможно предсказать. Предстоит на месте оценить обстановку и принять необходимые меры. Ну, а если и суждено когда-нибудь погибнуть змеящерам, что ж — на земле останутся люди. Разум не может умереть. Разум должен жить!

Москва, 1972.

КЛИК МЕЖВЕЧНЫЙ

научно-фантастический
рассказ

Рокот веков.
Топот подков.

Марина Цветаева

Визг тормозов — столб пыли из-под колес. В распахнутом окне нижнего этажа вмиг выросла взъерошенная мальчишечья голова. «Ух-ты! Вот так тётя!» Полдюжины загорелых крепышей под присмотром учителя истории Кирилла Геннадиевича, пыхтя и покрёкивая, стаскивали с грузовика здоровенную каменную чушку.

— Кир Генадич, это — баба? — полюбопытствовал мальчуган.

— Баба, баба — не видишь разве? Ставьте-ка ее, ребятки, на попа и — к стенке, к стенке... Да не носом — затылком к стене...

— Кир Генадич, — продолжался допрос из окна, — это которую экскаватором из котлована выковыряли?

— Знаешь ведь все, а спрашиваешь, — пригрозил пальцем старый учитель. — Скажи лучше, чего в школе так поздно делаешь?

— Изложение переписываю, — поскущнула нестриженная голова.

— Переписываю, — передразнил историк. — За каникулы хоть бы грамотно писать научился. Не всыпали бы мне тогда давеча на педсовете. А то дети у вас, говорят, одними древними славянами интересуются. Только и слышно: анты да венеды, Кий да Щек, Перун да рожаницы, поляне да древляне. Я мол, таким, как ты Виктор Бондаренко, зазря голову морочу: вместо того, чтобы по программе заниматься, вздумалось какой-то кружок дописьменной истории Руси вести. Знаешь, как нас уже окрестили? Дописменники.

— Так то ж — история. Корни наши. Без которых ни настоящего нет, ни будущего, — помянул продленщик не раз слышанное от учителя.

— Эх, Витюша, все б так думали — мир другим стал, — от слов мальчика голос старика потеплел. — Глянь лучше, что за

раскрасавицу мы привезли. Глаза вставные — из ящмы, похоже, — и точно светятся изнутри. Я, пока ехали, телеграмму в город дал: «Уникальная находка. Срочно высылайте специалистов».

— Кир Генадич, — обрадовался парнишка, — можно я чуток помогу.

— Что уж теперь помогать. Без тебя справились. Пусть пока под окном постоит. В школе негде. Без того начальство ворчит: захламили, дескать, все кабинеты и коридоры. А ты сиди переписывай — коль с первого раза без ошибок не получается. Не стыдно ли: про древних русичей все знать хочешь, а писать по-русски не научился, — строго заключил историк и заспешил к дюжым подсобникам, которые, вооружившись лопатами, решительно обступили громадную кучу мусора — остатки от летнего ремонта.

Вечер подкрался незаметно. Поросли ивняка за рекой, точно смеженные ресницы, рассеивали последние солнечные лучи. По пустым школьным коридорам забегали прохладные сквозняки. Старый учитель истории неторопливо переходил из класса в класс, прикрывая распахнутые окна.

Вот и приплюснутое темя каменной бабы, чуть приподнятое над подоконником. На полу, слегка припудренном пылью, брошенная ученическая тетрадка. Опираясь рукой на парту, учитель поднял ее и раскрыл. Прыгающие во все стороны буквы буднично извещали: «Работа над ошибками ученика 6-го класса В. Бондаренко». («Мда, Виктор Бондаренко, — вздохнул историк, — не скоро, видно, перестанут склонять тебя на подсветах»).

Кирилл Геннадиевич машинально развернул страницу и не без удивления прочел: «ВИЖУ: Сошлась рать с ратью. Столкнулись конные и пешие. СЛЫШУ: Лязг мечей, гик всадников, крики раненых под копытами. Тучи стрел свет застилают, о камни бьют — только искры светляками разлетаются. Жуткий свист сковал все живое. ЗНАЮ: Дрогнули раскосяглазые, попятились к реке. Здесь их и настигли россы. Смяли, опрокинули, воду с кровью смешали.»

«Нет, Виктор Бондаренко, ты неисправим, — подумалось старому историку. — Работа по русскому, а ты все норовишь другую дугу согнуть. И текст весьма странный. Откуда такой?» — все больше недоумевая и разволновываясь, он дочитал до конца: «ПОМНЮ: Князя Буса с сынами и соподвижниками повесили за ребра у городских ворот — чтоб другим супротив господ vystupать неповадно было.»

«Неужто тот самый Бус, про которого в «Слове о полку Игореве» говорится? — вздрогнул учитель. Он глянул в окно — ушедшее солнце полыхнуло в высоких перистых облаках от сверком далекого пожара. Над подоконником чуть горбилась яйцеобразная макушка каменной бабы. Дикая фантастически-

неправдоподобная догадка метнулась где-то в самых отдаленных уголках обостренного сознания. Чтобы враз покончить со вздорными мыслями, историк решительно положил ладонь на иссеченную временем голову истукана. Привычная шершавость камня — тяжелая и неживая. Глаза-самоцветы, невидимые с тыльной стороны, — наощупь гладкие и тепловатые.

Учитель недоверчиво оглядел слегка дрожащие пальцы и в полной растерянности, волочащей походкой пошел прочь из класса, бормоча под нос отрывочные фразы. Встревоженное эхо с отдышкой запричитало вслед за шаркающими шагами: «Ах-ты, боже мой! Да как же это так? Что же теперь делать?»...

Отыскать шестиклассника Бондаренко сразу не удалось. Дома сказали: вернулся чернее тучи, ужинать не стал, наспех соорудил двухэтажный бутерброд, взял удочки и отправился до утра в какую-то сидку.

Вытоптанная босыми ребячьими ногами тропинка, повихляв в камышах, вывела к заводу, где у старого шалаша догорал небольшой костерчик. Витька Бондаренко, нахохлившись, как птица на ветру, сидел на суковатой коряге и сосредоточенно смотрел на гаснущие угольки.

— Ты что, Виктор? — окликнул его учитель, радуясь, что мальчик нашелся.

Тот не ответил, засопел и съежился, словно пытаясь спрятаться в широкой — видать, отцовской — телогрейке.

— Послушай, — как можно одобрителней продолжал Кирилл Геннадиевич, подсаживаясь на корягу, — стоит ли тебе тут ночевать одному?

— А чего она?! — шмыгнул паренек носом.

— Кто она? — с деланным безразличием поинтересовался учитель, хотя наперед предвидел ответ.

— Баба ваша — кто ж еще, — жалобно проговорил мальчик.

— Баба? Откуда ты взял, что баба?

— Кто ж еще? Такого дыму поднапустила. И пожар запылила. И стрелы на меня наслала. И страстей всяких понарасказывала.

— Понарасказывала? Рот что ли раскрывала?

— Скажете тоже — рот, — чувствуя подвох, обиженно скривился Витька. — Как же она, каменная, рот могла раскрывать?

— А как же она в таком случае могла что-либо рассказать? И на каком языке? По-русски?

— Она так рассказала, будто я все сам увидел: и всадников, и стрелы, что прямо в меня летели. Но только не убивали, а отскакивали. И искры сыпались. И раненные под копытами кричали. Страшно. Я сам закричал и убежал.

— В окно?

— Не-е, черным ходом да через забор... Закопать бы его, чучело каменное, обратно в карьере, Кир Генадич. Или в реке утопить.

— Ты ведь серьезный человек, Виктор,— обнял паренька за плечи историк.— Посуди сам: утопим мы бабу — и что дальше? Нет, разобраться сначала надо. Я вот, к примеру, рядом с ней тоже стоял, а ничего странного со мной не случилось. Почему?

— Значит, вру я по-вашему! — Витька Бондаренко вскочил, как ужаленный.

— Да не дергайся ты,— ухватил его за рукав учитель.— Задача такая, понимаешь. Тайна. Почему тебе, ребенку, каменная баба наговорила всякой всячины, а мне, старику, нет? И с чего это она вдруг заговорила? Она ведь, поди, такое порассказать может! Такое порассказать — ни в какой книге не прочтешь... Вить, нам бы сходить туда еще разок — хоть на минутку. Прямо сейчас. Ты не бойся, я рядом буду.

— Я и не боюсь,— посерьезнел Витька.— Пойдемте коли нужно. И за руку меня не надо держать...

Тусклый фонарь у школьных ворот едва освещал двор, крыльцо и само двухэтажное здание. Каменное изваяние издали напоминало бревно, прислоненное к подоконнику. Даже вблизи едва различались грубые черты лица, вырубленные неведомым мастером. Левой рукой Кирилл Геннадиевич крепко прижал к себе мальчика, а правой — легонько провел по выпуклым яшмовым глазам и плоскому каменному носу.

— Видишь что-нибудь? — спросил он шепотом.— Слышишь?

— Не-а... А вы?

— Тоже ничего. Давай теперь со стороны класса попробуем.

Историк отпер школу и, не теряя времени на поиски выключателя, повел мальчика на ощупь. В Витькином классе, точно слабо просвеченные простыни, таинственно проступали оконные проемы. Учитель и мальчик выглянули в окно над головой каменной бабы и затаились. Над уснувшим селом стояла безмятежная тишина.

— Так,— Кирилл Геннадиевич опустился на парту, где столь неожиданно прервал свою работу над ошибками незадачливый шестиклассник.— Включи-ка свет, малыш.

Жмурясь от яркого света и понуро опустив голову, как будто отвечая невыученный урок, Витька Бондаренко вернулся назад и виновато уставился на листки с собственноручными писаниями.

— Кто такой князь Бус, знаешь? — поинтересовался историк.

— Не-а,— простодушно признался новоявленный летописец, подозрительно покосился на распахнутое окно и вдруг вздрогнул всем телом.— Кир Генадич, слышите?!

Поначалу учителю показалось, что он просто улавливает, как стучит сердце. Но вскоре стук перерос в мерный топот, как будто где-то неподалеку в темноте мчался табун лошадей. Сквозь тысячекопытный шквал изредка прорывались гортанные

выкрики и конское ржание. Казалось, что невидимая орда вот-вот обрушится на школу и сметет все на своем пути.

Эксперимент явно переходил границы дозволенного. Мгновенно сработало сформированное за долгие годы чувство ответственности за судьбу ребенка. Кирилл Геннадиевич одним рывком схватил хрупкое мальчишечье тело в охапку и заслонил его от окна своим грузным корпусом. Шаг, еще шаг, прыжок. Стоило им, однако, достичь двери, как грозный топот стих. Переводя дыхание, учитель отпустил оробевшего разведчика на пол.

— Что, брат, испугался? Штучка эта, выходит, с секретом. Постой-ка тут, — он сделал несколько осторожных шагов в сторону раскрытого окна и, постояв там с полминуты, улыбнулся. — Вот видишь, первый секрет раскрыт: пугает она только на близком расстоянии. Пожалуй, и второй секрет разгадать нетрудно. Только придется свет погасить. Ага! Так я и думал: озорничать она предпочитает на свету. А в темноте — камнем-каменем. Иди сюда, послушай: тишина — аж в ушах звенит. Третий секрет пока не ясен: сегодня, когда это диво каменное из карьера перевозили, тоже солнышко светило, но чудес никаких не произошло. В урочный час она что ли оживает? Теперь дружок так: тебя я домой провожу. Покамест никому ничего не рассказывай. Иначе представляешь, что за кутерьма тут завтра подымется. А за ночь я попробую кое-что предпринять. И чтоб никакой самодеятельности — ясно! Сейчас, Вить, не до шуток...

Участковый милиционер старшина Пылаев поначалу отреагировал на сообщение Кирилла Геннадиевича совершенно спокойно, поплескал воды на лицо, надел гимнастерку, поправил португую и кобуру на ремне, повесил через плечо сумку. Но по мере того, как улетучивались последние остатки сна и проснувшийся человек превращался в официальное лицо, облаченное в форму, до него все отчетливее доходил смысл происходящего.

— Дожили мы с тобой, Кирилл Геннадиевич, на старости лет. Ничего не скажешь, дожили, — рассуждал старшина. — Как теперь прикажешь поступить? Утром детишки в школу пойдут, а там им такой гостинец уготовлен. Нет, как хочешь, а страшиле твое немедля придется со школьного двора сvezти. Давай-ка прямиком к председателю — пусть трактор дает. Если надо, я сам за руль сяду — тряхну стариной.

— Оно, конечно, правильно, Серафим Тимофеевич, — пытался возражать учитель. — Однако зачем же так сразу рубить сплеча. Согласись, голубчик: случай-то из ряда вон выходящий. Потому надобно сначала во всем разобраться доскональнейшим образом.

— Нешто я против, — упрямствовал участковый. — Отвезем каракатицу пучеглазую за околицу, скинем в овраг — и разбей-райся, сколько душе угодно.

— Была она уже в овраге, даже глубже — пойми. Лежала там, под землей каменюка-каменюкой. И пока везли ее от карьера — ничего особенного. А как к стене привалили — заговорила.

— Тыщу лет, значит, каменное чучело в земле пролежало, нас с тобой дожидаясь? А что в школе триста учеников — тебя не волнует? Что их всех после наших опытов врачу придется показывать — об этом подумал? Нет, друг мой, никаких разговоров. Идем к председателю.

— Может, все-таки по-другому поступим, — не отступал историк. — Разбужу я пока Федю Волкова. Втроем мы до утра хорошенько все обозгугим да перепроверим и к восходу солнца спрячем красу ненаглядную в укромное местечко до приезда ученых из города.

— Ладно, — сдался наконец милиционер, вывел из-под навеса мотоцикл и жестом пригласил приятеля сесть в коляску.

Федя Волков, молодой учитель физики, год назад прибывший в село по распределению, оделся, как по тревоге, засуетился, забежал по комнате, приволок ящик с инструментами и принялся отбирать молоток, зубило, ручную дрель, сверла.

— Э, нет, Федор, — придержал его Кирилл Геннадиевич. — Ты что это долбить собрался? Уникальный исторический памятник? Не для того тебя будили.

Мотоцикл с треском промчался по пыльным деревенским улицам, разрезая темноту скачущим светом фары, и, влетев на школьный двор, полоснул лучом по неподвижной статуе.

— Здравия желаю, — вполголоса отрапортовал старшина Пылаев и вопросительно поглядел на историка. — Что же она молчит?

— Сейчас, сейчас, Серафим Тимофеевич. Поближе подойдем. А Федор нам окна засветит.

Федя Волков одним прыжком взлетел на крыльцо, простучал каблуками по коридору, включил в классе свет и чуть ли не по пояс высунулся из окна. Все замерли в ожидании. Но каменный страж молчал. Только в дальней-предальной темноте раздался едва слышимый шум, напоминающий то ли топот удаляющейся лошади, то ли отзвук высоко летящего самолета. Милиционер нетерпеливо пошлепал истукана по темени, оцупал яшмовые глаза, послушал, приложив ухо к груди, точно врач больного, и опять вопросительно глянул на историка.

— Ничего не понимаю, — заволновался Кирилл Геннадиевич. — Неужто разрядилась?

— Или сломалось что-нибудь внутри, — неуверенно предположил участковый.

— Нет там ничего внутри — камень сплошной, — в голосе историка зазвучали нотки безысходности. — Эх, надо было мне одному в школе остаться и записать, что еще прорывалось.

— В протокол нам теперь только осталось записать, — философски заключил старшина Пылаев. — Пойдем в школу, Кирилл Геннадиевич, раз здесь ничего больше не выстоять.

В классе он расположился за учительским столом, извлек из сумки потрепанный блокнот и принялся заполнять страницу за страницей четким энергичным почерком, изредка поглядывая на каменный горб в окне, напоминающий на фоне густой темноты невзначай забытый каравай хлеба.

— Так что мне писать? Половецкая баба или печенежская? — уточнял Серафим Тимофеевич по ходу разъяснений историка.

— Но-всякому их зовут: кто половецкими, кто печенежскими. Одно известно доподлинно: появились они в степях задолго и до печенегов, и до половцев — еще во времена скифов. И разбросаны по земле аж до самой Монголии.

— Ладно, — решил участковый, — коли ясности нет, запишем порядку ради: печенежская. Печенеги — они кто? Вроде Батыева войска?

— Да, кочевники. Но еще до монголо-татар Руси донекали. Пока их Ярослав Мудрый уму-разуму не научил.

— Так, а бабы эти каменные на какую потребу вытесывали?

— Считается, что для отправления религиозного культа или же для обозначения владений рода. Меня другое смущает: если верить тому, что нашептала наша сударушка шестикласснику Вите Бондаренко, то князь Бус, распятый с сыновьями и соподвижниками над воротами собственного града, — это владыка славянских племен, живших в Приднепровье во времена готов и гуннов. О нем упоминается в стародавней хронике иноземного летописца Иордана и в нашем «Слове о полку Игореве».

— Готы? Гунны? Кто такие? Сродственники печенегов? — нахмурился старшина Пылаев.

— Ничего общего. Нашествие гуннов случилось за полтысячи лет до появления в наших краях печенегов. Далекое незнаемое время. Четвертый век новой эры. Раннее утро русской истории. Поднепровские славяне изнемогают в жестоком противоборстве с германским племенем готов, очагами осевших от Балтийского моря до Черного и силившихся вытеснить наших предков с исконных обжитых земель. Пригласив якобы для переговоров князя Буса и славянских старейшин готский конунг Германарих отдает вероломный приказ об их пленении. После безуспешных попыток добиться покорности и подчинения русских вождей умертвляют. Немедленно последовало всеобщее восстание славян. Его огонь охватил леса и степи. Ни рвы, ни частоколы, ни подземные убежища не спасали готов-поработителей. Возмездие казалось неотвратимым. В этот момент до южно-русских степей докатилась первая волна великого переселения народов — орды доселе неведомых кочевников гуннов.

Мобильные, хорошо организованные отряды степняков на протяжении многих веков терроризировали страны Дальнего Востока и Средней Азии. В малоуспешных попытках сдерживать неукротимый напор стремительных и безжалостных конников китайские императоры воздвигли вдоль северных границ Поднебесной тысячекилометровую ленту Великой каменной стены. Но не шестиметровые монолитные стены заставили отступить гуннских владык — шаньюев. Стремясь объединить все кочевые народы, они все дальше и дальше уходили на Запад, пока не достигли Волги, а затем — и Днепра. Здесь, у порога богатых греческих городов, в сердцах собирателей кочевой империи — подвижной, как ртуть, и непрочной, как песочный замок, — вызвал инстинкт грабежа и разбоя. Разрушив Фанагорию, штурмов взяв Пантикапей (нынешнюю Керчь) и вытоптав Крым, гунны ударили в подбрюшье лоскутных владений Германариха. Все смешалось в Приднепровье. Кочевники нещадно истребляли германцев. Держава Германариха, выжженная изнутри огнем славянского восстания, исчезла с лица земли.

Русы оказались один на один с еще более сильным и коварным врагом, опьяненным легкими победами и жаждавшим новых богатств. Уже почти наяву виделись гуннам статные мускулистые невольники, белогрудые озерноокие полонянки и под стать их мягким, как лебяжий пух, волосам, перехваченным кожаными ленточками, — меха, меха, меха: бобровые, соболиные, беличьи, лисьи, волчьи, медвежьи, рысьи. Да еще мясо, зерно, мед и прочие дары природы, что для степных варваров было ничуть не менее важным, чем боспорские золото и пурпур. И уже пополз от племени к племени, от народа к народу тревожный слух: великая славянская река Днепр переименована пришлой ордой в Гуннавар — реку гуннов.

Не долго однако проплескался песеннозвонкими волнами Словутич-Гуннавар в угрюмом воображении кичливых степняков. Русские рати встали на защиту родной земли. Славянские пахари, лесовики, бортники, охотники, рыбаки одинаково свободно владели как пешим, так и конным боем (не прошли бесследно века добрососедства с искусными конниками — скифами, сарматами, аланами). Были и смертные сечи в ковыльной степи, и рукопашные схватки на высоком днепровском берегу, и засеки в лесах, и засады в дубравах, и заманивание в непроходимые болота.

В дошедших до наших дней письменных источниках нет почти ни слова о тех грозных днях. Но память народа свято хранит отголоски далекой героической эпохи. От поколения к поколению передавались предания о гуннском нашествии. В коллективном поэтическом сознании эти воспоминания слились в единый образ Соловья-Разбойника. Да-да, представьте себе. Доказательства? Пожалуйста. Многих захватчиков пови-

дала Русская земля, но только одни гунны применяли столь необычное средство устрашения, как стрелы-свистульки. Еще китайских хронистов поражало, что гуннские боевые стрелы снабжены особыми костяными шариками с отверстиями, издававшими при полете стрелы пронзительный свист. Когда одновременно выпускались тысячи стрел или орда открывала непрерывную стрельбу, поднимался такой ужасающий свист, что на ходу цепенели лошади, с неба замертво падали мелкие птицы, а ничего не подозревавший неприятель впадал в растерянность и панику. Давно это было. Но и по сей день слышны отзвуки грозного посвиста в былинах об Илье Муромце:

Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит собака по-звериному,
Запипит проклятый по-змеиному,—
Так все травушки-муравы улетаются,
Все лазуревы цветочки отсыплются,
Мелки лесушки к землям приклоняются,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат.

Ну, а что случилось с гуннами, рассказано в той же былинке: они разделили участь всех, кто посягал на Русь с мечом и разбоем. Разбившись о славянскую твердыню, гунны мутным потоком устремились в Европу, где долгие годы одно имя их вождя Атиллы наводило животный страх на детей и взрослых, на простолюдинов и знать.

Готы же отступили на Балканы, где, зализав раны, вскоре разгромили римскую армию в битве под Адрианополем. То был первый из смертельных ударов, нанесенных Римской империи. Последним стало взятие и разграбление Вечного города королем вестготов Аларихом. Великое переселение народов, как тесто, перемесило языки и людей. Канули в небытие целые племена. Но те, кого впоследствии нарекут коротким и звучным словом Русь, мужали и крепили на исконных отцовских землях, которые еще не раз удобрялись костями чужеземных захватчиков...

Менее чем через час старшина Пылаев свободно ориентировался в событиях полуторатысячелетней давности. Его блокнот пестрел вереницей дат, замысловатыми именами и непривычными названиями. Но дело с каменным дивом, преспокойно пролежавшим в земле, быть может, действительно со времен гуннского нашествия, от этого не продвинулось вперед ни на шаг. Кто, когда, с какой целью и с помощью каких знаний вытесал безногую чревоушательницу? Кому и куда передавал степной соглядатай добытые сведения? Почему, одарив впадениями мальчика и старика, каменная гостья вдруг умолкла? Ответы на эти вопросы оставались открытыми.

Кирилл Геннадиевич никак не мог свыкнуться с мыслью, что все пережитое — увиденное и услышанное — утеряно без-

возвратно и навсегда. Серафим Тимофеевич пытался успокоить старого приятеля дружеским участием. Федя Волков в продолжении степенного разговора старших ни минуты не сидел на месте. Краем уха ловя обрывки беседы, он дважды покидал класс и оба раза возвращался нагруженный различными приборами, опутал макушку каменной бабы пучком разноцветных проводов, но потом стянул их, как парик, и бросил на пол.

— Как там у тебя? — поинтересовался участковый.

— Глухо, — мрачно посетовал Федор.

Но какая-то идея явно не давала покоя молодому физику.

— Кир Генадич, надо утра подождать, — наконец решительно заявил он. — Вот взойдет солнце, согреет нашу летающую Снегурочку, и посмотрим еще, какие песни она запоет. А не оживет — что ж: разве нет других объяснений?

— Каких объяснений, Федя? — вяло отреагировал историк. — Чем они помогут?

— Представьте, Кир Генадич, — продолжал юноша, — что папи неопознанный и нелетающий объект функционирует только в ограниченные промежутки времени или находясь в определенном месте и в строго заданном, скажем, вертикальном положении. Почему, к примеру, наша барышня молчала до той поры, покуда не очутилась под окнами школы? Очень просто: она молчала до тех пор, пока ее не поставили стоймя. А почему каменная вещунья, проговорив некоторое время, неожиданно смолкла? Да потому, что пророчествовать она способна, не просто глядя в небо, а будучи направленной в определенную сторону или точку пространства. Изменится направление — каменная пифия умолкает. Еще изменится — заговорит.

— Что же она, по-твоему, головой вертит, как сова? — недоверчиво уточнил участковый.

— К чему такие неудобства, Серафим Тимофеевич? — пуще прежнего разгорячился Федор. — Она вместе с Землей вертится. Земной шар вращается? Следовательно, меняется и направление, куда устремлена каменная голова. Значит, вполне возможно, что где-нибудь в ночном или дневном небе есть место, откуда корректируется работа истукана.

Старшина Пылаев аж крикнул от неожиданности, моментально сообразив, насколько подобное предположение запутывает его и без того усложнившиеся милицейские заботы. Кирилл Геннадиевич уставился на молодого коллегу изумленными глазами. А Федя Волков, окрыленный догадкой, продолжал развивать начатую мысль. Разрозненные доводы выстраивались в стройную цепь, разворачиваясь быстро и неумолимо, как спущенная пружина.

— Нисколько не удивлюсь, — закончил он свой поразительный монолог, — если после заключения экспертов окажется, что в момент наибольшей активности голова каменной чудесницы

направлена куда-нибудь к центру галактики — средоточию неразгаданных законов природы.

— Ты, Федор, думаешь, что говоришь? — к Кириллу Геннадиевичу вернулся дар речи. — Причем здесь галактика? Мало нам земных проблем и тайн?

— По-вашему логичней предположить, что это древние кочевники создали устройство, далеко превосходящее технические возможности современной цивилизации?

— Значит, долой земную историю? Да здравствуют неведомые космические хронисты, составляющие всегалактическую летопись?

— Стоит ли так рассуждать: «или — или»? В мире все завязано в один тугой узел — судьбы Земли и Вселенной, истории и природы. Сколько бы стрел ни просвистело в небе, а стрела времени одна. Казалось бы, скользящий меч времени навсегда отсекает прошлое от будущего, но природа распоряжается иначе, позволяя прошлому вновь и вновь соприкоснуться с настоящим.

— Как это? — вырвалось у старшины.

— А разве сегодня не повстречались мы с далеким прошлым? И не на наших ли глазах информация полуторатысячелетней давности унеслась в неведомое будущее, где когда-нибудь кто-то встретится с далеким прошлым Земли.

— Кто?!

— Взгляните внимательней за окно, Серафим Тимофеевич. Возможно, наша таинственная гостья как раз и выполнена по образу и подобию тех, кому она так спешила передать старую-престарую информацию. Кто знает, когда появился этот каменный ретранслятор в южнорусских степях. Скорей всего много тысячелетий назад. Потом уж примчались кочевники и наловчились вытесывать из камня точно таких же идолов, о назначении которых даже не подозревали.

— По крайней мере один аргумент в твою пользу допустить готов, — поддался на какой-то миг учитель истории. — Насколько мне известно, бабы с самоцветными глазами до сих пор не попадались. У нас за окном уникальный экземпляр. Хотя более вероятно другое объяснение. Вставные глаза у каменных идолов — вполне заурядное явление, но те, что открыто стояли по бескрайним степям, в конце концов стали жертвами обычного грабежа. За исключением нашей: попав в землю, она пролежала нетронутой пятнадцать веков. Неужто, по-твоему, у степняков не хватало фантазии, чтобы вытесать такой примитив?

— Фантазии у всех хоть отбавляй. Нам же необходимо понять природу необычного явления, о котором пока одно лишь ясно: ни в какие известные рамки оно не вписывается. Остается вырваться за пределы известного. Вселенная — не чуждый нам мир. Она — не мозаика звезд и галактик, не хаос атомов и квантов энергии. Она — единое целое, а мы, люди, — неотъем-

лемые элементы этого целого. И Земля — не изолированный остров в безбрежном океане Космоса, она внутри его, как точка плода. Возможно, и каменное диво, подслушивающее за окном, — не случайная соринка, занесенная в наши края невесть каким ветром, а важный потерянный узел в системе вселенной связи. Знаете, почему человечеству до сих пор не удалось установить контакт с собратьями по разуму? Потому что мы ориентируемся совсем не на те связи, присущие целостному материальному миру. Вот погодите: взойдет солнце и...

...А когда взошло солнце и вонзилось неокрепшими лучами в холодную пелену утреннего тумана, в окне, как на мерцающем экране телевизора, зашевелились мягкие пастельные цвета. Они то сливались в флуоресцирующее грязно-зеленое месиво, то распадались на медленно перемещающиеся геометрические фигуры, то неожиданно складывались в связанные объемные картины. Три человека, словно каменные изваяния, застыли там, где их застали проносящиеся видения. Каждый старался не упустить ни малейшей детали, но никто не подозревал, что видят они **СОВСЕМ НЕ ОДНО И ТО ЖЕ**.

Старый учитель истории, который сидел ближе всего к окну, вновь услышал грозный тысячекопытный топот, прерываемый гортанными криками и лязгом мечей. Пригнувшиеся к гривам коней всадники в островерхих шапках разворачивались лавой, пуская перед собой тучи стрел.

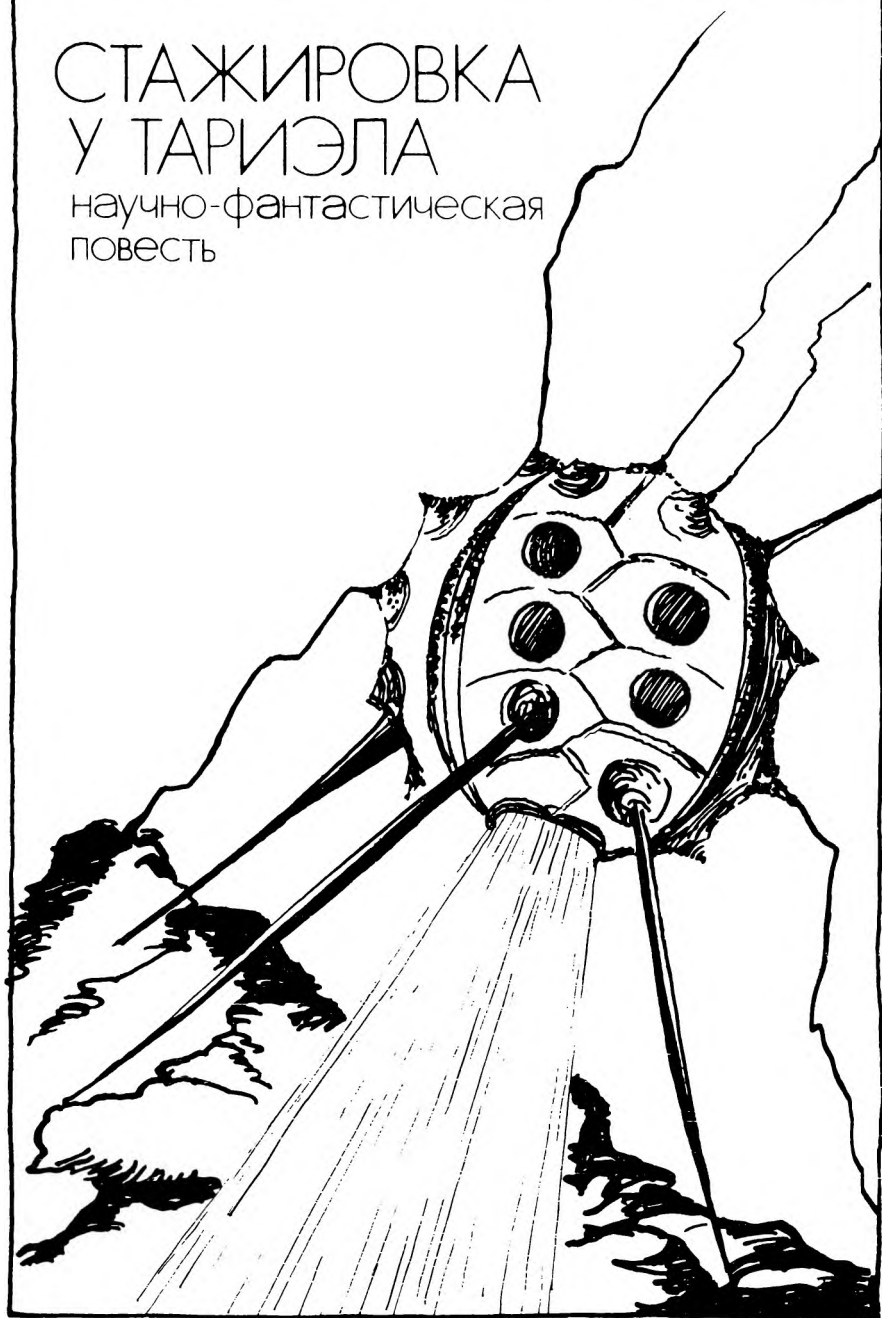
Молодой учитель физики, сидевший чуть подаль, увидел горящие звездные вихри, которые на глазах сворачивались в галактическую спираль. Казалось, он осязал собственной кожей материальную плоть этих космических рукавов и явственно ощущал неотделимость частички своего «я» от непрерывного круговорота материи и неизбежного потока времени, а пробуждающееся космическое чувство позволяло безо всяких усилий представить происходящее в далеких уголках Вселенной.

Участковый уполномоченный Серафим Тимофеевич по-прежнему сидел за учительским столом перед раскрытым блоком. Ему привиделись оплетенные молниями огненные колеса, бесшумно катившиеся откуда-то с выпшин и таявшие, едва достигнув распахнутого окна, где черепаховым панцирем горбилась макушка псевдопеченежского идола. В круговерти огня и красок то и дело проступали безмолвные лики каких-то неземных существ, отдаленно напоминавших своими непропорциональными чертами каменную бабу. Пухлые губы оживших истуканов безвучно шевелились, а сквозь немигающие вежды светился осмысленный взгляд, обращенный к земному собрату. И старшине Пылаеву вдруг почудилось: еще немного — и он поймет этот безголовый язык...

Москва, 1982.

СТАЖИРОВКА У ТАРИЭЛА

научно-фантастическая
повесть

Тигропитомник на Амуре: Азмун (2.VII. 8-20 по общему времени).

Тигр замер, широко расставив передние лапы, готовый то ли прыгнуть, то ли отступить. Он впервые видел так близко человека, столь неожиданно появившегося на его пути. Босой и оголенный до пояса юноша с мокрыми от купания волосами смотрел тигру прямо в глаза, улыбался и, похоже, не собирался уступать дорогу.

Азмун улавливал смятение зверя и ждал, когда тот оправится от неожиданности и сделает выбор. Если тигр бросится, Азмун успеет выдернуть предохранительное кольцо на поясе и тогда... Он еще шире улыбнулся, вспомнив, как в прошлые каникулы в Коралловом море его атаковала акула: защитное поле отбросило ее, точно теннисный мячик.

Тигр продрался к водопою сквозь чащу кустарника; вся шкура его была облеплена репьями и растительным сором, что придавало зверю вид большой взъерошенной кошки, которую потрепали невесть какие псы. Он никак не мог взять в толк, почему низкорослый человек ведет себя так безбоязненно. Однако опыт соприкосновения с людьми, наблюдавшими за животным миром окрестных лесов, подсказывал властелину тайги, что человека — даже если он подросток, — лучше обходить стороной. Здравый смысл победил и на сей раз: грозно рыкнув — больше для подкрепления собственной уверенности, чем для острастки, — хозяин таежной округи трусливо попятился и как-то боком, с поджатым хвостом втиснулся назад в колючий кустарник.

Азмун вернулся на берег реки, где оставались его сумка и снятая одежда. Купаться больше не хотелось. Он развернул скатанный в плотный рулончик мягкий, похожий на полотенце экран, пристроил его на ветке молодого деревца, переключил регулятор шлемофона на «прием», а сам растянулся поодаль на песке и принялся ждать, поминутно жмуря свои чуть раскосые миндалевидные глаза от теплых лучей нежгучего предвечернего солнца. До встречи с Учителем оставалось минут двадцать. Азмун с радостью предвкушал скорое возвращение к привычному интеллектуальному напряжению и азарту творческого поиска, стараясь предугадать предстоящее задание.

Ягодные плантации близ Астрограда: Вадим (8-40).

Солнце приближалось к зениту. Вадим парил высоко над землей. Он то выключал антигравитацию и камнем падал вниз, то вновь включал управление, и невидимая сила, точно катапульта, подбрасывала его в поднебесье. Эластичный скафандр плотно облегал тело, но не стеснял движений. Внизу несколько автоматов обрабатывали широченные гряды клубники. Слева четким контуром прорезались очертания большого города.

Сделав последний кувырок, Вадим спланировал прямо на крышу одного из комбайнов. Несмотря на предположенный зной, она была прохладной, как валун, покрытый утренней росой. Плотная матовая поверхность, возвышавшаяся меньше чем на полметра над ровными темно-зелеными кустами, чуть вибрировала от работы скрытых моторов и приятно щекотало тело.

Распластавшись у самого края, с той стороны, где грядки оставались необработанными, Вадим поймал несколько спелых кроваво-красных ягод и вдохнул из горсти сладкий аромат. И тотчас же из каких-то неведомых уголков памяти возникли самые что ни на есть детские, чуть ли не ясельные воспоминания: он и множество других мальчишек и девчонок сидят вокруг низкого расписного стола, сплошь уставленного тарелками с клубникой, сдобренной сахарной пудрой и взбитыми сливками.

Он умышленно выбрал для связи эту удаленную плантацию, предпочитая уединение сутолоке переговорных залов. Здесь, вдали от города, ему никто не мешал, а энергополе уборочного комплекса позволяло получить объемное изображение. Юноша принялся было расчитывать, в какую сторону лучше направить поток принимаемых сигналов, но потом сообразил, что, дойдя до конца грядки комбайн все равно повернет назад. Вадим даже ухмыльнулся, представив висящее в воздухе объемно-поясное изображение Наставника, которое описывает полукруг при повороте машины.

Все — каникулы закончились. Целый месяц промелькнул, как один день. Позади и двухнедельное плавание вокруг мыса Горн, и поездка в Марафонский мемориал, и долгие часы в архивных залах, тишину и особый книжный запах которых он так любил. Последние каникулы в его жизни и всех, кто месяц назад расстался со школой. Теперь начинался новый этап — индивидуальное обучение под руководством опытного Наставника, одного из многотысячной армии добровольных учителей, кто ежегодно набирал себе воспитанников из числа окончивших школу первой ступени.

Рыбзавод на Арале: Батыр (8-45).

Уже давно Батыр уговорил отца, чтобы тот позволил ему воспользоваться центром управления пятого цеха для выхода

на первую учебную встречу. Хотя система связи здесь была самая обыкновенная, подчиненная исключительно производственным нуждам, да к тому же еще и выдавшая виды,— зато она, как полагалось, была многоканальной и позволяла моментально связываться с разными точками и переговариваться со многими людьми.

Батыр пришел заблаговременно, проверил экраны, включился в главную сеть, сообщил свой номер и стал ждать вызова, утонув в глубоком кресле. Сквозь прозрачные полуovalные стены во все четыре стороны открывалась панорама цеха. Всюду, куда ни глянь,— стройные ряды автоматов, бесшумно скользящие ленты конвейеров, деловито снующие автопогрузчики. Десятки тысяч полупрозрачных консервных банок сверкали на транспортерах, как чешуя гигантского морского змея, и двигались стройными рядами, подобно перестраивающимся латникам. А прямо перед глазами — табло, мельтешащие цифрами, россыпи кнопок и клавишей, телеэкраны ближней и дальней связи.

Конечно, чаще всего Батыр поглядывал туда, где, по его расчетам, должна была появиться Лайма. Как и с остальными друзьями, он не виделся с ней с самого выпускного вечера, когда их класс в последний раз собрался в полном составе: по окончании школы первой ступени, ученики разбивались на небольшие группы по три—четыре человека и после месячного отдыха отправлялись на стажировку.

В тот вечер Батыр впервые увидел Тариэла. Он стоял в общей массе гостей, выделяясь среди других смуглотой, высоким ростом и длинными волосами. Все разом узнали это спокойное и вместе с тем суровое лицо, которое еще недавно мелькало почти в каждой передаче новостей.

Но больше всего в тот день Батыра волновало другое: он попал в разные группы с Лаймой. Поэтому как только завершился торжественный акт и ученики кучками собрались вокруг новых воспитателей, Батыр решительно направился к высокому смуглому космонавту, который о чем-то вполголоса беседовал с Лаймой и, прервав разговор, твердо сказал: «Учитель, я хотел бы заниматься с тобой». Тот внимательно взглянул на юношу большими, черными глубокими, как бездна космоса, глазами и ласково сказал: «Спасибо, друг, я выбрал троих, но рад, что теперь вас будет четверо». То была их первая и до сих пор единственная встреча с Наставником.

Лесопарк на балтийском побережье: Лайма (8-50).

Она почти бегом пересекала площадь — наискось от памятника героям Прорыва к центру Земли, мимо метроспуска, откуда плавно выносило непрерывный поток людей. По тенистым

аллеям, звездой сходящимся к памятнику, движущиеся трогуары несли встречные людские реки.

Дворец связи находился здесь же, на площади, но Лайма чувствовала, что опаздывает. Хотя до встречи с Учителем оставалось минут десять, надо было успеть еще сдать свой жетон, подняться наверх в учебный зал, найти свободную кабину и набрать нужный код. Ох, как неловко и стыдно опаздывать на первую же встречу. Что подумает Тариэл, когда на его вызов ответит красный сигнал? А что скажет? Это ведь не Батыр, который уже заранее подготовил бы очередную плоскую шутку, что-нибудь вроде: «Если девчонка не научится опаздывать, она никогда не станет женщиной. С природой шутки плохи — к ее законам лучше приспособливаться, нежели пытаться их изменить».

Но что скажет (опоздай она хоть на пять секунд) человек, который привык к четкой работе сложнейших механизмов и действия которого еще совсем недавно старалась предугадать вся Земля, чтобы на любой его запрос мгновенно отреагировать всей мощью и мудростью планеты. Да что там планеты — все околосолнечное пространство было в полной готовности, когда обессиленный звездолет с единственным оставшимся в живых командиром оказался наконец досягаемым для спасательных команд.

Месяц назад по окончании школы девушка поначалу с трудом могла поверить, что знаменитый капитан звездолета «Алишер», чье безрадостное возвращение на Землю вот уже больше года находилось в центре внимания всей Земли, и есть их новый Наставник. Он как-то бережно погладил длинные пушистые волосы Лаймы, вздохнул и добавил: «Единственно, о чем жалела Радмила: что у нас нет детей». От этих слов пахло горькой безысходностью древних трагедий, отчего подростки, стоявшие вокруг, сразу примолкли и посерьезнели. Но Наставник не дал ученикам расстроиться и, дабы не поблекли краски прощания со школой, перевел разговор на другую тему.

Космоцентр в Бюракане: Тариэл (8-55).

Ему хотелось сосредоточиться перед началом беседы. Что сказать ученикам — он решил давно, но каким тоном это будет сказано — зависело от настроения последних минут. Вся жизнь его состояла в том, чтобы ставить задачи другим (и решать их вместе с другими). Он привык отдавать команды четко, почти автоматически, и, отдавая их, уже думал о результатах исполнения, заранее вписывая эти результаты в целостное представление о ситуации и основывая на таком полуинтуитивном прогнозе все последующие действия. Но нужен ли сейчас этот с годами приобретенный опыт? Не лучше ли припомнить собственное детство

и своего первого Наставника? Наставника — который не столько наставлял, сколько направлял, советуя, если нужно, незаметно и неназойливо.

Решение — всегда поиск, а в поиске все равны. Тем более — что найти воспитанникам нужно самих себя. Но разве и не ему тоже? Спрашивая их — разве не будет он одновременно спрашивать и самого себя? В который раз! И с каждым днем — все ожесточенней. Этот беспощадный самосуд терзавший его еще по дороге на Землю. Здесь он — герой, и каждый скажет, что он принял единственно возможное и единственно правильное решение. Он тоже это знает — как никто другой. Но откуда же тогда такое отвратительное чувство: что он никогда больше бы не смог войти в рубку космического корабля? Почему и спустя год после возвращения на Землю по-прежнему продолжает сверлить его один и тот же вопрос: «Правильно ли?»

Этот вопрос, как Эриния — Ореста, будет теперь преследовать его по пятам всюду и всегда. И что же теперь — идти с ним к ученикам? Нет, он, конечно, не станет спрашивать их: правильно ли он поступил, потому что ничего, кроме «правильно» ему не ответят. Зато он может спросить: «А как бы поступили вы на моем месте?» Спросить не сразу, нет, а как-нибудь потом, когда каждый мысленно проживет его жизнь по своему. Тогда, быть может, и заранее известный ответ прозвучит совсем по-иному?

Но вправе ли он спрашивать об этом четырнадцатилетних — уже не детей, но еще и не взрослых? Конечно, он волен проводить уроки нравственности как считает нужным. Но верно ли будет обращать личную и общественную трагедию в игру или задачку на смекалку? Хотя сомнения и укрепляют характер, его задача куда более важной — воспитание чувства долга, о котором ученики имеют пока что лишь общее представление. А нужно, чтобы оно вошло в их плоть и кровь, чтобы, став взрослыми, они везде и всюду умели действовать в соответствии с долгом.

В руководствах по педагогике и психологии это чувство именуется феноменом Куликова поля (по месту стародавней битвы между ордой захватчиков и насмерть ставшими против нее русскими воинами, которые шли на бой с глубоким осознанием долга — не только перед оставленным домом и семьей, но и перед всем народом и будущим Родины). Поэтому психологически Куликово поле — не та давно перепаханная земля и не холодные росы на поблекшей траве, которые далеким осенним утром разделяли две замершие в ожидании рати. Куликово поле — оно и в сердце, и в памяти. В жизни каждого человека бывает свое Куликово поле — тот незримый никем оселок, проверяющий людскую зрелость, когда от решений и поступков человека зависит судьба настоящего и будущего, когда он вдруг ощущает

сопричастность к незнакомым людям и событиям и поступает так, как велит ему долг.

Но это чувство не прирожденно — оно выковывается в процессе мужания и осознания себя гражданином человечества. Помочь окрылиться еще не научившимся летать — и есть главная задача воспитателя. Более важной цели сейчас нет! Все необходимые знания получены в школе, остальное — приобретается путем самообразования. Любая информация — доступней, чем воздух. Но умения осваивать ее и использовать, еще мало, чтобы стать взрослым. Человек остается человеком. Он — не бездушный компьютер, поглощающий и перерабатывающий информационные Монбланы.

Простая истина: как бы не было совершенно общество — дети приходят в этот мир, ничего не зная о нем, и застают такую систему отпущений и ценностей, которые сложились задолго до их появления на свет. Каждому новому человеку приходится снова повторять весь путь индивидуального развития: учиться сосать грудь, держать ложку, стоять на ногах, ходить, читать, управлять автоматами и, наконец, самое сложное — владеть собой: уметь понимать не только себя, но и других, жить интересами общества, как и своими собственными, учиться культуре чувств, любви, самопожертвованию. Никогда не было и не будет более возвышенной и благородной задачи, чем воспитание Человека! Поэтому Тариэл несколько не колебался, когда ему предложили подобрать группу стажеров среди окончивающих школу первой ступени. Рано или поздно это ожидало всякого. Не вина Тариэла, что ему пришлось взять на себя такую обязанность несколько раньше, чем было принято...

Тихое жужжание зуммера, прервав его мысли, просигналило, что пора выходить на связь.

Встреча: 9-00.

Тариэл не любил объемных изображений. Сказывалась привычка, приобретенная в длительном космическом полете. Среди мерцающих рядов прямоугольных экранов — как в командном пункте звездолета — он чувствовал себя уверенней. А бесплотные призраки объемных изображений — особенно, когда их было несколько, — отвлекали и раздражали своей неправдоподобной скученностью. Поэтому он предпочел допотопную экранную систему со множеством кнопок и тумблеров самым современным залам, где в тишине и полумраке парили голографические призраки.

Движением пианиста Тариэл нажал сразу четыре клавиши. Возле каждой были наклеены рисунки различных деревьев — тех самых, которые посадили родители в день рождения своих детей и к которым теперь ежегодно каждый из них прибавлял

по одному саженцу: Азмун — лиственницу, Вадим — ясень, Батыр — чинару, Лайма — сосну. Всего пятнадцать деревьев на каждого (самое большое — родительское) — не скоро же еще им гулять по своим аллеям. Это у него в Приэльбрусье целый ореховый лес, сажаемый, правда, всей семьей, но там целая делянка и с его монограммой. Пока он отсутствовал братья и друзья каждый день рождения собирались, чтобы посадить новое дерево.

В глубине экранов на серебристом фоне возникли лица учеников. У всех был озабоченно-сосредоточенный вид, один Азмун улыбался восторженно и белозубо. Глядя на жизнерадостного нанайца, Таризэл тоже улыбнулся в ответ и чуть помедлив, произнес, обращаясь ко всем:

— Я рад, что мы снова вместе друзья. Месяц — большой срок, и наверное каждому есть о чем порассказать. Но только двое, не считая меня, могут видеть и слышать всех сразу. Так что подготовленные доклады откладываются до следующего раза. Вам все равно придется собраться вместе для выполнения первого задания. Не обессудьте, ребятки, но я выбрал то, что знакомо мне лучше всего: космоплавание. Предлагаю проиграть экспедицию на Муаровую планету. Прежде всего разберитесь с исходным материалом. Я договорился с Астроградом, чтобы вам выделили отдельный канал и предоставили всю необходимую информацию. Подумайте сами, кому координировать работу и докладывать о согласованных решениях. Если что-либо покажется неясным — общий вызов через час. Вот и все пока. Желаю успеха, друзья.

Таризэл подбадривающе кивнул головой так ничего и не успевшим сказать воспитанникам и дал отбой, с сожалением наблюдая как изображения на экранах превращаются в мгновенно тающие точки. Глядя на них с грустью он подумал: «Вот и еще четверо ушли в неизвестность, в конце которой — неизбежный тупик».

Азмун.

Он кубарем скатился к лодке и включил поле на полную мощность. Пепельно-серый корпус легко приподнялся над водой и молниеносной тенью заскользил вдоль берега.

Вот так урок! Еще пять минут назад все рисовалось ему совсем в ином свете. Азмун полагал, что, получив персональное задание, тщательно и неторопливо обдумает его здесь, в тиши заповедника, и после захода солнца вернется домой — если не с готовым решением, то уж во всяком случае — с четким планом действий. А теперь? Все перевернулось с ног на голову. Вот тебе и стажировка! Вот тебе и самостоятельность! Впрочем, самостоятельности то, получается, хоть отбавляй.

Одно плохо: намечается мозговая атака, а он оказался дальше всех — в самой глуши Тигропитомника, да к тому же — на другом конце континента. Полчаса — до базы, еще полчаса — до ракетододрома. Между прочим, нужно еще попрощаться с родителями. На ракетоплане, по крайней мере, нормальная связь. А пока что он принужден пассивно слушать, как переговариваются остальные и лишь изредка и односложно отвечать, когда срабатывает вызов.

В наушниках переливался звонкий голосок Лаймы:

— Мальчики, как хотите, а замыкаться придется на меня. На комплексах — только я и Батыр, но Батыра пустили к заводскому пультау ненадолго. И потом как галантный кавалер он все равно не может не уступить даме.

— У-у, тарактелка,— раздосадованно проворчал Азмун,— раскомандовалась. Между прочим полагается проголосовать, а я — за Вадима. Как это он ухитрился оказаться в Астрограде без хорошей связи. Загорает, поди, где-нибудь. На Батыра вообще надежды нет: он кроме Лаймы своей ничего больше не видит. Вот и выходит: девчонка всех взяла в оборот. Будет теперь стрекотать, слова не даст выговорить — хоть наушники отключай. Где же Вадим? Эх, жаль: есть связь — да не та.

Вадим.

— Кажется, обошлось,— с облегчением вздохнул Вадим,— умища Лаймочка: все взяла на себя. А то он уж совсем приуныл: решил, кто ближе всех к Астрограду — тому и быть координатором. Но счастье, что всегда найдутся желающие управлять и командовать. А Лайма — как будто рождена для этого. Интересно, кем она станет в будущем? Корректировщиком группы поиска? Диспетчером космической цепочки? Управляющим производственным циклом? Или прекрасным воспитателем в школе, которого всю жизнь, как родную мать, будут вспоминать многочисленные ученики?

Он же не любил ни суеты, ни чрезмерного внимания, предпочитая находиться чуть-чуть в стороне. Не отрываться — нет, ни в коем случае. Но выбирать позицию, позволяющую увидеть коллектив и его действия и изнутри, и как бы с возвышения. Не только житейские ситуации — любые проблемы виделись ему всегда в многообразии неисчерпаемых связей и отношений, в переплетении с порождающими причинами и возможными следствиями.

Вот и сейчас он размышлял прежде всего не о выборе или отборе информации (об этом позаботится Лайма, и, надо полагать, выполнит свою задачу наилучшим образом), а о цели задания, о которой Таризл пока ничего не сказал. В каком же тогда разрезе осмысливать информацию, которая вот-вот обру-

шится на их головы. Они ведь не «робики» какие-нибудь — бездумно и безостановочно впитывать все, что угодно. Однако даже роботы руководствуются вполне определенными программами.

Что ж, пока ясно одно: раз им ничего не сообщено о сути задания, значит, в этом и состоит замысел Тариэла, по крайней мере — на ближайший час. Скорее всего, он предпочитает сначала выяснить организованность коллектива, его интеллектуальные потенции. И в зависимости от первого результата определить сложность и направление всего задания.

Проиграть экспедицию к Муаровой планете проще всего. Подробные отчеты о ней и обработанные выводы комиссий хранятся в памяти десятков информационных систем. Все факты известны, наверно, каждому ребенку (все, кроме одного — главного: почему погибла экспедиция — до сих пор толком не знает никто; три комиссии, работавшие после возвращения «Алишера», оставили вопрос открытым). Но Тариэл посчитал нужным, чтобы был выделен специальный канал Астрограда. Значит, имеется в виду какая-то дополнительная, на первый взгляд, возможно, второстепенная информация. Вот что надобно не упустить. Не отсюда ли потянется ниточка, которая позволит размотать весь клубок? Пусть Лайма пока что извлекает и передает информацию, какую сочтет нужной. Он же тем временем вернется обратно в город — поближе к главному источнику. Впереди — целый час.

И высоко взмыв высь над залитыми солнцем полями, Вадим полетел в сторону искрящихся на горизонте окон высотных башен.

Батыр.

Он поудобнее устроился в кресле. На экране оставалась одна Лайма, и Батыр восторженно любовался плавными, точно в медленном танце, движениями ее рук и головы. Не так ли смотрел Тариэл на свою Радмилу, еще не зная, что через мгновение связь между ними оборвется навсегда.

Загадочная и непостижимая гибель: сначала исчезла разведгруппа, опустившаяся на Муаровую планету, а затем и Радмила — жена Тариэла, посланная с орбиты на помощь и для выяснения причин катастрофы. Впрочем, уместно ли здесь слово «катастрофа»? «Аннигиляция», «дематериализация», «превращение в ничто» — вот какие слова звучали чаще всего в экстренных сообщениях да и в выводах комиссий, которые так и не смогли прийти к какому-то определенному и приемлемому объяснению.

И лишь рука скульптора дорисовала то, что никак не вмещал разум: в Астрограде на Аллее Ушедших вознесся к небу

поэтический памятник экипажу «Алишера». Внизу — размытая группа космонавтов, таявших, точно льдинки под весенними лучами, сливалась с гранитом и как бы растворялась в камне, а сверху, протягивая руку помощи, чайкой устремляется к ним Радмила, бросающая прощальный взгляд назад в космос, туда, где на орбите Муаровой планеты остался корабль Земли.

Таризла нет в скульптурной композиции — живым памятники не нужны. Но если бы Батыр был художником, он обязательно запечатлел Таризла и Радму, выразив их возвышенную любовь в виде трагических символов — в образах Паоло и Франчески: тень Франчески-Радмы уносится неведомой силой в неизвестность, а вслед за ней беспомощно протягивает руки Паоло-Таризл.

Прекрасная жизнь — трагическая судьба. Смог бы кто-нибудь еще пережить такое? Батыр представил на месте Таризла себя, а на месте Радмилы — Лайму. Нет, он предпочел бы погибнуть вместе с ней или вместо нее, чем остаться в живых и до конца дней своих слышать в ушах предсмертный вскрик.

Между тем Лайма закончила все приготовления и глянула с экрана прощанием взглядом мадонны Рафаэля.

— Приготовьтесь, мальчики, — тихо произнесла она.

Батыр едва успел надеть шлемофон — как из Архива Астрограда стала поступать первая информация.

Лайма.

Святая святых планеты — космический центр Астрограда отозвался без промедления и буднично, вроде кухонного робота. Бархатистый, приветливый голос действовал успокаивающе, и все же Лайма испытывала небывалый прилив радости, гордости и вместе с тем — особой ответственности за себя и за всю группу.

Сейчас она почти бессознательно отождествляла себя с той навсегда ушедшей женщиной, чья молодость и обаяние навсегда сохраняются бесстрастной видеозаписью. Пройдет сто, тысяча лет, а нестареющая Радмила все также будет смотреть с экрана, соединяя прощальным взглядом даль времен и небытия с реальной жизнью нынешних и будущих, поколений, как бы говоря: «Я до конца выполнила свой долг. Я не могла иначе. Я знаю: каждый на моем месте сделал бы то же самое».

Лайма читала эти слова в глазах женщины, которая оставалась живой в мотках видеопленки, в дорожках звукозаписи, в колонках расчетов, страницах дневников, аккуратно написанных ее рукой. И девочка, которой еще только предстояло стать взрослой, пройти свой собственный жизненный путь, — напряженно следила за каждым шагом отважной астронавтки на

пути к далекому скоплению звезд, а затем — навстречу гибели, которая ждала ее на коварной планете.

За скупыми, обрывистыми командами и сообщениями, скрупулезно зафиксированными самописцами звездолета, Лайма пыталась уловить мысли и чувства Радмилы в тот последний, решающий час. Но переживая трагедию, разыгравшуюся в далеких глубинах Вселенной и, дорисовывая в воображении скорее всего то, чего не было на самом деле,— Лайма вновь и вновь задавала себе один и тот же, самый главный, вопрос: а как бы поступила она на месте погибшей,— тем более, что в учебной игре, затеянной Таризлом, она была единственной женщиной, как и Радмила, в экспедиции к Муаровой планете.

Из Большого космического справочника: том 42, часть III (резюме):

МУАРОВАЯ ПЛАНЕТА — в звездном скоплении RX-16. Открыта в ходе автоматического полета космического тралыщка «Ронсар». Попытки прямой локации дали 99% искажения. Первые фотографии с помощью фотоопного телескопа были получены во время группового полета системы «Плеяда». Снимки, сделанные с промежутками от 5 минут до 10 секунд показали, что хаотичные переплетения многоцветных узоров па поверхности планеты (на основании чего ей и было дано название) находятся в непрерывном изменении. Диаметр планеты — 0.8 земного. Атмосфера отсутствует.

Первый спектральный анализ поверхности показал наличие в химическом составе планеты щелочноземельных металлов. Однако повторный спектральный анализ спустя около полугода не подтвердил первоначальных данных и констатировал в химическом составе планеты преобладание металлов группы хрома—урана. Столь резкие расхождения двух замеров, не являвшихся результатом поломки приборов или ошибок при обработке полученной информации, обусловили повышенный интерес к систематическим наблюдениям за Муаровой планетой, которые привели к выдающемуся открытию: на поверхности и в недрах Муаровой планеты происходит быстрое и непрерывное взаимопревращение элементов — преимущественно металлов.

Природа подобной космическо-масштабной реакции не известна. зафиксирована впервые и более нигде не обнаруживалась. В попытке разгадать таинственное явление и разрешить споры о его происхождении, а также с учетом огромного хозяйственного значения возможных результатов к звездному скоплению RX-16 был направлен звездолет «Алишер» с экипажем в пять человек, который в срок достиг Муаровой планеты и в течение месяца успешно проводил наблюдения, находясь на орбите.

Образцы самородных металлов, доставленные с поверхности планеты космическим «челноком» и показания оставленных там приборов мало что прибавили к ранее известным фактам. Разведгруппа в количестве трех человек, выбрала место для посадки в районе, где производилось глубинное автоматическое бурение. Спуск прошел строго по расчету и с соблюдением всех мер предосторожности (использовалась трехслойная защитная муфта со встречными полями). В условиях неожиданных сильных помех связь с разведгруппой прервалась через три минуты после приземления и более не возобновлялась. При попытке спасения людей была использована аварийная установка типа «морской еж» с космонавтом на борту.

В районе запланированного приземления разведгруппа отсутствовала. Ранее доставленные приборы оставались на местах и находились в рабочем состоянии. Никаких следов ввиду беспрестанно меняющегося цвета и состояния поверхности — не обнаружено. Через пять минут после поступления первой информации связь с аварийно-спасательной установкой прекратилась. Автономный зонд-корректировщик, следовавший впереди «морского ежа», зафиксировал полное исчезновение спасательной установки и находившегося в ней человека (при этом флуктиометр уловил сильное возбуждение вакуума). Через три месяца после использования всех имевшихся в его распоряжении средств единственно оставшийся в живых командир звездолета «Алишер» был вынужден оставить Муаровую планету и вернуться на Землю.

Из устава космической службы:

...В случае высадки космонавтов на незнакомую планету или другое космическое тело командир звездолета не имеет права покидать корабль, с которого он осуществляет общее руководство операций.

... При аварийной ситуации или других чрезвычайных обстоятельствах командир корабля покидает космический корабль последним.

... Командир звездолета не имеет права покинуть гибнущий корабль прежде чем передаст на Землю информацию о случившемся.

... Командир не может покинуть корабля до тех пор, пока не использует для спасения людей все имеющиеся в его распоряжении возможности, вплоть до аварийной энергосистемы.

Из личного дневника капитана звездолета «Алишер» (магнитозапись):

Рада спит безмятежно — как бывало в предрассветные часы дома на Земле. Последние пять минут покоя. Последние мину-

ты целительного сна. Еще немного — и бездушный робот напомнит, что время не ждет.

Два часа сна — это лекарство. Трое бессонных суток в попытках возобновить связь с разведгруппой. Отправление запасного «челнока» с аварийными средствами, попытки бурения на месте исчезновения экспедиции, глобальная радиолокация и нейтриноскопия планеты — все тщетно: никаких сигналов, никакого ответа. Люди словно испарились вместе с танкеткой. Или — провалились в тартарары.

Остается — «морской еж». Час — расконсервация, час — проверка аппаратуры и энергоблоков. А значит, два часа — лекарство для Рады. Наверное, ей снится Земля: синее-пресинее небо и слепящая белизна облаков. Последний спокойный сон. Спокойный — потому что все уже решено и взвешено. Спокойный — потому что проснется она с тем чувством, которое всегда внушает человеку уверенность и придает ему силы в любых — даже самых немыслимых ситуациях. Это — осознание выполняемого долга. Долга перед человечеством — во имя которого они все прилетели сюда и долга — во имя людей, которые уже, быть может, погибли, выполняя свой долг.

А если и ей суждено навсегда остаться на этой красивой, но такой чужой непонятной и коварной планете? Но нет, защитные поля «морского ежа» гарантируют безопасность практически в любых угрожающих жизни экстремальных условиях. Испытатели проверяли установку и в кратере действующего вулкана, и в эпицентре термоядерного взрыва, и в глубинах Марианской впадины, и в свободном падении из стратосферы. «Чудо из чудес современной техники» — не зря ведь дана такая оценка. И нет причин сомневаться в надежности защиты и сообразительности компьютеров, которым предстоит отбирать и обрабатывать первичную информацию. Можно быть спокойным, потому что спокойствие обеспечено всем разумом и силой земной цивилизации, чьими полпредами они здесь являются...

Из вахтенного журнала звездолета «Алишер»:

17-00 (по внутреннему времени корабля): Проверены в последний раз все системы жизнеобеспечения и связи спасательной установки. Радмила проснулась.

17-45: Электронные машины начали отсчет пускового времени.

18-15: Радмила заняла место в «морском еже». Началась герметизация установки и наращивание защитной муфты.

19-25: Спасательная установка перемещена в челночную ракету.

20-03: Звездолет выходит на последний предпусковой виток.

20-06: Старт челночной ракеты.

20-14: Автоматы спускаемого аппарата передают, что полет проходит строго по расчету.

20-16: Включена тормозная система.

20-18: Мягкая посадка.

«Морской еж» (монтаж видеозаписи полученной с помощью автоматического корректировщика и телекамер, находившихся на борту челночной ракеты).

Спасательно-исследовательская установка в точности походила на огромного морского ежа. Конструкция, заимствованная у бесхитростного и неприязнательного обитателя подводного мира, оказалась наиболее удобной и универсальной в условиях космических полетов. Торчащие во все стороны «иглы» предназначались одновременно и для передвижения, и для связи, и для защиты, и для самых разнообразных изысканий. Одни из них служили «ногами», другие — «руками», третьи — антеннами, четвертые — источниками защитного поля или ракетного отталкивания. Одно нажатие клавиши — и любая из «игл» могла превратиться либо в упругую пружину, либо в нестигаемую спицу, либо в эластичное извивающееся щупальце, готовое и к легкому прикосновению и к молниеносному змеиному броску.

Нашпигованная множеством приборов и средствами жизнеобеспечения установка свободно передвигалась в любом направлении. Она умела красться, осторожно — точно паук по паутине — перебирая игольчатыми ногами, и вихрем мчаться, словно гигантское перекачи-поле, сохраняя в строго заданном положении всю внутреннюю «начинку», не создавая никаких неудобств водителю и пассажирам. «Морской еж» умел бегать, прыгать, плавать, летать, при необходимости, как старинный аэростат, зависать над поверхностью или намертво присасываться к вертикальной скале...

Видеозапись протоколно воспроизводила каждый шаг «морского ежа». Вот он изящно, как балерина, проследовал на трех ножках из зева спускаемого аппарата вослед за юрким суетливым корректировщиком, замер на муаровом грунте и принялся деловито шевелить «иглами», осваиваясь с незнакомой обстановкой. Панорамный обзор открывал ровную, точно гладь океана, поверхность, на которой гуляла рябь разноцветных узоров. Иллюзию слабого морского волнения дополнял восход местного солнца, которое, вопреки здравому смыслу, отражалось в муаровых волнах. Приборы, однако, бесстрастно констатировали, что под «ногами» «ежа» гранулированный, напоминающий щебенку металл: более всего — хрома, поменьше — молибдена и вольфрама, немного — урана и дальше по мелочам — еще с десятком названий из таблицы Менделеева.

Внутренние камеры «ежа» передавали изображение и голос Радмилы на ретранслятор челночной ракеты, а оттуда — на

борт звездолета. Внешние камеры «ежа», «челнока» и корректировщика давали полный круговой обзор из разных точек. Вокруг — одна лишь муаровая гладь. «Морской еж» двигался в точности по маршруту разведгруппы — след в след по подсказке электронной памяти. Радмила сосредоточенно следила за малейшим отклонением стрелок.

Первым в опасную зону должен был вступить корректировщик, который предназначался в жертву таинственным силам планеты. Пусть засасывают его зыбучие муаровые гранулы, пусть проваливается он, как трактор под лед, в любые глубины. Это позволит Раде всесторонне оценить опасность и принять надлежащее решение.

Самописец «Алишера» фиксировал каждое слово и паузу синхронно с записью зрительной информации, поступающей на четыре экрана. Автомат бездумно вкатился в опасную зону. «Морской еж» настороженно замер и оцетинился «колючками», точно окруженная неприятелем македонская фаланга... «Он прошел — донесся далекий голос Рады. — Там такая же твердь как и повсюду. Предлагаю еще раз испытать бурение...»

В это мгновение видеозапись черными молниями испещрила сотни полос, раздалось угрожающее гудение, сквозь которое едва пробился то ли вскрик, то ли всхлип, — и все разом исчезло. На магнитоленте не раздавалось ни звука, два экрана показывали безбрежную металлическую гладь Муаровой планеты, а остальные, настроенные на внешние и внутренние камеры «морского ежа», — один — пустоту, а другой — сетку из черных молний.

9-55: Азмун.

До отлета ракетоплана оставались считанные минуты. Ничего не замечая вокруг, Азмун плюхнулся в первое попавшееся кресло и застыл, как йог, стараясь не упустить ни единого слова, раздававшегося в шлемофоне. И опять — в самом невыгодном положении оказался он. Ладно — то, что дальше всех, теперь выправляется: через час он будет в Астрограде. Но как наверстать то, что все видели в изображении, он всего-навсего слышал в звуковой трансляции, пока добирался до ракетодрома.

Конечно, потом все можно прокрутить заново. Но Учитель выйдет на связь через пятнадцать минут, после перемены. Хорошо ли себя чувствуешь, когда наперед известно, что у тебя информация скуднее, чем у остальных? Даже если пока речь идет о вопросах, которые будешь задавать сам. Нужно ведь и с вопросом уметь не ударить в грязь лицом.

Правда, Азмун занимал вопрос, не связанный с мелкими деталями учебной передачи. С первых минут трансляции он вдруг ощутил, что вряд ли смог бы поступить так, как поступил Та-

риэл. Почему он все-таки не направил звездолет на место катастрофы? Мало ли что показывали телекамеры и датчики. А может это как раз сама техника и выкинула какой-нибудь номер? Или просто сошла с ума наподобие компаса, который начинает беситься при магнитных бурях. А если само поле сбесилось? Отклонилось, например, как световой луч близ звездной массы, и стороной пронеслось мимо антенн звездолета. Или отскочило рикошетом от какой-нибудь неведомой преграды.

Почему человек обязан слепо верить приборам? Даже собственные глаза, бывает, обманывают. Когда смотришь выступление фокусника-иллюзиониста, кажется: видишь пространство насквозь; в действительности же перед тобой не пустота, а хитроумная система зеркал. Вдруг эта диковинная Муаровая планета — тоже в своем роде фокусник, способный комбинировать электромагнитные поля, делать из них ширмочки да экраны, а то, глядишь, и вообще — волчьи ямы? Бред? А разве не больший бред — прямое превращение элементов, природа которого, так и осталась не выясненной!

Нет, Таризл просто обязан был сразу же посадить звездолет, а не крутиться на орбите, посылая вниз автомат за автоматом.

9-56: Вадим.

Под потолком Музея космоса, имитирующем звездное небо, стоял полумрак. Не снимая шлемофона, Вадим внимательно разглядывал образцы грунта, доставленного на «Алишере». Вне всякого сомнения, разгадка крылась в этих треклятых гранулах. На Муаровой планете они переливались всеми цветами радуги — результат свободного взаимопревращения элементов. А здесь, на витрине, вместо сказочных россыпей — горсть блеклых обрубков гвоздей. Если б была известна природа превращений, не возникал бы и вопрос почему погибли космонавты.

Без сомнения химические метаморфозы вызывались какими-то неизвестными силами самой Муаровой планеты, ибо оторгнутые от материнского лона и доставленные с поверхности на борт звездолета, остававшегося на орбите, образцы моментально теряли свои чудесные свойства. Значит разгадка оставалась там, в звездном скоплении РХ-16. Таризл использовал все средства до последнего, посылая прибор за прибором на планету смерти, чтобы вырвать у нее тайну. Но тщетно. Скрупулезный анализ всех добытых фактов ни на шаг не приблизил решение проблемы.

Выходит, так и лежать безязыко этим осколкам далекой планеты, ничем не выделяясь среди тысяч других экспонатов. А ведь может статься, что хищные атомы этих металлических гранул проглотили, ассимилировали элементарные частицы тех, кто когда-то назывались людьми и которые теперь вот в таком

виде (по крайней мере, их немногие, но неотъемлемые частицы) вернулись домой на Землю в виде молекулярного памятника самим себе. Мир химических джунглей: неживое поглощает живое, дабы сохраниться, умножиться и перейти на новую ступень? Дурь какая-то! Тем более, что Муаровая планета глотала вместе с людьми и некоторые аппараты.

Но ведь не могла материя исчезнуть бесследно! Растворившись в чужом неприветливом мире, она стала его составной частью. В едином организме Вселенной, словно в живом теле, одни вещества превратились в другие на благо всей материальной системе и во имя ее дальнейшего развития. Значит все-таки в этой пригоршне гранул — пусть самый малюсенький, но все же ключик к разгадке. Вот только какую дверь им открывать? Да и как? Попробуй по мизинцу египетской мумии узнать, какие социальные силы были заинтересованы в умерщвлении фараона...

9-57: Батыр.

В какой-то момент ему вдруг сделалось не по себе: когда на рядом расположенных экранах он увидел сразу два изображения — Лаймы и Радмилы. Обе — предельно сосредоточены, обе — заняты решением важных проблем, обе — вдохновенно прекрасные. Одну — он скоро обнимет, а другой — давно уж нет в живых. Но трансляция ломала очевидную истину. В настоящем существовали и жили на экранах два изображения — одинаково реальные (вот они прямо перед тобой) и одинаково нереальные (потому что в действительности перед тобой всего лишь пластиковые экраны, оживленные электронными лучами).

Возникало какое-то новое измерение реальности, свободно соединявшее прошлое с настоящим, насмехавшееся над смертью и тем трепетом, который она внушала людям, победившим болезни и старость, но остававшимся бессильными перед насильственной гибелью. А может, эта новая реальность свидетельствует о каких-то глубинных закономерностях, присущих самой действительности? И есть доля истины об особой и не дающейся человеку природе неевклидовых миров, обладающих разной кривизной и различным числом измерений?

Произошел сдвиг во времени, и Радмила, оказавшись в плену таинственных сил Муаровой планеты, вместе с «морским ежом» совершила прыжок в прошлое или будущее, откуда всегда можно вернуться назад. А если нет обратной дороги? Нет возврата — не значит: нет выхода. Если бы на месте Радмилы оказалась Лайма, Батыр, не задумываясь бы последовал вслед за ней. Разве в иных мирах не требуется мужская поддержка? Или невозможна любовь? Ведь Данте, преодолев ад и чистилище, разыскал Беатриче в сферах рая. Точно так же и Батыр понесся бы вослед за Лаймой, преодолевая любые препятствия.

Или все это только красивый вымысел? Игра поэтического воображения? Пусть так! Даже если путешествие во времени или в иных мирах — плод досужей фантазии, призрачный результат абстрактно-математических расчетов, — он все равно предпочел бы разделить участь Лаймы. Пускай хотя бы их атомы соединились в муаровой хляби — раз не дано было соединиться живым людям...

9-58: Лайма.

Беспреданно поглядывая на часы, она поймала себя на мысли, что с нетерпением ждет перерыва. В первый раз оказавшись в столь ответственном положении, девушка чувствовала, что еще немного — и не выдержит непривычного напряженного ритма. Информация обрушивалась непрерывным потоком сразу на несколько экранов, соединенных в единую систему и напоминавших в целом большое окно, разделенное переплетами на одинаковые прямоугольники. Необходимо было, моментально сориентировавшись в разноплановых сведениях, сделать минимальную выборку и направить ее в учебный канал связи. Поэтому вскоре Лайме уже казалось, будто ее затянуло в водоворот горной реки, когда сломленный быстрым течением понимаешь, что единственно возможный способ выплыть — это сдаться на милость свирепых волн, которые в конце концов и вынесут к противоположному берегу.

Вместо того, чтобы не торопясь осмыслить и взвесить все увиденное и услышанное, она едва успевала нажимать клавиши и кнопки, чувствуя, как неумолимое течение экранных событий ломает ее самостоятельность и волю. Лишь в самое последнее мгновение она испытала инстинктивный страх, когда глядя на спокойное лицо Радмилы вдруг явственно осознала, что далеко не так просто полностью раствориться в чужой жизни: в то время как «морской еж», в котором находилась ничего не подозревавшая звездолетчица, отмеривал последние метры по муаровой зыби, — Лайма каким-то десятым чувством ощутила, что сейчас и будет тот самый последний шаг. И действительно, тотчас же экран всколыхнули зигзаги и полосы.

Запись точно протоколировала каждую секунду разыгравшейся трагедии. Что же должен испытывать Таризл каждый раз заново переживая события вплоть до их такого простого и такого страшного конца? Сто, триста, а может — и тысячу раз? На орбите вокруг Муаровой планеты — когда еще теплилась надежда, что спасение возможно. При возвращении домой, — когда гибель экипажа стала бесспорной реальностью, но мысль продолжала лихорадочно биться в поисках причин и над выявлением ошибок. Наконец здесь, на Земле, где коллективный разум планеты пытался найти ответы на те же вопросы.

И вот теперь вновь, быть может, в тысяча первый раз Тариэлу предстоит пережить несчастье вместе с учениками. Так вправе ли они доставлять эту боль своему Наставнику? Разве смысл уроков нравственности, чтобы доставлять боль? Разве в этом должна проявиться их зрелость?

10-00: Перемена.

— Я вот что считаю, мальчики,— у Лаймы точно пробудилось второе дыхание; голос звучал хотя и устало, но твердо.— Сколько можно беречь эту рану? Неужто наши вопросы что-нибудь облегчат? Или прояснят? Не станут ли они новой пыткой? Вы подумали об этом?

С трех экранов ответили разом:

— Но он ведь сам выбрал тему. (Азмун).

— Что же ты предлагаешь? (Вадим).

— Смотря как спрашивать (Батыр).

Разноголосица придала Лайме еще большую уверенность:

— И потом,— категорично продолжила она,— пора собираться вместе. Вы ведь не слышите друг друга. И мне поневоле приходится управлять не только клавишами. А это, подозреваю, не каждому по душе.

— Почему же? — на этот раз ответил один Батыр и смеялся.

— Мне самой во всяком случае не по душе,— выручила его подруга.— Так что мы скажем Тариэлу? Только, мальчики,— по одному, пожалуйста. Азмун?

— Говори, что думаешь.

— А остальные? Я же — координатор и должна сообщить общее мнение.

— Скажи, что его пока нет.

— Хорошо же мы тогда будем выглядеть в его глазах. Первый урок — а группа не нашла общего языка.

— Но если это в самом деле так, и я с тобой не могу согласиться.

— Значит, по-твоему, мы вправе судить Учителя?

— А по-твоему мы вправе, получив задание, отказаться от его выполнения?

— Не лучше ли выяснить, что хочет Тариэл? — вмешался Батыр,— может быть, некоторые вопросы просто не встанут?

— Есть один главный вопрос,— сказал Вадим.— И его никому не обойти: почему погибла экспедиция на Муаровую планету. Он будет неизбежно вставать всякий раз, пока не будет найдено решение. Хотим ли мы этого или не хотим — проблема существует и она не будет давать покоя ни нам, ни Тариэлу. ни остальному человечеству независимо от того, какое конкретное задание у нашей группы. Но Батыр все-таки прав, сначала

надо до конца выслушать Учителя, а потом попытаться нащупать общую позицию. А пока, мне кажется, каждый должен быть готов отвечать сам за себя. Никто никого не собирается судить. Но каждый вправе иметь собственное мнение. Если бы в жизни существовали только общие точки зрения, все бы давно заболотилось и покрылось тиной. Думаю, Лаймочка не беда, что у нас пока разные мнения. Так и скажи Таризлу. Мы-то будем тоже на связи. Если потребуется, — он переговорит и с нами.

Встреча: 10-15.

Таризл был рад, что ему не придется оставаться до конца заседаний космологической комиссии. Итоговое заключение уже вырисовывалось в общих чертах. Как и следовало ожидать, оно мало чего проясняло, а скорее еще больше запутывало, поскольку появлялся целый воз новых предположений и гипотез, облаченных в пышные математические одеяния, — отчего все теоретические выводы выглядели хотя и правдоподобными, но зато и чересчур неопределенными, допускавшими какие угодно истолкования.

Космологов вообще испокон веков почитали за чудаков. Все они постоянно пребывали в каких-то непрерывных распрях и каждый непременно принадлежал к одному из непримиримых кланов — стационаристов, эволюционистов, пульсационистов, катастрофистов и т. п. Была даже одна школка, правда — немногочисленная, которую за глаза именовали «шиворот-на-выворот».

Каждый здравомыслящий человек понимал, что реальная Вселенная на белом свете всего одна, поэтому и истинная космологическая модель, правильно отображающая эту единственную Вселенную тоже могла быть всего одна. (Таризл в таких случаях всегда вспоминал слова Герцена: «Наука одна; двух наук нет, как нет двух вселенных»). Совершенно очевидно, что множество различных и нередко взаимоисключающих теоретических моделей Вселенной не могли быть одновременно истинными.

Не хуже других понимали это, видимо, и сами космологи, но тем ожесточенней и изощренней становилась их взаимная критика и выискивание друг у дружки слабостей в аргументации и скороспелостей в суждениях. Но самое удивительное (за что космологов не просто терпели или уважали, но и считали незаменимыми), заключалось в том, что в самых труднейших и, казалось, безвыходных теоретических ситуациях спасительное решение в самый последний момент, как ни странно, нередко приходило от космологов. Какие-нибудь совершенно неудобоваримые представления о пузырчато-бородавчатой структуре

вакуум-пространства или сумасшедшая математическая формула, обращающая бесконечность в нуль,— вдруг оказывались теми основаниями, которые позволяли связать воедино самые что ни на есть несвязуемые вещи. Ото всей этой научной кабелистики на версту веяло мистицизмом, не находившим никакого рационального объяснения. И за космологами прочно закрепилось звание чудаков.

Вот почему Тариэл с легким сердцем еще до начала заседания уведомил председателя, что интересы педагогической деятельности требуют его вылета в Астроград, но если потребуются дополнительные консультации он всегда к услугам комиссии. Он рад был также, что избавляется от нужды разговаривать с детьми на расстоянии: беседы даже по каналам объемной связи создавали неизбежный психологический барьер. А ему предстояло налаживать с учениками непринужденные и доверительные отношения.

На какое-то время они становились его детьми и, как бывает обычно в кругу семьи, ему хотелось прежде всего поделиться своими думами и тревогами, узнать мнение, послушать советы близких людей. В такой задушевной обстановке воспитанники перестанут дичиться и получают несравненно больше, чем при общении с экранным изображением Учителя.

Последний сеанс связи — и впредь он не намерен отпускать их от себя до следующих каникул. Они выберут какой-нибудь безлюдный и незнойный уголок в лесу или в горах и улетят туда на целый месяц. Будут помогать чабанам или пчеловодам (кто уж окажется поблизости), носиться под облаками, слушать музыку, читать «Махабхарату» (или какую-либо другую длинную книгу), а заодно решать и собственно учебные задачи. Ибо только взаимопонимание позволит достичь той главной цели, ради которой он согласился стать Наставником.

Он снова почувствовал эту отчужденность, создаваемую техникой, когда на экранах появились удрученные лица детей. Даже никогда не унывающий Азмун напряженно сжимал губы.

— Что пригорюнились, ребята,— Тариэл первым прервал затянувшуюся паузу.

— Мы? Мы — ждем. Ждем вопросов,— замялась Лайма.

— Вот так раз,— удивился Тариэл.— Разве не наоборот?

— Да. Конечно,— совсем смешалась девушка.— Но у нас пока нет никаких вопросов.

— Значит, все ясно?

— Ничего не ясно! — вмешался Азмун.

— Так спрашивайте.

— У нас нет единого мнения,— решила наконец Лайма.

— Единого мнения? О чем?

— Относительно вопросов...

— Не понимаю.

— Нам не хотелось бы,— на помощь Лайме пришел Ба-

тыр,— чтобы наши вопросы причинили новую боль, и предпочитаем пока ни о чем не спрашивать. Попробуем по возможности разобраться самостоятельно.

— Вот оно что,— Таризл ощутил, как его обдало теплотой признательности.— Спасибо, ребята. Но от этого никуда не денешься. Правде надо смотреть в глаза. Поэтому отбросим-ка все сомнения и вспомним о наших обязанностях. Я только что с заседания очередной комиссии. Уже скоро год, как ежедневно приходится отвечать на десятки, а то и сотни вопросов. Не думайте, что их задают жесткосердные люди. Моя травма — это травма всего человечества. Потому-то и терзаются все вместе со мной: не хотят, чтобы подобное еще когда-нибудь повторилось. А чтобы и вам стало понятнее, может, лучше начать с конца, а не с начала. Иногда это бывает полезнее. Посмотрите материалы работы комиссий, пока я переберусь к вам. Хватит нам играть в экранные прятки. Все собираемся в Астрограде. Азмун, сколько тебе еще лететь?

— Подлетаю,— раздалось с экрана...

Рейс на Астроград: 10-30.

Ракетоплан стремительно неся на запад вдогонку за Солнцем. Еще немного — и заработают тормозные установки. Едва заметным движением безымянного пальца Азмун набрал на сенсоклавиатуре нужный код и услышал в наушниках выжидательное дыхание Вадима.

— Где тебя найти,— спросил Азмун друга.

— В библиотеке Музея, космический архив.

— Есть идеи?

— Идей много и судя по всему не у нас одних.

— Как будем работать — вместе или врозь?

— Ты же знаешь: я предпочитаю уединение. Но здесь важнее другое: порознь мы просмотрим гораздо больше материала. Я займу четыре бокса рядом. Батыр уже вылетел за Лаймой.

Азмун хмыкнул:

— Напрямик он, конечно, не мог.

— Ничего, Лайма его быстренько приставит к делу.

— Как ты думаешь,— Азмун наконец подобрался к мучившему его вопросу.— в какой комиссии анализировались помехи на связи «Алишера» с Муаровой планетой?

— Во всех комиссиях, естественно. Но о дефектах приборов не может быть и речи...

— Да я не о приборах,— не дал договорить Азмун.— Что я не понимаю: их было много и все, что остались целы, на протяжении трех месяцев показывали одно и то же. А если на этой

чертовой планете невероятные превращения происходят не только с веществом, но и с полем? Или исчезает не живое вещество, оказавшееся на Муаровой планете, а деформируются фотоны, несущие информацию к приборам? Или электромагнитные волны трансформируются — превращаются в нечто такое, о чем мы даже вообразить не можем?

— Приборы бы это все равно зафиксировали,— подумав, ответил Вадим.

— Вовсе не обязательно,— еще больше разгорячился Азмун.— Представь, ни человек, ни прибор ничего не видят потому, что все электромагнитные волны образуют замкнутый вихрь вокруг живого тела спустя некоторое время после того, как оно оказывается на муаровой поверхности.

— А почему не сразу же? Нет, Азмун,— что-то не вяжется. Я уж не говорю, что это противоречит всем известным законам природы. Я знаю, что ты сейчас скажешь: прямое превращение элементов — тоже противоречит всем известным законам природы. Но я вовсе не против твоего электромагнитного кокона, поглощающего любые кванты и псевыпускающего наружу никаких сигналов, хоть все это и никак не вписывается в представления современной физики. Давай — думай дальше, обосновывай гипотезу, развивай новую теорию. Но только о конкретной ситуации не забывай: там были не одни приборы, но еще и люди. Причем не только Радмила, но и разведгруппа из трех человек, и Таризл на орбите. Неужто бы они не раскусили этот полевой орех и не придумали бы, как выбраться из электромагнитной скорлупы?

— Ладно,— прервал разговор Азмун к неудовольствию обоих, — продолжим при встрече. Ракетоплан пошел на посадку.

И пристегнувшись ремнями, он перевел кресло в горизонтальное положение.

Библиотека музея; Главный космический архив: 10-45.

Электронный каталог выдал на табло мозаику разноцветных цифр. За каждой строкой и колонкой скрывалась бездна обработанной и систематизированной информации. Электронная память приготовилась обрушить лавины подробнейших сведений и фактов — от записей показаний любого датчика и переговоров членов экипажа на протяжении всего полета до протоколов и отчетов земных комиссий. Грустный парадокс: на любой вопрос машина моментально дает сотни ответов, но среди них заведомо нет того, ради которого задается вопрос.

Вадим с изрядной долей недоверия скользил глазами по рядам интеграторов и фильтраторов, наперед зная, что никакой —

даже двойной или тройной синтез информации не раскроет истинных причин драмы, разыгравшейся на Муаровой планете. Так — обычная машинная схоластика: степени вероятности, аспекты рассмотрения, уровни объяснения. Глубокомысленное гудение, словесная трескотня, мигание тысяч лампочек наподобие новогодней иллюминации, а результат — равен нулю.

И все же где-то среди огромной массы материалов экспедиции «Алишера» скрываются и те, которые содержат ответ на мучающий всех вопрос. Но как разыскать его? Какую программу задать машине, чтобы она подсказала хотя бы направление поисков? Может быть для разминки испробовать путь, предлагаемый Азмун и пока тот добирается до Библиотеки машина проигрывает все возможные варианты? Нет, пусть Азмун ищет сам...

А если дело совсем в другом? Если машина в принципе не располагает информацией, которая помогла бы прояснить истину? А не имеет она ее потому, что ни приборы, ни люди попросту не были способны фиксировать неизвестное природное явление. Значит явление это таково, что не могло быть констатировано или уловлено ни одним из имевшихся приборов! (Нельзя же сачком для ловли бабочек черпать электромагнитные волны). Следовательно, нет смысла терять время на проработку имеющейся информации.

Может быть, именно поэтому Таризл и посоветовал пачать с конца, а не с начала, поскольку сам давно уже пришел к аналогичному выводу? А может — не он один? В Бюракане не сегодня-завтра заканчивается работа космологической комиссии. И хотя космология — синоним чудачества, не зря ведь Таризл почти месяц провел среди этих чудаков. О чем-то они там говорили и кого-то вполне могли надумать?

Левая рука Вадима непроизвольно потянулась к тумблеру прямой связи, а правой он быстро набрал код Космоцентра и включил трансляцию заседания. Прямо перед ним в овальном проеме появилось объемное изображение возбужденного человека. Молодой ученый говорил запальчиво и скороговоркой, явно не укладываясь в жесткий регламент. «Вам так и не терпится подогнать природу под абстракции», — были его последние слова, обращенные к невидимому противнику.

Выступление оказалось последним. Комиссия приступила к принятию итогового документа. В полутемном овале заскользили светящиеся строчки параграфов и подпараграфов, изредка прореживаемых гирляндами формул. Из заключения следовало, что комиссия не пришла к однозначному решению. Для всех было ясно, что исчезновения экипажа «Алишера» непосредственно связано с загадочными явлениями, происходящими на Муаровой планете, но их-то природа как раз таки и противоречила всем имеющимся знаниям. В какой-то мере прямое пре-

вращение элементов вписывалось в старую-престарую модель перекрестной шнуровки микро- и макромира, но изящная формула, предложенная одним из эволюционистов, включала две мнимых величины, что, в свою очередь, предполагало, что время на Земле не просто могло течь в обратном направлении, но прошлое и будущее должны непрерывно меняться местами.

«Как тяжело, наверное было Таризлу слушать этакую гиль,— пронеслось в голове у Вадима.— А Лайма еще беспокоилась, не травмируем ли мы его своими наивными вопросами. Ссадина, не больше чем ссадина — любой из наших вопросов в сравнении с теми казнями египетскими, которые способны устроить ученая комиссия. Почему же Наставник предложил начать с конца? Дабы убедиться, что никакого конца не существует и сам конец есть всего лишь только начало? Но начало чего?..»

Гравиторейс: 11-40.

Гравитолайнер свечкой взмыл под облака и взял курс на Астроград. С Земли он напоминал распускающийся цветок: куполообразная сердцевина с антигравитационным двигателем и навигационными приборами, а по всей длине окружности — эллипсоидные кабины для пассажиров.

Матовые стенки салона излучали мягкий свет. Сквозь прозрачный пол просачивалась живительная зелень полей. Лайма и Батыр чувствовали себя словно в беседке над обрывом. Врожденная боязнь высоты заставила девушку ухватиться за руку друга и нежно прижаться к его плечу. Впрочем только ли страх перед головокружительной пропастью? У Батыра на этот счет было иное мнение.

Он дождался ее в аэропорту, готовый как всегда к опозданию, но Лайма примчалась вовремя, точнее, в самый притык — за минуту до прекращения посадки. Теперь напряженность ожидания и возбужденная радость встречи остались позади, и юная пара ощущала себя одной во всей Вселенной.

Что испытывает космонавт, отрываясь от Земли? Не то ли, что и любой человек, поднявшийся выше? Но космоплаватель еще и расстается с Землей — иногда навсегда. Какие мысли гложут людей, когда родная планета за бортом звездолета с каждым днем становится все меньше, превращаясь сначала в простую светящуюся точку среди безбрежного океана звезд, а затем и совсем исчезая? А что испытывают звездолетчики, возвращаясь домой? Таризл знает это как никто другой...

— Лайма, — решился наконец высказать Батыр свою сокровенную мысль, — а я никогда не смог бы — как Таризл. Я бы никогда не оставил тебя там, на Муаровой планете, — если бы произошла катастрофа, — с трудом выдавил он последнюю фразу, ужаснувшись ее зловещего смысла.

— Но и Таризл никого не оставлял,— возразила девушка и еще нежнее прижалась к Батыру.— Радмила погибла.

— А память?

— Память — в сердце. А на Муаровой планете — одни химические превращения.

— Все равно,— продолжал упрямо настаивать Батыр.— Я бы предпочел разделить с тобой даже смерть.

— А я бы предпочла остаться в живых,— в тон ему ответила Лайма.

— Я ведь о другом,— обиделся юноша.

— Ты просто не рожден для звезд. А Таризл — истинный звездолетчик, который должен уметь подавлять подобные чувства и думать прежде всего, как передать на Землю о том, что произошло.

— Я бы передал все, что требуется.

— Значит, этого недостаточно — раз Таризл счел нужным вернуться на Землю. Его знания и опыт помогут людям избежать подобных трагедий в будущем.

— Но если Радмила не погибла,— не выдержал Батыр.

— Как? — опешила Лайма.

— Сместилась во времени вслед за разведгруппой.

Девушка вмиг успокоилась:

— Ты что — перечитал фантастики?

— Но ведь теория допускает...

— Мало ли что допускает теория, пока ее не поправит или не опровергнет практика.

— Погоди, Лаймочка, дай договорить до конца. Я не собираюсь ворошить давнишние идеи, допускавшие обратное течение времени для отдельных микрочастиц. Однако, теория допускает опережающий временной сдвиг при определенных сочетаниях энергетических уровней первичных квантов вакуума.

— И что же? — заскучала Лайма.

— А то, что прямое превращение элементов на Муаровой планете можно истолковать как следствие глубинных процессов, сопровождающихся опережающим сдвигом во времени. Откуда и вся масса муарового вещества окажется во временной фазе, на несколько порядков отодвинутой в будущее. Понимаешь, то, что человек или прибор принимают за настоящее, на самом деле — далекое будущее. Дальше все объясняется очень просто. Правда, возможны два варианта. Первый — аннигиляция времен: настоящее не совместимо ни с прошлым, ни с будущим. В этом случае земляне погибли. Но они живы, если временной поток планеты поглотил и ассимилировал временные струйки людей, заброшенных в этот неведомый мир. Значит, экипаж «Алишера» находится сейчас где-то в будущем и весь вопрос: где именно.

Лайма, точно прилежная ученица, внимательно ловила и осмысливала каждое слово. Логичность рассуждений Батыра ув-

лекла ее, но не настолько, чтобы утратить критичность восприятия. Вдруг ее озарило:

— Знаешь что уязвимо в твоей гипотезе? Почему Радмила и разведгруппа исчезли, а некоторые приборы так и остались нетронутыми на Муаровой планете. Если бы и впрямь имел место временной сдвиг, они тоже должны были бы переместиться в будущее.

— Я думал об этом,— сокрушенно вздохнул Батыр.— Но опасные точки планеты вовсе не обязаны равномерно размазываться по всей поверхности. Напротив, аналогия с другими, изученными явлениями, наводит на мысль, что возможны участки с различной напряженностью, концентрацией и нейтрализацией сил; наконец, не исключено наличие полюсов. И вообще — ты не помнишь, какие именно приборы уцелели?

— Не помню. Но давай переправим твои предположения в космический центр. Канал у нас пока не отобрал. Пусть, пока мы летим, машина пораскинет своей электронной памятью и просчитает твою гипотезу в соответствии с архивными данными.

— А-а, что там машина — пирамида Хеопса: одно величие и никакого ума.

— По крайней мере внесет ясность, избавит от лишних вопросов и точно скажет выдвигались или нет подобные идеи раньше. И как были встречены.

На запястьях обоих неожиданно застрекотал сигнал вызова и из наручных приемников раздался неунывающий голос Азмун:

— «Даурская лиственница» приветствует «Балтийскую сосну» и «Аральскую чинару». Как прикажете принимать: два часа назад был дальше всех, а к месту встречи прибыл раньше, чем некоторые. Вот что значит не отвлекаться на посторонние дела.

— Ты бы лучше поспал полчаса, «Даурская лиственница», — добродушно съязвил Батыр. — И другим бы не мешал, и самому — польза. Тигры на Амуре, небось, ко сну готовятся. Один ты от ночи убежал. И будешь теперь до конца дня клевать курносый носом.

— В моих жилах — кровь таежных охотников, — в тон емуотреагировал Азмун. — Могу не спать сутками. А вообще не до шуток, ребята. Есть потрясающая новость. Вадим попробовал промоделировать происшествие на Муаровой планете в обратном направлении и получил неожиданный результат. Невероятный просто! Он сейчас занят графиками временных интервалов, а меня просил связаться с вами. Из гравитопорта — прямо к нам. Незамедлительно! Ждем. До встречи.

— Постой,— не вытерпел Батыр,— какой все-таки результат?

— Сдвиг во времени.

— Ага! — вырвалось у Батыра.

— Только пока не ясно, что сдвинулось,— обескуражил его Азмун.

Космический архив: на полчаса раньше.

На мысль о приборах Вадима навел разговор с Азмуном. Хотя он и отверг предположение нанайца о вихревых электромагнитных аномалиях, картина катастрофы невольно завладела его вниманием, оставив какое-то чувство неудовлетворенности. На время это чувство переместилось в глубины подсознания, но полностью не испарилось, напротив — быстро переросло в беспокойство и твердое убеждение, что где-то что-то не так: или упущено, или неверно воспринято.

По опыту Вадим хорошо знал, что единственный способ избавиться от этого «не так» — разобраться в его причинах. Поэтому, чтобы рассеять мешающее рассуждать беспокойство, он мысленно вернулся к прерванному разговору и попытался восстановить в памяти последние мгновения событий, разыгравшихся на Муаровой планете.

Четыре экрана, два из которых неожиданно прервали передачу. Телекамеры автомата-корректировщика и челночной ракеты, фиксировавшие исчезновение разведгруппы, а затем и «морского ежа» вместе с Радмилой. Ну конечно! Вадим вмиг осознал, что не давало ему покоя все это время: в районе катастрофы, помимо телекамер, находились еще и другие фиксирующие устройства. Во-первых, автовидеозапись на буровой установке, во-вторых, кинонавигатор с направленными во все стороны объективами, в-третьих, фотокамеры и самописцы, приданные различным химическим и ядерным приборам, которые, как грибы, повсюду торчали в зоне исследования.

Впрочем, эти последние остались безучастными к тому, что произошло. Зато видеофиксатор и кинокамера протокольно запечатлели последние секунды экипажа «Алишера». Вполне понятно, что кадры эти были совершенно идентичны тому, что показывали телекамеры (почему они остались за бортом основных материалов, отобранных Лаймой). По видеокаталогу кино- и магнито пленки значились как дубль-информация, которая, естественно, многократно и всесторонне анализировалась, но в настоящее время представляла исключительно архивную ценность.

И впрямь — затребованная дубль-информация в точности воспроизводила уже виденное, разве что снятое из разных точек. «Хорошо бы теперь,— подумал Вадим,— взглянуть на трагическое событие глазами сразу всех камер». Для этого требовалось несколько экранов, на которых электронный архивариус выдал всю имевшуюся в его распоряжении информацию. Но следить одному сразу за всеми экранами оказалось не так-то просто.

Проще наблюдать за объемной моделью, которую машина без труда составляет на основе изображений сделанных из разных точек. Вадим поискал такую модель в видеокаталоге, но ее там не оказалось. Почему-то никто до сих пор не моделировал архивные записи. Операция — не ахти какой сложности, но требовалось изменить программу машины. Вадим быстро составил задание, проиграл ее на клавиатуре и стал ждать.

Из состояния задумчивости его вывел красный сигнал: машина отказывалась выполнять команду. Он решил, что где-то допустил ошибку и вновь повторил задание, внимательно следя за контрольным сумматором. Все было правильно, но через несколько секунд снова загорелся красный сигнал.

Теперь он насторожился. Голографическая модель составлялась путем обработки информации, полученной разной аппаратурой и из различных точек. Чтобы построить целостный объемный образ, машине нужно было отталкиваться от события, синхронно запечатленного на всех киноплёнках и магнитолентах. Таким естественным одновременным событием являлся последний миг — исчезновение Радмилы. Но именно эту последнюю точку машина и отказывалась брать за исходную. Значит, в данный миг произошло нечто такое, что мешает машине проиграть в виде модели таинственное происшествие на Муаровой планете.

Вадим немедленно изменил условия задачи, выбрав за исходную точку построения модели не конец, — а начало передачи — с момента появления из челночной ракеты «морского ежа». Машина послушно приняла новую вводную, услужливо загудела, однако, спустя несколько секунд, опять упрямо проиграла красными вспышками.

В этот момент в боксе появился Азмун. Вадим в двух словах ввел его в курс дела.

— Может сломалась старушка? — предположил нанаец.

— Исключено. Аварийные сигнализаторы молчат.

— Тогда давай поищем объяснение.

— Объяснение одно: для того, чтобы составить полную подвижную модель, необходимо чтобы одно и то же событие, зафиксированное различными аппаратами, совпадало по времени. Оно-то и не совпадает: на одних лентах — один промежуток времени, на других — другой. Поэтому машина и не может совместить различные интервалы в единый образ.

— Релятивистский эффект, — не задумываясь предположил Азмун.

— Где же здесь релятивистская ситуация? Все — в одной и той же системе отсчета.

— А если какой-нибудь гравитационный всплеск?

— Тогда бы это подействовало на все приборы и камеры.

— Но аномальной могла оказаться только одна мировая

линия: обрвалась, как струна гитары, а все остальные продолжают звучать.

— Брось ты усложнять простые вещи.— Вадима ли на секунду не покидала рассудительность.— Зачем гадать на кофейной гуще? Давай-ка просто проверим, какие камеры зафиксировали большие промежутки времени, а какие — меньшие. От этого и будет зависеть: была ли Радмила еще жива, когда внешние камеры уже фиксировали ее исчезновение; или наоборот «морской еж» уже реально не существовал, а окружающие камеры продолжали давать его изображение.

— А если это все-таки поле барахлило,— встрепенулся Азмун.— Замедлилось, скажем, или просто застряло на миг где-нибудь в камере?

— Как замерзшие звуки в охотничьем роге Мюнхгаузена? — усмехнулся Вадим.— Такие байки ты правнукам на старости лет будешь рассказывать. А я предпочитаю графики временных интервалов. Хотя разница и не превышает сотой доли секунды, машина делает все так наглядно, что моментально станет ясно. Тем временем ты свяжешься с Лаймой и Батыром и попросишь их: как только приземлятся — немедленно сюда.

— Может, заодно и Таризлу сообщить?

— Нет,— категорически отверг Вадим.— Ему — потом. Когда сами разберемся.

12-30: Библиотека Музея.

Сбросив обувь, Батыр и Лайма через три ступени мчались вверх по парадной лестнице. Приятно было шлепать босыми ногами по прохладному мрамору, но вид бегущей пары плохо вязался с торжественной обстановкой входного зала, где среди цветов и скульптур неторопливо двигались спокойные фигуры людей. Кто с улыбкой, кто с любованием и никто — безучастно провожали взглядом этот освежающий вихрь юности, стремительно пронесшийся вдоль древних настенных росписей.

Бесшумная платформа лифта провалила их на нижний этаж, где глубоко под землей размещались несметные богатства космического архива. Глаза Батыра светились от нетерпения. Едва прислонившись в традиционном приветствии щекой к щекам Вадима и Азмуну, он схватил широкую ленту с временными графиками, вычерченными машиной и жадно впился в цветные зигзаги.

— Телеустановка «морского ежа» продолжала передавать видеoinформацию, в то время как окружающие внешние камеры уже фиксировали его полное исчезновение,— показал он Лайме несовпадающие линии.— Между тем синхронизация обеих камер «ежа» — абсолютная.

— Батыр еще до вашего сообщения предположил,— пояснила девушка остальным,— что Радмила жива и могла просто

переместиться во времени. Фантастика — а? Как вы думаете, мальчики?

— Мне кажется,— изложил суть дела Батыр тоном учебного робота,— что несовпадение временных отрезков на графике допустимо интерпретировать на основе временного сдвига, возникающего при определенных значениях разности энергетических потенциалов глубинных квантов.

— Батырчик, милый,— осторожно перебил его Вадим,— ты ведь пойми: временные разности бывают какие угодно и относиться тоже могут к чему угодно. Что из того, если от твоего возраста отнять мой. Получится разница что-нибудь дней в сорок. И к какому же временному потоку такую разность пришить? Или куда предлагаешь сдвинуть продолжительность нашей жизни, чтобы уравнивать дни рождения: мою — в прошлое или твою — в будущее?

— Но ты же сам видишь, что на графике временные отрезки, зафиксированные разными камерами,— не совпадают.

— Но из этого совсем не следует, что «морской еж» или окружающие его камеры сместились во времени.

— Зато из этого следует, что Радмила была жива в то время, когда внешние камеры фиксировали ее дематериализацию.

— Дематериализация невозможна,— вмешался в разговор Азмун,— материя превращается из одной формы в другую, но нигде не исчезает.

— Значит, и время способно превращаться из одной формы в другую,— продолжал настаивать Батыр.

— Ничего такого это не значит,— перехватил нить спора Вадим.— Не будем отвлекаться — философские упражнения сейчас вряд ли помогут. Действительно, налицо факт: Радмила жила дольше, чем это зафиксировали некоторые приборы.

— А как с показаниями медицинских приборов? — всплеснула вдруг руками Лайма и, поймав недоумение в глазах остальных, торопливо выпалила.— Поступавшая информация о работе различных органов также имела совершенно определенную продолжительность во времени. Поэтому можно получить временной график и сопоставить его с данными телекамер. Общая продолжительность работы сердца, например...

Не дожидаясь конца фразы, Вадим шагнул к пульту управления и перевел тумблер на медицинскую информацию, поколдовал над клавиатурой и нетерпеливо потянулся за широкой лентой, испещренной цифрами и ломанными линиями, которая, как белый язык, свесилась из щели интегратора.

— Теперь сравним,— проговорил он себе под нос и вдруг ошарашил всех громким вскриком.— Что?!

— Что? — испуганным эхом повторили три голоса — каждый на свой лад.

— На пять секунд дольше,— растерянно сообщил Вадим.

— Что?! — раздался новый залп возгласов, и три руки не-

доверчиво потянулись к белому листку, вырванному из зева машины.

— Мистика,— прошептал Азмун.— Человека нет, а сердце — бьется.

От этих слов Лайме сделалось не по себе:

— Мальчики, да как же это?.. Откуда такое несоответствие? И почему никто до сих пор не обратил на это внимание?

— Очень просто,— угрюмо ответил Вадим.— Все материалы просматривались сотни (если не тысячи) раз, но всегда порознь, последовательно, один за другим. Каждая лента, взятая в отдельности, в принципе воспроизводила одно и то же, каждая по-своему запечатлела трагический конец. Никому просто не приходило в голову, что возможно временное несоответствие показаний различных приборов и датчиков. К тому же незначительное временное расхождение на видеолентах обнаруживается лишь с помощью чувствительных электронных приборов. А параллельное сопоставление временных промежутков практикуется крайне редко. Тем более — сравнение таких разнородных показаний. Мы сами-то как на это наткнулись? Случайно! Пять секунд... Целых пять секунд! Просто уму непостижимо. Свет за это время проходил полтора миллиона километров.

— Надо срочно что-то предпринимать,— встрепенулся Батыр.— Давайте сообщим в секретариат Президиума или в пресс-центр.

— И Таризлу,— добавила Лайма.

Азмун уточнил:

— Может, сначала вообще только ему?

— Я думаю: нужно просто его подождать,— предложил Вадим.— Он уже в воздухе и скоро будет в Астрограде. А нам надобно собраться с мыслями, перепроверить все заново и хорошенько взвесить еще раз, чтобы не попасть впросак. И спокойствие. Прошу вас, ребята, никакой поспешности. Спокойно продумайте каждый шаг. Вдруг мы чего-то не доучли.

13-05: Библиотека; чай-холл.

— Мне, пожалуйста, сок,— ответила Лайма на вопросительный взгляд Батыра.— И не забудь пакетик для Азмуна.

— У Батыра, положительно, склонность к семейной жизни,— заметил Вадим, наблюдая, как ловко тот сервирует стол.

— У нас мама терпеть не может кухонных роботов,— добродушно отозвался Батыр, не уловив намека.— Она говорит, что их присутствие наносит ущерб домашнему уюту. Поэтому у нас принято накрывать на стол всем вместе.

— Это — в укор нам?

— Нет, что вы, ребята, сидите. Просто будем считать, что моя очередь — первая,— Батыр закончил раздачу, а сам с высоким стаканом в руке опустился в кресло-качалку и принялся

его легонько раскачивать, потягивая через соломинку молочный коктейль.

— Смотри не поперхнись,— строго сказала Лайма.

— Ой, Лаймочка, до чего же тебе не идет быть сварливой,— беззаботно ответил Батыр и закачался еще сильнее.— В космосе приходится пить и есть в любом положении.

— Тогда встань на голову,— обиделась девушка.

— Батыр! Лайма! Хватит! Такой ответственный момент, а вы — как маленькие,— Вадим уже был не рад, что первым затеял разговор на постороннюю тему.— Лучше вернемся к делу. Вон Азмун — даже обедать не пошел.

— Потому что успел перекусить в ракетоплане. Кроме того он — потомок таежных охотников.

— Режим для всех обязателен — даже для потомков таежных охотников.

В тот же миг за столом появилось объемное изображение Азмуна, трудно отличимое от оригинала. Иллюзия усиливалась тем, что голограмма не парила где-нибудь в углу или над полом, а точно совпадала с контуром сидящего человека.

Вид у Азмуна был подавленный.

— Все усложняется, ребята. Я составил временные графики по показаниям всех медицинских приборов и оказалось, что разницу в пять секунд фиксирует только регистратор сердечной деятельности. Данные остальных приборов, в том числе регистрировавших биотоки и мозговые импульсы, совпали с данными физической аппаратуры и видеозаписи. Я уже вообще стал сомневаться в показаниях самописцев и намеревался затребовать техническую экспертизу. Но тут возникло совершенно новое обстоятельство.

Все замерли в ожидании, а Азмун еще больше нахмурился:

— Прежде чем включить программу экспертизы, я решил еще раз воспроизвести все записи, относящиеся к последней минуте жизни Радмилы,— пустить их синхронно с кардиограммой. Все получилось, как и предсказывал машинный расчет: кардиограф, находившийся на звездолете, работал на пять секунд дольше, чем все остальные приборы. И вдруг я подумал, что помехи, возникшие на экране в момент исчезновения «морского ежа», также могут содержать определенную информацию. Я без промедления задал машине линейно-цифровую развертку этого шквала полос и ряби и не ошибся: даже при беглом взгляде на полученный результат обнаруживалась определенная периодичность. Естественно, я тут же запросил машину, какие другие процессы, зафиксированные в ее памяти, могут совпадать с обнаруженной периодичностью помех. Ответ не замедлил ждать: аналогичный процесс имеется. Это — запись работы сердца. Графическое воспроизведение цифровых выкладок дает все ту же кардиограмму. Машина может сделать и звуковую имитацию.

Азмун перевел рычаги и в напряженной тишине разнеслось биение человеческого сердца...

— Мы сейчас спустимся к тебе, — одним выдохом, точно стараясь заглушить эти тревожные удары, проговорил Вадим.

— Нет, лучше я поднимусь к вам, — устало ответил Азмун.

Чай-холл: пятью минутами позже.

Без своей неотлучной улыбки, о которой говорили, что он с ней скорее всего и родился, как в маске, Азмун походил на какого-то другого человека.

— Сколько? — встретили его вопросом. — Сколько длилась передача?

— Двадцать семь минут, — все время, пока работала аппаратура.

— А потом?

— Потом были включены телекамеры второй челночной ракеты, спешно запущенной для страховки первой...

Друзья растерянно искали ответа в глазах друг друга. Новый факт не вмещался ни в какие привычные и даже гипотетически допустимые рамки, и потому, что уже в самой этой невероятности явственно проглядывались далеко идущие последствия, способные в корне изменить все, даже самые смелые предположения о событиях, разыгравшихся на Муаровой планете. Шутка ли сказать: двадцать семь минут жизни без существования!

— Можно ли стать невидимым, оставаясь живым? Вот в чем вопрос, — наконец нарушил тягостное молчание Вадим.

— А мне кажется, — неожиданно сказала Лайма, — сначала нужно решить, кто бы мог подавать в течение двадцати семи минут такой странный сигнал.

«То есть как — кто?» — прочла она в напрягшихся взглядах.

— У меня такое чувство, — осторожно, обдумывая каждое слово, продолжала девушка, — что Радмила не могла воспользоваться таким необычным способом передачи информации. Никакими инструкциями он не предусмотрен. Чтобы в чрезвычайных условиях аварийной ситуации сообразить, что возможен именно такой сигнал, — нужно время. Хотя бы минимальное. А помехи, которые оказались зашифрованной записью сердечных ритмов, появились тотчас же, как исчезло изображение на телеэкране и продолжались непрерывно, пока Таризл не переключил аппаратуру. Ведь так?

— Так, — подтвердил Азмун, совершенно не понимая, куда клонит девушка.

«Значит?» — снова прочла она в глазах друзей.

— Значит, палицо какое-то постороннее вмешательство!

— Разведгруппа! — вырвалось у Азмуна. — Она исчезла на

трое суток раньше и, успев вполне сориентироваться, ввиду каких-то непредвиденных обстоятельств воспользовалась столь необычным способом связи — в надежде, что не предусмотренные программой сигналы рано или поздно будут расшифрованы.

— Но разведгруппа исчезла безо всяких приборов, — остановила его Лайма.

— Что и требовалось доказать, — торжественно заключил Батыр. — Если экипаж «Алишера» остался жив, он не мог исчезнуть иначе, как переместившись во времени.

— Почему?

— Некуда, Азмун. Поверхность планеты — муаровая пустыня. Недра? «Морской еж» хотя и способен выдерживать любую температуру, но ты ведь помнишь: сквозная нейтриноскопия планеты на месте исчезновения людей не дала никаких результатов. Значит, остается одно, — сдвиг во времени! Отсюда и непредсказуемость подаваемых оттуда сигналов.

— Батырчик, — длинные ресницы Лаймы удивленно порхнули вверх, — но почему мы должны ограничивать область поисков только Муаровой планетой?

— Да потому, ласточка, — парировал Батыр, — что до следующей ближайшей планеты — вчетверо дальше, чем от Земли до Солнца. А неопознанных летающих объектов во время экспедиции «Алишера» специальная аппаратура не зафиксировала. Кроме того, это потребовало бы допустить вмешательство какого-то постороннего нечеловеческого разума.

— Разве твоё предположение о перемещении во времени исключает там, на другом временном уровне, существование разумной жизни? — вдруг поинтересовался Вадим.

— Для математических расчетов такого допущения не требуется.

— А для человеческих? — в глубине глаз у Вадима блеснула искорка. — Или, если угодно; разумно-космических? Давайте-ка порассуждаем: для того, чтобы преобразовать показания кардиографа в особые телесигналы нужна специальная аппаратура, которой, судя по всему на «морском еже» не было. Следовательно, работал какой-то другой аппарат, не имеющий ничего общего с теми, которые прибыли с Земли. Напрашивается вывод: поскольку природа сама по себе приборов не делает, постольку передававшее устройство — создание разума. А так как среди аппаратуры «Алишера» и «морского ежа» подобного устройства не значится, следовательно, есть все основания предположить, что оно создано и включено нечеловеческими руками. Итак, новая встреча с разумом? Неужто на сей раз он скрывается в ином временном измерении?

— Вот именно! — обрадованно подхватил Батыр. — Еще один аргумент в мою пользу!

— Аргумент будет в твою пользу,— остановил его Вадим,— лишь после того, как ты составишь формулу, которая хотя бы математически могла объяснить, каким же образом сигнал из будущего попадает в настоящее.

— Но это же противоречит теореме переводимости!

Вадим развел руками:

— Раз математика помочь не в силах — придется поискать более подходящее обиталище для наших собратьев по разуму, нежели иное временное измерение.

— И где же ты предлагаешь их искать? — ошетинился Батыр.— В бездонных глубинах вселенной? Откуда любые сигналы идут часами, сутками, годами? Или на остальных планетах скопления РХ-16, которые, согласно данным космической разведки, все абсолютно безжизненны?

— Батыр, Батыр,— взмолилась Лайма,— успокойся. К чему такой тон? Мы ведь до конца проиграли твою модель со сдвигом во времени. Теперь давай обсудим другой вариант. Переберем все доводы, и, если ни один не подходит, наше предположение отпадет само собой.

— Какие доводы! — взорвался Батыр.— Когда нет ни малейшей зацепки! Одна чистая фантазия!

— Зацепка есть,— тихо сказал Вадим.— Если мы, действительно, имеем дело с вмешательством какого-то разума, то, по крайней мере, можем попытаться понять, каким мотивом руководствовались таинственные икс-существа, поступая именно таким образом. Для этого нужно встать на их точку зрения, взглянуть на все их глазами (если, конечно, таковые у них имеются), попытаться представить, как бы мы, люди, поступили на их месте. Во всяком случае обычным контактом здесь и не пахнет. Однако какая-то связь между вмешательством разума и самой Муаровой планетой несомненно существует.

— Металлический Солярис? — скептически заметил Батыр.

— Никакой не Солярис,— продолжал Вадим.— Вот прямое превращение элементов — действительно, уникальный космический феномен. Какая задача стояла перед экипажем «Алишера»? Разобраться в причинах данного природного явления. А что если оно не естественное, а искусственное? Следовательно, нужно учесть и то, насколько заинтересованы были неведомые хозяева гигантской космической лаборатории делиться своими секретами с непрощенными гостями.

— Ты хочешь сказать, что таинственный некто устранил нежелательных свидетелей? — живо отреагировал Азмун.— Но тогда зачем было сообщать, что Радмила жива?

— К тому же столь необычным способом,— подхватил Батыр.— Если бы ты случайно не проанализировал помехи, то никто до сих пор так ничего бы и не узнал.

— Ребята,— притопнула ногой Лайма,— давайте удалим Ба-

тыра хотя бы на пять минут в другую комнату — за некорректное поведение и вообще — чтобы не мешал.

— Нам никто не мешает, — Вадим понимающе переглянулся с Азмуном. — Напротив даже — он стимулирует нашу мысль. Мне, кстати, представляется, что, встав на точку зрения гипотического разума, придется признать его действия логически безупречными: несмотря на необычность сигналов, они были переданы не на какой угодно экран, а именно на тот, где была Радмила.

— Мальчики! — вскрикнула вдруг Лайма. — Ее ведь не устранить хотели, а спасти! Понимаете, людей необходимо было спасти от грозящей опасности. Никто же до сих пор толком не знает, насколько безопасна для живого эта Муаровая планета. А что если эта странная планета — нечто вроде космической домны, где неизвестная цивилизация, путем прямого превращения элементов получает необходимые металлы? И вот откуда ни возмись появляются посланцы любознательного человечества и пытаются сунуть нос в самое горнило, не подозревая и не задумываясь о смертельных последствиях. Ну, представьте себе муравья, очутившегося на металлургическом заводе и поползшего к домне или мартену. Да любой робот немедленно поймает насекомое и вынесет его на свободу...

Тут Батыра снова прорвало:

— Лаймочка, деточка, опомнись! Кто? откуда? каким образом? Ты подумай, какие нужны космические танкеры, чтобы вывозить этот металл? И куда?

Девушка обожгла его гневным взглядом, но не успела набрать воздуха, чтобы ответить, — как настойчивое шмелиное гудение зуммера заставило всех вздрогнуть и обратиться к зафосфорисцировавшей стене. На матовом фоне проступило объемное изображение Таризла.

— Я только что приземлился, друзья, — сказал он приветливо. — Минут через десять буду у вас.

Четыре пары немигающих глаз, словно восемь звездочек в открытом космосе, смотрели на него в упор. Никто не знал, что сказать. Таризл уловил растерянность учеников:

— Опять постные лица, ребятки? Ну, ничего, сейчас разберемся. Главное — чтобы была ясность цели. Остальное приложится само собой. Ждите — я еду. До встречи.

И ободряюще кивнув головой, он растворился в матовой пелене, точно в густом тумане.

— Откуда ее взять — ясность, — пробурчал Азмун.

— Как же теперь ему рассказать обо всем, — прошептала Лайма.

— Хорошо мы, должно быть, все выглядим, — самокритично презрел Батыр.

Вадим думал о чем-то своем...

14-00: Библиотека; демонстрационный зал.

Над головами синело безоблачное небо. Сквозь прозрачные стены насколько хватало глаз просматривалась панорама полей с островками рощ и озер. Но все это было не более чем иллюзия, создаваемая слайд-фильмом.

Батыр просмотрел номера по каталогу, набрал код, и картина мгновенно изменилась: над ногами зазмеились переливы муаровых волн, а под куполом замерцали перепутанные созвездия незнакомого неба. Имитация, скрупулезно воссозданная компьютером, была точна до неправдоподобия: каждая гранула в непрерывно меняющихся муаровых узорах светилась каким-то неестественным внутренним светом.

— Ищите.— Батыр обвел рукой уходящий в высь небосклон и примирительно обнял Лайму за талию.

— Если возможно прямое превращение вещества,— с расстановкой, взвешивая каждое слово произнес Вадим,— то почему невозможна его прямая перекачка. Разве запрещены иные способы космической транспортировки, кроме рудовозов, танкеров и прочих мастодонтов. Теория допускает прямую перекачку, но только для отдельных частиц и на небольшое расстояние. Помните опыты по мгновенному перемещению вещества. Правда, вещество звучит чересчур громко — дальше отдельных атомов дело так и не пошло. Перемещение вакуум-квантов, как вы знаете, совсем не похоже на движение макротела. Квант исчезает в одном месте и появляется рядом, затем вновь исчезает и вновь возрождается — и каждый раз в новой области пространства. На установке гобийского центра удалось добиться таких условий, когда исчезающий квант моментально появлялся в противоположном конце, отстоявшем от источника на пять километров. Поскольку любое вещество в конечном счете состоит из вакуум-квантов, удалось добиться мгновенного перемещения отдельных атомов некоторых легких элементов, но уже на меньшее расстояние. А почему? Потому, что чем тяжелее атомы или их общая масса, тем более возрастала энергоемкость установки. Подсчитано ведь: чтобы мгновенно переместить на сто метров тело величиной с пинг-понговый шарик, не хватит всей энергии, вырабатываемой на Земле и в околоземном пространстве. А для прямого перемещения такого же тела с Земли на Луну потребовалась бы энергия целой звезды. Теперь вернемся к транспортировке металла с Муаровой планеты. Обязательны ли космические танкеры, груженные тоннами металла, ежели возможна прямая перекачка — допустим даже, отдельными атомами. Причем — мгновенно, безо всякой тарты. грузовых ракет и на громадные расстояния. Правда, требуется колоссальная энергия сотен и тысяч звезд.

— Звезд вокруг хватает.— заметил Азмун,— весь вопрос в том, какими проводами соединить их в одну цепь и овладеть их

энергией. Это ведь не воздушные шарики, которые можно привязать ниточками к пальцу.

— А как же Радмила? Разведгруппа? — жалобно спросила Лайма. — Возможно ли, чтобы они мгновенно переместились из одной области пространства в другую: исчезли на Муаровой планете и тотчас же материализовались неизвестно где?

— И неизвестно кем, — добавил Батыр.

— Страшно даже предположить, — откровенно признался Вадим. — Можно представить, как исчезают вакуум-кванты, образующие любое тело, можно допустить, что каждый вакуум-квант мгновенно материализуется в очень отдаленной области космического пространства, но как из этих разрозненных квантов, переместившихся на миллионы километров, вновь образуется живое тело, я просто отказываюсь вообразить. Точнее, можно согласиться, что теоретически это возможно. Но какого уровня развития должна достигнуть цивилизация, способная совершить подобные эксперименты? Все равно — как если бы мы, люди, научились управлять движением и развитием звезд, одним нажатием кнопки направлять в любую нужную точку потоки звездной энергии, по собственному усмотрению ускорять, замедлять или нейтрализовать космические процессы. Вы способны такое вообразить?

— Я способен, — решительно заявил Азмун. — Способен потому, что уже сейчас могу имитировать все, о чем ты говорил. С помощью слайд-фильма. Смотрите! Раз — и я отключил все звезды, кроме входящих в комплекс РХ-16. Два — поворачиваю Муаровую планету к центру скопления. Три — заставляю планету вращаться в десять раз быстрее. И все — одним только нажатием кнопок. Пускай сегодня это лишь имитация. Но разве не воображение определяет направление прогресса? Когда-то люди только мечтали летать, а сегодня — летают, как птицы. Когда-то звезды были недостижимыми точками над головой, а сегодня космические корабли землян избороздили десятую часть галактики. Сегодня я управляю космосом только в воображении и кнопками слайд-фильма. А завтра? Кто берется предсказать, что будет через миллион лет?

— «Сольется разум в единый поток, в едином порыве пронзит бесконечность» — процитировал Батыр строки известного стихотворения.

Лица друзей светлели — когда на экране купола, имитирующего небо Муаровой планеты, появлялась внутренняя сторона скопления РХ-16, плотно, точно лукошко с ягодами, заполненное звездами. И наоборот — лица как бы отодвигались в темноту, когда над головами оказывалась внешняя сторона скопления — с редкими звездочками напомнимшими последние осенние листья на уединенной березе.

Неожиданно Вадим протянул руку и, как только звезды вновь сомкнули свои ряды, остановил кинокарусель.

— Стоп! Вот она неисчерпаемая кладовая энергии. Смотрите, мы все время говорим о множестве отдельных звезд, а если это скопление — нечто единое целое! Ну-ка, взглянем со стороны...

Юноша выключил слайд-фильм потянул остальных к висевшей поодаль большой стеклянной груше — демонстрационному аппарату, именуемому в просторечии и школьном обиходе «джинн в бутылке». Обыкновенный учебный тренажер, позволяющий воссоздавать модель любого объекта, манипулировать с ней каким угодно образом и видеть объемную видеозапись, которая свободно парила внутри грушевидного экрана, с любой стороны.

Вводя программу и отрегулировав контрастность, Вадим, как зачарованный, впился в яркий сгусток скопления РХ-16, возникшего внутри экранной «бутылки». В модельном воспроизведении сгусток походил на шаровую молнию, окрапленную роем светящихся точек. Еще одно прикосновение к сенсоклавишам — и внутри огненного клубка, ближе к левому краю, словно капля крови от булавочного укола, проступила рубиновая точка.

— Вот она — Муаровая планета, — проговорил Вадим, — подобна ядру живой клетки под микроскопом. Разве скажешь, что звездное скопление — механическая сумма светил? Нет. Это — не хаос, а гармония, единая система, неразрывное целое с особыми законами, в цепи которых Муаровая планета — лишь малюсенькое, но неотъемлемое звено. Уберите его, измените, замените — и сейчас же нарушатся связи всей системы. Сковырните звездочку в одном ее конце и немедленно что-то произойдет со всей системой. Каждая частичка связана с каждой. Можно ли управлять этими законами целостности? Видимо да — раз мы сами являемся частью этой системы. Представьте теперь, что какая-то высокоразвитая цивилизация, живущая среди тысяч звезд скопления РХ-16, научилась использовать в своих интересах законы целостной системы. В ее распоряжении оказываются все, практически неисчерпаемые законы звездной энергии и, следовательно, открываются неограниченные возможности для космических экспериментов. В таком случае прямое превращение вещества и его прямая перекачка из одной точки пространства в любую другую, относящуюся к той же системе, — перестает быть одним лишь теоретическим допущением. У меня не поворачивается язык сказать, но приходится признать, что мгновенное перемещение живого существа в любую область космической системы с помощью ее же собственных потенциалов — также перестает быть гипотетическим кунштуком. Значит, и Радмила, и разведгруппа могли неожиданно оказаться в любом месте скопления РХ-16. Поэтому предположение что наши космонавты были спасены, а не погибли становится более чем вероятным. Вот вам и разгадка!

— А Таризэл, — точно загипнотизированный спросил Батыр

— Таризл не был в зоне опасности, поэтому почувил возможность вернуться на Землю.

— Но почему тогда с ним не вступили в контакт?

— Контакт-то был, да не был понят. Громадное расстояние исключало использование других каналов. Кстати, мгновенная передача сигналов, имеющих конечную скорость распространения, столь же невероятна, как и прямая перекачка вещества. Но если последнее возможно,— почему бы не допустить, что возможна и аналогичная перекачка радиоимпульсов: в определенных условиях, разумеется — до тех пор, пока «Алишер» находился в системе звездного скопления. Когда корабль покинул пределы замкнутой звездной системы, прямая передача стала невозможной.

— Но ведь галактика — тоже целостная материальная система,— неожиданно раздался сзади голос Таризла. Он вошел незаметно и стоял в двери, слушая объяснение Вадима.— Галактика — единая космическая капля, разве не представляет собой неразрывного целого с особыми закономерностями и неразрывной связью между всеми объектами?

Таризл приблизился к своим питомцам.

— Я искал вас в Архиве и увидел там расчеты, сделанные Азмуном. Если вывод, к которому сейчас пришел Вадим, правильный, то тогда возможно и другое...

Он направился к установке связи; воспитанники нестройной кучкой двинулись за ним.

— Я — капитан звездолета «Алишер»,— сказал Таризл твердым командирским голосом, когда на экране появилось лицо диспетчера Космического центра,— мне нужен минут на десять Главный канал. Соедините прямо с Лунной пристанью.

На экране тотчас появилось изображение другого лица.

— Дежурный по космическому причалу слушает,— доложил он.

— Где сейчас «Алишер» — спросил Таризл.

— Командный отсек законсервирован в четырнадцатом секторе, а остальное — как обычно: отбуксировано на дальнюю орбиту и болтается в общей связке,— не задумываясь отпартовал дежурный.

— Кто-нибудь есть в районе консервации?

— Никого. Одни роботы.

— Хорошо. Мне нужен тот, который находится внутри командного отсека «Алишера».

— Пожалуйста,— пожал плечами дежурный. — Только команды пойдут через меня. В районе консервации все ретрансляторы только лунного значения.

— А усилитель?

— Сейчас занят на переговорах с Сатурном.

— Что-нибудь важное?

— Нет, рутинная передача.

— Тогда извинитесь перед Сатурном и скажите, что ввиду чрезвычайных обстоятельств усилитель на пять минут изымается из связи.

Даже сам тон переговоров отдавал напряженностью и сосредоточенностью. Пока дежурный на Луне выполнял указания, Тариэл, стиснув зубы и сощурив глаза, следил за его действиями. Наконец Луна сообщила, что все в порядке и на экране появился робот — черепахоподобная полусфера, утыканная антеннами, усиками, штангами, вооруженная великолепной клешней и извивающимся щупальцем. Мигалка на макушке просигналила, что робот готов к выполнению заданий.

— Включить запасную энергоустановку, — скомандовал Тариэл. — Теперь — пульт связи. Установить телекамеру так, чтобы она захватывала все экраны на пульте.

Робот четко проделал все манипуляции и летонько откатился в сторону. Было видно как включились четыре экрана на пульте: три из них мерцали голубизной безоблачного неба, а один кипел рябью темных помех. И все враз поняли, что это — именно тот экран, который когда-то передал последний вскрик Радмилы.

— Азмун — звук! — хрипло выдавил Тариэл.

Азмун прыжком тигра бросился к преобразователю, с размаха утопил кнопку, и под уходящим ввысь куполом зала, точно голос бескрайнего неба, глухими ударами отдаленного колокола тревожно забило человеческое сердце...

Москва, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

УЩЕЛЬЕ ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА	
<i>Историко-фантастический роман .</i>	3
КЛИК МЕЖВЕЧНЫЙ	
<i>Научно-фантастический рассказ</i>	129
СТАЖИРОВКА У ТАРИЭЛА	
<i>Научно-фантастическая повесть</i>	143

Валерий Никитич Дёмин

УЩЕЛЬЕ ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА

Научная фантастика:
роман, рассказ, повесть

Редактор

А. Д. Власов

Художник

М. А. Лукьянцева

Технический редактор

Н. Д. Лаукус

Корректор

Г. А. Васенева

Сдано в набор 3.11.88. Подписано к печати 6.03.89. Л-17096. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 13,54. Усл. печ. л. 11,75. Тираж 3000 экз. Заказ № 2027. Цена 5 руб.

Издательство «Прометей» МГПИ им.
В. И. Ленина.
Москва, 119882, ул. Усачева, 64.
Типография МГПИ имени В. И. Ленина

КАЖДЫЙ ЖЕЛАЮЩИЙ МОЖЕТ СТАТЬ АВТОРОМ хозяйственного научно-дискуссионного сборника «За» и «против», подготовляемого кооперативом «САМООБРАЗОВАНИЕ» по научному консультированию, оказанию редакционно-издательских и учебно-информационных услуг и выпускаемого Издательством «ПРОМЕТЕЙ» МГПИ им. В. И. Ленина. КНИГА-ДИСПУТ представляет собой **новый тип научно-популярного издания**, построенного на широких демократических началах и осуществляемого **полностью за счет авторов**.

Желающие принять участие в очередном научно-дискуссионном сборнике высылают в адрес кооператива текст, напечатанный на машинке через 2 интервала (не более 5 стр.), где четко формулируется проблема — социально-экономическая, естественнонаучная или гуманитарная — и дается либо ее обоснование, либо аргументированная критика. Материал должен быть изложен популярно, доступным для широкого читателя языком; математические формулы употребляются лишь в самом крайнем случае; допускается использование рисунков и схем.

Одновременно автор пересылает 10 руб. на расчетный счет кооператива. Эти деньги предназначаются для оплаты рецензионных и экспертных услуг. Квитанция о переводе прилагается к высылаемому материалу (без приложенной квитанции работа не рассматривается). Просьба также приложить почтовый конверт с маркой и подписанным своим адресом.

В случае положительного решения, о котором кооператив уведомляет автора, он переводит на расчетный счет кооператива 15 руб. за каждую принятую к печати машинописную страницу. Эти деньги предназначены для оплаты редакционно-издательских услуг (включая научно-литературное редактирование, перепечатку на машинке при сдаче в производство, работу корректора, художника, технического редактора и т. п.). Если стоимость типографских работ окажется выше общей собранной суммы, кооператив сообщает об этом авторам дополнительно.

Преимущество первоочередности публикаций предоставляется авторам наиболее оригинальных, нестандартных идей и гипотез. Редколлегия сборника вправе сопроводить публикуемый материал собственным комментарием. Авторский гонорар не выплачивается. Право последующих публикаций сохраняется за автором. Экземпляры напечатанного сборника каждый автор может приобрести на общих основаниях. Выполнение предварительных заказов гарантируется.

Ждем Ваши материалы по адресу: 119882, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1. Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина. Кооператив «Самообразование».

Наш расчетный счет № 2461423 в Ленинском отделении Жилсоцбанка г. Москвы. Кооператив «Самообразование».

